

Джеймс Кервуд

Золотая петля

Джеймс Оливер Кервуд

Золотая петля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130482

Аннотация

«Брэм Джонсон был необыкновенным человеком даже для своего Севера. Не говоря уже ни о чем другом, он представлял собою продукт окружающей обстановки и крайней необходимости и еще чего-то такого, что делало из него то человека с душой, а то зверя с сердцем дьявола. В этой истории самого Брэма, девушки и еще одного человека к Брэму нельзя относиться слишком строго. Он был способен и на чувствительность и на жестокость. Впрочем, сомнительно, имел ли он то, что принято вообще считать душой. Если же и имел когда-нибудь, то она затерялась где-то в дремучих лесах и в той дикой обстановке, которая его окружала...»

Содержание

Глава I. Брэм и его волки	6
Глава II. Филипп Брант считается с очевидностью	12
Глава III. Брант принимает решение	18
Глава IV. Восьмая ночь	23
Глава V. Первая встреча	31
Глава VI. Один за другим	40
Глава VII. Врасплох	50
Глава VIII. Схвачен на месте	57
Глава IX. Сумасшествие и голод	74
Глава X. Брэм проявляет великодушие	82
Глава XI. Филипп делает открытие	90
Глава XII. Неожиданное приключение	100
Глава XIII. Филипп успокаивается	109
Глава XIV. Что принес с собой ураган	116
Глава XV. Пожар	123
Глава XVI. Перед рассветом	132
Глава XVII. Кто-то прошел	137
Глава XVIII. В борьбе со временем и пространством	142
Глава XIX. Селия поступает, как настоящая жена	148
Глава XX. Блэк заговорил	154

Глава XXI. К медной реке	161
Глава XXII. Исчезновение Блэка	166
Глава XXIII. Олаф Андерсон	174
Глава XXIV. Осада	180

Джеймс Оливер Кервуд

Золотая петля

* * *

Глава I. Брэм и его волки

Брэм Джонсон был необыкновенным человеком даже для своего Севера. Не говоря уже ни о чем другом, он представлял собою продукт окружающей обстановки и крайней необходимости и еще чего-то такого, что делало из него то человека с душой, а то зверя с сердцем дьявола. В этой истории самого Брэма, девушки и еще одного человека к Брэму нельзя относиться слишком строго. Он был способен и на чувствительность и на жестокость. Впрочем, сомнительно, имел ли он то, что принято вообще считать душой. Если же и имел когда-нибудь, то она затерялась где-то в дремучих лесах и в той дикой обстановке, которая его окружала.

История Брэма началась еще задолго до его появления на свет, по крайней мере за три поколения. Она зародилась еще раньше, чем Джонсоны перешли за шестидесятый градус северной широты. А они все время настойчиво и упорно поднимались к северу. Всякий, кто садится в лодку в Нижней Атабаске и отправляется затем на север к Большому Невольничьему озеру и оттуда через Макензи к Полярному кругу, всегда заметит массу удивительных этнологических перемен. По всему его пути будут быстро сменяться одна за другой характерные расовые черты. Худощавый, с впалыми щеками, чиппева, с его быстрыми движениями и остроносой лодкой, сменяется неповоротливыми индейцами племе-

ни кри, с их широкими скулами, раскосыми глазами и челноками из березовой коры. И чем дальше на север, тем больше изменяется и кри; каждое новое племя едва заметно отличается от своих более южных соседей, пока наконец те же индейцы кри не становятся похожими на японцев, а их место занимают чиппева. Индейское племя чиппева начинает свою историю там, где ее заканчивает племя кри. Чем ближе к Полярному кругу, тем скорее лодка превращается в каяк, лица становятся скуластее и глаза начинают походить на китайские; и писатели, изучающие историю человеческого рода, получают право называть их уже эскимосами.

Раздвинувшись на север, Джонсоны так и не осели на каком-нибудь определенном месте. Вероятно, сто лет тому назад был один какой-нибудь настоящий Джонсон, который воплотился потом в Брэма. Их за это время было довольно много. Кровь первого Джонсона в самом начале смешалась с кровью племени чиппева, затем кровь следующего поколения – с кровью племени кри, так что получилась порода кри-чиппева-Джонсон, пока наконец Джонсоны не превратились в конце концов в эскимосов. Но удивительнее всего то, что уцелела сама фамилия Джонсон. Входишь в юрту или хижину, надеясь встретить там белого, – и вдруг натыкаешься на инородца.

После целых ста лет такого смешения крови Брэм оказался атавистом. Он представлял собою совсем белого человека по цвету кожи лица, волос и форме глаз. Во всем остальном

он походил на свою полукровку-эскимоску мать, за исключением ее роста. В нем было добрых шесть футов, и силищи он был невероятной. У него было широкое, скуластое лицо, тонкие губы и приплюснутый нос. Но цвет лица был совершенно белый. Это бросалось в нем прямо в глаза. Даже волосы у него были светло-рыжеватые, хотя жесткие и лохматые, как грива у льва, и глаза голубого цвета, которые, впрочем, в моменты гнева становились в темноте зелеными, как у кошки.

Никто не желал быть с Брэмом в дружбе. Он представлял собою какую-то тайну. Он никогда не оставался в посту долее, чем это было необходимо для того, чтобы обменять меха на съестные припасы, и проходили целые месяцы и даже годы, прежде чем он снова появлялся в том же самом посту. Он находился в постоянном движении. Иногда пограничная стража нападала на его след и во многих своих донесениях о деятельности своих передовых патрулей сообщала в свою главную квартиру только следующими лаконическими фразами: «Мы видели, как Брэм ехал к северу на своих волках» или «Брэм и его волки промчались мимо нас» – и всегда нераздельно: Брэм и его волки. Целых два года полиция не имела о нем ровно никаких сведений. Это было в то время, когда Брэм затерялся где-то в Северной стране к востоку от Большой Медвежьей реки. После этого полиция принялась за еще большую слежку за ним, так как являлось предположение, что это отсутствие происходило не даром. И

действительно, кое-что произошло. Брэм убил человека. Он сделал это так просто и так легко, точно переломил пополам спичку, и успел удрать раньше, чем узнали, что его жертва уже умерла. За этой первой трагедией последовала вторая, когда, две недели спустя, капрал Ли вместе с простым солдатом из казарм форта Черчилл задержали его на границе Баррена. Брэм даже не захотел в них и стрелять. Они еще издали слышали его громкий, страшный хохот, а затем он спустил на них своих волков. Каким-то чудом капрал Ли дополз потом до становища какого-то метиса, у которого потом и скончался, и этот-то самый метис и донес затем о происшествии в форте Черчилл.

После этого случая Брэм точно канул в воду. На целых четыре или пять лет. Он и его волки. Только подумать об этом! Один. За все это время о нем ни слуху ни духу. Ни одного раза он даже не явился ни в один из постов для покупки съестных припасов. Это – отщепенец. Человек-зверь. Укротитель волков. К концу третьего года в его запряжке не оказалось уже ни одной капли собачьей крови. Это были одни сплошные, чистокровные волки. Он воспитывал каждого из своих упряжных волков еще со щенков. Все они были громадного роста, на подбор, так как недоразвившихся он убивал. Всего их бегало у него в запряжке двадцать штук. Возможно, что недоразвившихся вполне он прямо отпускал бы на волю вместо того, чтобы убивать, но они сами не хотели от него уходить. В нем они инстинктивно признавали сверх-

человека и считали себя его рабами. И Брэм, дикий и полуживотное сам, со своей стороны, любил их. Они заменяли ему братьев, сестер, жену и все прочее. Он с ними спал и ел и голодал, когда не хватало пищи. Они были его друзьями и защитой. Когда Брэму хотелось мяса и его можно было достать в том месте, где он находился, он просто посылал своих волков на охоту за лосем или оленем, и если они загоняли этих животных миль за десять впереди самого Брэма, то на обглоданных ими костях он все-таки по прибытии находил еще достаточное количество мяса и для себя.

Целых четыре года такой жизни! Полиция даже не хотела этому и верить. Пограничники только саркастически посмеивались, когда до них доходили о нем отдаленные слухи: будто где-то, в совершенно противоположных местах, кто-то видел самого Брэма, слышал его голос, который покрывал собою в тихие, зимние ночи вой его своры, или будто его то там, то здесь видели метисы и индейцы. Относиться к этим слухам так критически заставляло их главным образом суеверие французских метисов, которые считали его чертом, а над чертом на всем Севере никто не позволяет себе смеяться. Мало ли несчастных, которые продали свои души дьяволу только за то, чтобы иметь возможность летать по воздуху, – и находились люди, которые могли бы поклясться на Евангелии, что собственными своими глазами видели, как Брэм со своими волками проезжал по небу, преследуя на нем каких-то громадных, бесформенных зверей.

Итак, полиция была уверена, что Брэм умер; а между тем Брэм, совершенно скрывшись из виду, с каждым днем все более и более превращался в волка и становился волчьим братом. Но белая кровь все-таки оказывалась в нем непобедимой, и в душе у Брэма часто появлялась тоска. Безумное желание слышать человеческий голос, поговорить с близким ему человеком, хотя он никогда не любил ни одного мужчину и ни одну женщину, по временам было для него тяжелее, чем смерть. Это-то и приводит нас к самому тяжкому осложнению в жизни Брэма – к столкновению его с девушкой и еще с одним мужчиной.

Глава II. Филипп Брант считается с очевидностью

Этим другим мужчиной был Филипп Брант.

Он сидел как-то вечером в избушке у Пьера Брео. Сам Пьер сидел как раз против него по ту сторону стола, а сбоку их обоих горела раскалившаяся докрасна железная печь.

Стояла ужасная погода. Охотник на лисиц Пьер выстроил свою избушку как раз на самой стрелке узкой полосы соснового леса, глядевшей как нарочно на самый Баррен, и в этот вечер оттуда дул на нее такой резкий, злобный ветер, разгуливавший по пустым пространствам, что это заставляло Филиппа дрожать. Совсем близко на востоке находился Гудзонов залив, так близко, что когда за несколько минут перед этим он высунулся из двери, то до него донесся гром никогда не прекращающегося морского прибоя, катящего свои воды прямо с Ледовитого океана, и резкий, точно звук от громадного ножа, треск ледяных гор под напором такого же ледяного, северного ветра. К западу от хижины Пьера тянулся лишенный всякой жизни Баррен, пустой и безграничный, без малейшего камня или куста, с нависшим над ним небом, которое не раз заставляло Филиппа вспомнить о картине Доре «Ад», — тяжелым, хмурым, синевато-красным, как гранат, всегда готовым разрешиться ужасающей снежной бурей. Та-

ково оно было днем. А уж ночью, когда начинали брехать белые лисицы и завывал дикий ветер, – нечего было и говорить.

– Так как я человек верующий, – повторил через стол Пьер, – и все-таки еще надеюсь на спасение души, то клянусь вам, что я видел его с глазу на глаз.

Брант, служивший в пограничной страже и находившийся всегда при патруле в форте Черчилл, перестал недоверчиво улыбаться. Он всегда считал Пьера Брео человеком храбрым, иначе бы тот никогда не забрался в своей охоте на белых лисиц в самую глушь Баррена один, и несуетерным, как большинство из его соотечественников, иначе Пьер давно бы уже убежал от горьких рыданий и бурных воплей вечных, ни на минуту не прекращающихся ночных ветров.

– Клянусь вам! – повторил Пьер.

Что-то почти задорное вдруг появилось на лице у Филиппа. Он перегнулся через стол, крепко ухватившись пальцами за его края. Ему было уже тридцать пять; он был так же худощав, как и Пьер, только у Пьера были глаза черные, а у него – цвета стали. Было время, – давно уже, – когда и он жил в большом западном городе и носил черный сюртук так, как ни один человек в мире; а теперь рукава на его оленьем полушубке были истерты и разорваны, руки огрубели, и все лицо было изборождено следами от морозов и ветров.

– Нет, это невозможно, – ответил он. – Брэма Джонсона нет в живых!

– Он жив, мсье... Уверяю вас.

Какая-то страшная дрожь слышалась в голосе у Пьера.

– Если бы я только слышал, а не видел, – продолжал он, сверкнув глазами, – то вы еще могли бы мне не верить, мсье. Да, вначале я только услышал вой его запряжки и потому подошел к двери, отворил ее и долго стоял и прислушивался, вглядываясь в темную ночь. Уф! Волки пробежали как раз мимо меня. Я слышал, как от них убегал олень. А затем последовал громкий крик, покрывший собою вопли волков, точно это кричали сразу десять человек. Тогда я понял, что это Брэм Джонсон добывает для себя мясо. Да, он еще жив! Но это еще не все. Нет, нет! Это еще далеко не все.

Пальцы его судорожно постукивали по столу. В третий или четвертый раз за последние три четверти часа Филипп Брант замечал, как он откидывался назад в каком-то странном возбуждении. Недоверие прошло. Филипп уже начинал верить Пьеру.

– Значит, вы действительно видели его? – спросил он.

– Да. Я не хотел бы поступать так опять, мсье, как поступил тогда, за всех лисиц, начиная от Атабаски и кончая Гудзоновым заливом. Я до сих пор не могу дать себе отчета, почему именно я так поступил. Что-то повлекло меня прямо в ночную темноту. Я последовал за ним. Скоро я нашел следы от волков и от лыж человека. Да. Я отправился далее по этим следам. Я дошел таким образом до того самого места, где звери уже расправлялись со своей добычей. Ветер

дул мне прямо в лицо, и потому я отлично мог слышать, как они щелкали зубами и раздирали оленя на части. Да, да! Я услышал, кроме того, еще и ужасный смех человека! Если бы ветер вдруг переменялся и это дьявольское отродье вдруг почуяло бы мой запах, то мне несдобровать бы!

Он вздрогнул, повел плечами и хрустнул пальцами.

– Но я оставался, мсье, там, где и стоял, чуть не по грудь увязнув в снегу. Через несколько времени они побежали далее. За темнотою я не мог рассмотреть их более подробно. Тогда я подошел к тому месту, где они расправились с оленем, и увидел, что Брэм захватил с собой два оленьих окорока. Это был старый, довольно крупный карибу. Окольными путями, через голую равнину, я добрался наконец до леса, в котором Брэм расположился уже у костра. Теперь уж я мог видеть его отлично и, клянусь вам всеми святыми, что это действительно был Брэм! Давно уже, еще перед тем, как он убил человека, он два раза посетил меня в этой самой моей избушке, – и с тех пор не изменился нисколько. Вокруг него, греясь у костра, лежали его волки. Только тогда я наконец и пришел в себя. Я видел, как он их ласкал, видел, как они оскаливали зубы. Да, я слышал собственными ушами, как он разговаривал с ними и смеялся себе в бороду. И я бросился поскорее обратно, к себе домой, я побежал со всех ног, боясь, как бы меня не догнали волки. И тем не менее это... это еще не все!

Опять он уставился на Бранта и стал сжимать и разжимать

свои пальцы.

– Теперь вы верите мне, мсье? – обратился он к нему.

Филипп утвердительно кивнул головой.

– Но все это как-то фантастично... – ответил он. – Все-таки нельзя же предположить, чтобы это вы видели, Пьер, во сне!

Брео вздохнул с облегчением и поднялся на ноги.

– И вы поверите мне, если я расскажу вам остальное? – спросил он.

– Да, – ответил Брант.

Пьер подошел к сундуку и достал оттуда мешок из оленьей кожи, в котором у него хранились кремни, кресала и другие принадлежности для добывания огня во время пути.

– На следующий день я вернулся туда обратно, мсье, – сказал он, снова садясь за стол против Филиппа. – Брэм и его волки уже ушли. Оказалось, что он провел ночь в шалаше из еловых ветвей. Весь снег кругом был утоптан его мокасинами и лапами волков. Я обшарил все это место, надеясь хоть что-нибудь после него найти, и, к счастью, кое-что нашел. Это силок, петля для ловли кроликов.

Не слова, а выражение глаз Пьера Брео, когда он стал шарить своими длинными пальцами в мешке из оленьей кожи, заставило Филиппа почувствовать какой-то особый трепет и предположить что-то особенно интересное. И, не произнося ни слова, он стал терпеливо ожидать, когда Пьер покончит наконец со своими поисками.

– Простая петля для ловли кроликов, мсье... – продолжал Пьер. – Она вывалилась у него из мешка прямо в снег...

И он протянул ее Филиппу. Тот нетерпеливо схватил ее и стал разглядывать. Свисавшая с потолка лампа освещала весь стол и их головы и плечи. Рассмотрев петлю, Филипп вдруг вскрикнул от удивления. Пьер ожидал этого. Сначала Филипп не доверял ему, а теперь наконец-то сам убедился. Некоторое время казалось, что он перестал даже дышать. Лампа освещала то, что он держал в руке, а он, широко раскрыв глаза, смотрел на это нечто и от изумления не двигался. Это был силок. В этом не могло быть ни малейшего сомнения. Он был сплетен из волос длиной чуть не в целый аршин, с одного конца имел петлю и с другого – двойной узел.

Но удивительнее всего было то, что этот силок был сплетен из золотых волос женщины. Он представлял собою золотую петлю!

Глава III. Брант принимает решение

Процесс человеческого мышления иногда не останавливается на своем пути, чтобы обсудить свои дальнейшие действия, а сразу делает скачок к немедленному и подчас неожиданному решению, которое, благодаря именно этой внезапности, является точно снег на голову. Вскрикнув один раз от удивления, Филипп больше не издал ни единого звука. Он не сказал ни одного слова Пьеру. Среди наступившей вдруг тишины слышно было, как его часы тикали, точно барабан. Затем, не спеша, он выпустил из пальцев шнурочек из шелковых волос, поднял глаза и встретился со взглядом Пьера. Оба знали, о чем каждый из них думал. Если бы волосы были черные! Если бы они были рыжие! Если бы даже в них была грубая краснота эскимосской шевелюры с верхнего течения реки Макензи!

Но нет, волосы в петле были золотые, – так и отливали светлым золотом!

Все еще не говоря ни слова, Филипп вытащил из кармана нож, отрезал им петлю от доски, к которой она была прикреплена, и стал тщательно расплетать ее, пока наконец перед ним на столе не оказались длинные пряди волнистых волос. Если он до сих пор сомневался, то теперь не было ме-

ста ни малейшему сомнению. Он не мог припомнить, где и когда в своей жизни видел женщину, у которой были бы волосы такого настоящего золотого цвета. Это было вовсе не червонное золото. В волосах не было ни малейшего оттенка красной меди, когда они лежали на столе и отражали от себя ламповый свет. Они были точно лен или точно расчесанный шелк и настолько тонки, что, глядя на них, он удивлялся тому терпению, которое потребовалось для того, чтобы сплести из них петлю. Опять он посмотрел на Пьера. Тот же самый вопрос занимал и его.

– Отсюда вытекает, – прервал наконец молчание Пьер, – что у Брэма есть женщина.

– Безусловно, – ответил Филипп.

Это последнее слово, то ударение на нем, которое сделал Филипп, так многозначительно посмотрев на Пьера, повлекли за собою новый, более страшный вопрос, который уже некоторое время занимал собою обоих. Пьер пожал плечами. Он не мог на него ответить. Пожимая плечами, он вдруг вздрогнул. Когда ветер неожиданно потряс дверь, то ему казалось, будто в нее постучалось человеческое существо, и он тотчас же повернулся к ней лицом.

– Черт возьми! – воскликнул он, придя в себя и обнажая в улыбке перед Филиппом свои белые зубы. – Какой я стал нервный! И это после того, как я увидел тогда при свете костра Брэма и его волков и нашел вот это!

Он указал на блестящие волосы.

– Видали вы когда-нибудь такие волосы, Пьер?

– Нет, мсье. Ни разу в жизни.

– Но ведь вы же встречались с белыми женщинами в форте Черчилл, в фактории Иорк, в Лаклабише, в Кумберлэнд-Хаузе и в форте Альбани?

– Да, конечно, и даже во многих других местах, мсье. Но нигде никогда не сталкивался с женщиной, у которой были бы такие волосы.

– А насколько нам известно, Брэм никогда не отлучался со своего Севера южнее Форт-Чипевайана, – продолжал Филипп. – А это-то и заставляет нас призадуматься. Не правда ли, Пьер? Поневоле начнешь задавать себе вопросы. А как на них ответить? Как ваше мнение?

Пьер был полуфранцуз-полуиндеец. Зрачки его расширились, когда он встретил на себе пристальный взгляд Филиппа.

– Надо подумать, – ответил он с тревогой. – Не забывайте, что это каторжник и... и, как некоторые убеждены, – оборотень. Я не суеверен, мсье, – нет, нет! – я вовсе не суеверен. Но о Брэме и об его волках ходят такие странные слухи, будто он продал дьяволу свою душу, будто может летать по воздуху и сам по собственному желанию оборачиваться в волка. Поэтому – что же тут удивительного, если он вдруг стал ловить кроликов женскими волосами?

Пьер сделал такое движение, точно хотел проглотить подступивший ему к горлу ком. Филипп заметил, что он делал

над собой усилие, чтобы победить в себе засевшие в нем сизмальства предрассудки.

– Но ведь все эти истории – чистая выдумка, мсье, – продолжал он уже совсем другим голосом. – Вот почему я и показал вам эту петлю. Брэм Джонсон вовсе не умер. Он еще жив. И при нем находится женщина, но кто она?

– Кто она?..

Одна и та же мысль засела в голове у обоих. И ни один из них не мог дать на нее ответа. Филипп снова принялся за изучение волос, перебирал их между пальцами и раскладывал на поверхности гладкого кожаного бумажника, который он вынул из бокового кармана. Затем, вовсе не желая курить, точно случайно, набил трубку и зажег ее. Потом он подошел к двери, распахнул ее и несколько минут постоял на пороге, вслушиваясь в дикий вой ветра, разгуливавшего по Баррену. Пьер все еще сидел за столом и внимательно наблюдал за каждым его движением. Наконец Филипп хлопнул дверью и подошел к метису.

Он пришел к какому-то выводу.

– До форта Черчилл отсюда триста миль, – сказал он наконец. – Как раз на полпути, у южного конца озера Джесич, стоит со своим патрулем Мак-Вей. Если я отправлюсь на поиски Брэма, то прежде всего должен дать знать об этом Мак-Вею, с тем, чтобы он, со своей стороны, сообщил об этом в форт Черчилл. Можете ли вы, Пьер, позабыть на время обо всех ваших капканах и ловушках и взять это дело на себя?

Пьер подумал. Затем ответил:

– Хорошо, я отправлюсь к Мак-Вею. Я ему сообщу об этом.

До поздней ночи Филипп писал свое донесение. Он был выслан, чтобы перенять бежавшую шайку грабителей-индейцев. Теперь на его пути возникло новое обстоятельство, которым необходимо было заняться в первую очередь, и он сообщал об этом своему начальнику в форт Черчилл. Он передал в своем донесении все, что рассказал ему Пьер Брео, удостоверял, что верит этому вполне и что Брэм Джонсон, на котором тяготело целых три преступления, таким образом оказывается еще в живых. Он просил выслать для выслеживания шайки грабителей-индейцев другое лицо и, насколько возможно, подробнее изложил те методы, которыми будет руководствоваться в своем следствии по делу Брэма.

Покончив с этим рапортом, он запечатал его, но умолчал только об одном.

Он ни единым словом не обмолвился в нем о петле для ловли кроликов, сделанной из женских волос.

Глава IV. Восьмая ночь

На следующее утро буря все еще жестоко махала из стороны в сторону своим хвостом со стороны Баррена, но Филипп все-таки отправился в путь, взяв с собой в проводники Пьера Брео до того места, где он в последний раз видел у костра Брэма Джонсона и его волков. С того тревожного вечера прошло уже три дня, и когда они прибыли к тому месту, где Брэм провел ночь в шалаше, сделанном из еловых ветвей, то шалаш этот оказался уже до половины занесенным снегом, который без удержу разгуливал целыми тучами по открытым пространствам.

От этого места Пьер в точности объяснил то направление, которое взял Брэм на утро после своей охоты, и Филипп заметил по компасу этот уже невидимый из-под снега путь и почти тотчас же пришел к определенному выводу.

– Брэм должен был держаться вот этого самого кустарникового леса вдоль Баррена, – обратился он к Пьеру. – И я тоже буду держаться его опушки. Вы можете сообщить об этом Мак-Вею в дополнение к тому, что я уже ему написал. Но о петле, Пьер Брео, ему ни слова! Понимаете? Если Брэм действительно знает с нечистой силой и умеет хватать золотые женские волосы прямо из воздуха, то...

– Я ничего ему не скажу, мсье... – ответил, поведя плечами, Пьер.

Они пожали друг другу руки и молча расстались. Филипп отправился на запад и, пройдя некоторое расстояние, обернулся назад, чтобы в последний раз посмотреть на Пьера, но его уже не было. Через час после этого он весь был подавлен сознанием, что добровольно принял за отчаянное предприятие. По соображениям, которые пришли к нему за ночь, он оставил своих собак вместе с санями у Пьера и отправился в далекий путь пешком. Его ранец, в котором могло поместиться ноши не более одного пуда, был у него за плечами, но это было все. В нем находились его шелковая палатка, которая могла противостоять любой непогоде, и кое-какие необходимые в дороге предметы для варки пищи. Всю остальную кладь, не считая ружья, револьверов и зарядов, составляли высушенные или превращенные в порошок съестные припасы, сильно спрессованные, так что тридцати фунтов таких припасов было вполне достаточно на целый месяц, если он будет добывать себе мясную пищу в пути. Главную часть всей этой его поклажи составляли пятнадцать фунтов муки; четыре десятка яиц заключались в одном фунте яичного порошка; двадцать восемь фунтов картошки были превращены всего только в четыре фунта сушеного продукта; четыре фунта луку он нес в виде концентрированной жидкости в пузырьке весом всего только в четверть фунта. Таковы были все его запасы.

Он несколько угрюмо засмеялся, когда подумал обо всем том, что находилось у него за плечами. Почему-то ему при-

шли на ум его прежние дни, и он стал задавать себе вопрос: что сказали бы его старые друзья, если бы каким-нибудь чудом вдруг очутились вместе с ним здесь и были бы принуждены питаться так, как он? В особенности его интересовало, как бы отнеслась к этому Миньона Девенпорт. Он воображал себе весь ужас, который появился бы на ее аристократическом лице. От этого дувшего со стороны Баррена ледяного ветра остановилась бы кровь у нее в жилах, она бы скорчилась и умерла в одну минуту. Он считал себя вполне компетентным относительно нее, так как в свое время хотел на ней жениться. Странно, почему именно сейчас она пришла ему на ум? Впрочем, он думал о ней довольно часто. А когда она приходила ему на ум, как вот теперь, когда он брел по следам за Брэмом Джонсоном, он всегда вспоминал о том, что ему пришлось когда-то пережить. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что большинство его старых друзей давно уже позабыло о нем. Пять лет – не маленький промежуток времени, и дружба в том обществе, к которому он принадлежал, никогда не отличалась продолжительностью. Точно так же и любовь. В этом убедила его Миньона. Он горько и презрительно улыбнулся, даже несмотря на ветер, бивший снегом ему прямо в глаза. Судьба сыграла с ним злую шутку. Вообще она любит поиздеваться. Сперва он подхватил воспаление легких, затем у него с легкими, случилось что-то «галопирующее», как выражались тогда врачи, и он стал кашлять кровью. С каждым днем в больших, детски-голубых

глазах Миньоны стало все больше и больше появляться выражение страха, а затем она с такою же детской откровенностью заявила ему, что очень неудобно иметь в числе своих знакомых больного чахоткой.

При мысли об этом Филипп расхохотался. Смех пришел к нему так неожиданно и был таким громким, что Брэм мог бы услышать его за двести шагов, даже несмотря на завывание ветра. Чахотка! Филипп согнул и разогнул в локте руку, так что захрустели даже кости. Он вдохнул в себя полной грудью воздух и выдохнул его обратно с таким шумом, с каким пар вырывается из предохранительного клапана. Это сделал с ним Север. Его вылечил именно Север с его удивительными лесами, безграничным небом, с его реками и озерами и с глубокими снегами, тот самый Север, который из, ледащего человека делает богатыря. Он полюбил его. И потому, что он полюбил его, а с ним вместе и его приключения, он и поступил два года тому назад в пограничную стражу. Он сделал это просто так, для развлечения; в свое время он бросит эту службу, возвратится обратно к своим старым друзьям и к своему клубу и своим богатырским здоровьем поразит голубоглазую Миньону чуть не до смерти.

Несмотря на то, что он был занят теперь выслеживанием таинственного человека, все эти мысли чередой проносились у него в голове. В течение целых двух лет, пока он находился на службе, ему часто приходилось слышать о странной жизни Брэма. Он никому не рассказывал, как глубоко был

заинтересован этой личностью. Правда, он иногда вступал с сослуживцами в разговор о несомненном уме Брэма, но все его усилия в этом отношении оставались бесплодными. Что же касается индейцев и метисов во всем этом краю, в котором он жил, то все они считали Брэма самым настоящим чудищем, обладавшим дьявольскими способностями. Для всех пограничников он был лакомым куском, так как представлял собою в высшей степени опасную личность для всего Севера, и тот счастливец, которому удалось бы схватить его мертвым или живым, тотчас же был бы произведен в сержанты. У многих из них сразу потухли амбиция и надежда, как только разнеслась весть о том, что Брэм уже умер.

Филипп вовсе даже и не думал о чине сержанта, когда настойчиво продвигался вперед по Баррену. Служба была для него между прочим, так как у него были совсем другие планы насчет будущего. С того самого момента, как его пальцы коснулись золотых волос, на него сошло вдруг какое-то странное вдохновение. Сегодня оно захватывало даже еще больше, чем вчера. Но он не выказал ни его, ни своих мыслей перед Пьером, так как не хотел выставлять себя смешным. Он обладал большим воображением и вместе с тем симпатией к животным и к людям. В нем совершенно отсутствовали холодная рассудительность и всякие ухищрения охотника на людей, направленные к тому, чтобы как можно скорее овладеть жизнью другого. Он знал, что поймать Брэма и представить его в распоряжение правосудия составляло его долг,

и был уверен также и в том, что выполнит этот долг даже и в том случае, если его предположения о золотой петле окажутся ни на чем не основанными.

А правильно ли он базировал свои предположения? Его обуревали величайшие сомнения, и он испытывал какую-то странную неловкость. Он старался доказать себе, что могло быть очень много способов, благодаря которым золотые волосы оказались в распоряжении Брэма для устройства силков; они могли быть принесены к нему как талисман, как заклятие против болезней и дьявольских чар каким-нибудь слабым человеком, шаткий ум которого был весь поглощен предрассудками. В последнем случае было бы вполне логично предполагать, что в качестве талисмана Брэм владеет этими золотыми волосами уже давным-давно.

Но вопреки самому себе, Филипп не допускал этого. В полдень, когда он развел огонь, чтобы вскипятить себе чаю и испечь из муки лепешку, он снова вытащил из бумажника золотые нити и стал рассматривать их еще тщательнее, чем вчера. Казалось, что они были срезаны с головы у женщины только вчера, – так они блестели на бледном свете северного полуденного солнца. Его удивили их тонкость и длина. Все они были одинаковы и равной длины.

Он пообедал и пошел далее. Три дня метели окончательно скрыли малейшие следы Брэма и его волков. Тем не менее он был уверен, что Брэм не захочет удаляться от лесных зарослей и углубляться в Баррен. Он уже раньше был осведомлен

о том, что этот Баррен – великий Баррен, даже не нанесенный еще на географическую карту, представляет собою одно безбрежное снежное море, в котором до сих пор скрывался от закона Брэм. Простираясь на целых пятьсот миль на восток и на запад, он доходил, начиная с шестидесятого градуса, почти вплоть до самого Ледовитого океана. Его необитаемые и безлесные пустыни могли доставить Брэму такое же безопасное убежище, как и необъятный Великий океан для прежних пиратов. Этот Баррен был даже хуже, чем Ледовитый океан, потому что на берегах океана можно было, по крайней мере, встретить хоть эскимосов.

Филипп ясно представлял себе всю трудность своих поисков. Весь его успех зависел от хорошей погоды и от того, насколько ему удастся напасть на старый след Брэма и его волков. Старый след мог бы привести его к новому. Но на это потребовались бы целые недели.

В этот вечер прекратились последние вспышки метели, которая неистовствовала все последние дни. Целую неделю затем продолжалась ясная погода. Снег не падал вовсе, но зато было невыносимо холодно. За всю эту неделю Филипп прошел сто двадцать миль к западу.

Вечером на восьмой день, когда он сидел у огня в густых зарослях карликовой сосны, вдруг случилось то, что, пропитанный насквозь фатализмом и предрассудками, предсказывал ему Пьер Брео. И надо же было случиться так, что именно в этот самый вечер и в тот самый час, когда это произо-

шло, Филипп с необыкновенной тщательностью и с величайшим трудом снова сплетал из этих шелковых волос золотую петлю.

Глава V. Первая встреча

Ночь была так ясна, что отбрасываемые сосенками и елями тени казались на снегу живыми. На безграничном, как открытое море, небе сверкали миллиарды звезд. Большая Медведица мигала лучами своих планет. В лунном свете не было нужды. На расстоянии чуть не ста саженей Филипп мог бы видеть лося или оленя, если бы им вздумалось проходить. Он сидел у самого огня, тепло которого отражалось в него от большого почерневшего камня, и заканчивал свое плетение, на что потребовалось ему не менее часа. Уже давно до него доносился любопытный монотонный звук от северного сияния, который, спускаясь с неба на землю, часто походит на мурлыканье кошки или на гуденье пчелы. Занятый своим делом, он и не услышал приближавшегося к нему другого звука. До тех самых пор, пока он не кончил и не положил золотую петлю уже в готовом виде к себе в бумажник, каждый из этих двух звуков не обособился и не отделился еще один от другого.

Он потянулся. Потом прислушался. Затем вскочил на ноги и пробежал через кустарники целых пятьдесят футов к их опушке, где начиналась белая равнина.

Шум доносился издалека, с очень большого расстояния. Чуть не за версту. А может быть, и за две. Это был вой волков!

В этом вое для него не было ничего ни нового, ни необыкновенного. За эти два года он слышал его уже не раз. Но никогда еще он не смущал его так, как именно теперь, и он почувствовал, как похолодела в нем кровь, когда этот звук направился прямо на него. В один момент он вспомнил обо всем, что рассказывал ему Пьер Брео. Так охотились Брэм и его волки. А это действительно мчался Брэм. Филипп был уверен в этом.

Он побежал обратно к своей палатке и как можно скорее обогрел на потухавшем уже огне казенную часть своего ружья. Затем он набросал на костер снегу. Возвратившись к опушке карликового леса, он выбрал себе наиболее высокое дерево, чтобы можно было, в случае надобности, взобраться на него хотя бы сажени на полторы от земли. Все эти приготовления были выполнены им с быстротою ветра. А стая волков, гнал ли ее перед собою человек или вел за собою волк-вожак, неслась уже прямо на него и находилась от него всего только в четверти мили, когда он стал вскарабкиваться на дерево. Он тяжело дышал, и сердце у него билось, как барабан, потому что, когда он влезал на дерево, ствол которого имел у основания всего только два вершка в диаметре, ему припомнилось, как однажды, желая уберечь от волков убитую им тушу лося, он вздернул ее высоко на кедр толщиной в ногу, и все-таки волки подгрызли дерево так, что оно свалилось, точно было сделано из папье-маше. С этого-то ненадежного своего убежища он и стал всматриваться в прости-

равшийся перед ним, залитый светом звезд Баррен.

Затем вдруг послышался третий звук. Какое-то копытное животное сломя голову несло по снежной пустыне, взрывая снег копытами. Когда оно поравнялось с Филиппом, то он увидел, что это спасал свою жизнь карibu. Он с облегчением вздохнул, когда животное побежало параллельно опушке леса, в котором стояла его палатка, намереваясь вбежать в самый лес милей ниже ее. Он заметил, что преследовавшие его волки вдруг замолчали. Это могло означать только одно. Они так уже близко находились от своей добычи, что им незачем уже было выть. Едва только пробежал мимо карibu, как Филипп увидел передового из них – серого, быстро увлекавшего за собой других, которые мчались за ним веером, стараясь замкнуть края образовавшейся подковы с обеих сторон, чтобы захватить в нее карibu. Волки промчались от него так близко, что он мог слышать их дыхание, топот ног и взвизгивания, издаваемые ими сквозь сжатые челюсти. Всех их было по крайней мере штук двадцать, а может быть, и тридцать, и они бежали с таким видом, точно их гнали перед собой силы ада.

Со своего ненадежного места Филипп спустился опять на снег. Он увидел, что карibu уже добежал до леса. Тогда, спрятавшись в тени ели, он стал ожидать, что будет далее. Как вдруг он услышал скрип снега под лыжами. Кровь бросилась ему в лицо, и сердце у него забилося, как и тогда, когда он только еще ожидал появления волков; так он был уве-

рен, что должен был увидеть перед собою человека, как только он выйдет из тени на звездный свет. В короткий промежуток времени между тем, как убежали волки и не выявился еще этот человек, он уже решил, что ему нужно было делать. Судьба вкладывала ему в руку козырной туз. Он быстро пришел к заключению, что легко сможет сладить с Брэмом наедине, тогда как окруженный своими волками тот был совершенно неуловим, и стоило одного только его слова, чтобы они бросились всей стаей на его врага и растерзали его в клочки. Теперь же, когда волки убежали от Брэма далеко, план Филиппа состоял в том, чтобы перерезать Брэму путь и захватить его живьем.

Он поднялся с коленей на ноги, все еще не выходя из тени ели, и сбросил с себя ружье. Сняв с себя перчатку, он крепко стиснул в руке револьвер. Широко раскрыв глаза, он стал выслеживать Брэма на том же месте, где незадолго перед этим промчались и волки. А затем вдруг произошло разочарование. Оно было ужасно. Обманчивые звуки Баррена сыграли с Филиппом неожиданную шутку – и в то время, как он во все глаза вглядывался в далеко расстилавшуюся перед ним равнину, сам Брэм своей собственной персоной вдруг появился перед ним у опушки всего только в каких-нибудь двадцати шагах.

Филипп едва сдержал крик, готовый уже сорваться с его губ, как в этот самый момент Брэм вдруг сразу остановился и, весь на свету от звезд, стал громко кричать своим вол-

кам. Покричал – и стал прислушиваться. Это был не человек, а гигант. «Чудовище», – подумал Филипп. Возможно, что неверный свет ночи увеличивал в его глазах его размеры. На плечи у него спускалась целая копна нечесаных волос, точно морская трава. Борода у него была короткая и густая, и в один момент Филипп увидел его блестящие глаза, как у кошки. Он увидел также и его лицо. Это было страшное лицо с пронзительным взглядом – лицо существа, которое охотилось само и сознавало, что охотились и на него. Это был полчеловек-полужверь. Филипп знал, что никогда не забудет этого лица, его дикого выражения и того страшного одиночества и отчужденности от всего мира, которые светились в его устремленных вдаль глазах. Никогда он не забудет также и того тяжкого дыхания, которое так шумно вырывалось из груди этого человека.

Филипп сознавал, что нужно было действовать как можно скорее. Он выступил вперед из тени, и его пальцы крепко сжали рукоятку револьвера.

Брэм мог бы его увидеть, но в эту самую минуту он запрокинул голову назад и закричал таким криком, какого Филипп не слышал раньше никогда ни от животного, ни от человека. Он начался где-то глубоко в его груди, загремел, как барабан, и закончился тонким, визжащим звуком, который можно было бы услышать за целые мили кругом, – так хозяин звал свою свору назад, так человек-зверь кликал к себе обратно своих собратьев. Возможно, что еще раньше,

чем Брэм так закричал, какой-то сверхинстинкт подсказал ему, что его подстерегает опасность, которой он не замечает. Крик сразу оборвался. Он закончился каким-то странным шипеньем, точно шум пара, вырывавшегося из котла. И прежде чем Филипп мог собраться с силами и прийти в себя, Брэм уже побежал далее, и пограничник мог услышать его странный, почти сумасшедший хохот, который он не забудет уже никогда в жизни и который всегда будет вызывать в нем дрожь.

Не двигаясь с места, Филипп закричал ему вслед:

– Брэм! Брэм Джонсон! Именем закона и короля! Остановитесь!

Это была еще старинная формула с его величеством и законом, которая ровно ничего не значила на Дальнем Севере. Брэм услышал ее. Но не остановился. Он побежал еще скорее, и Филипп снова закричал ему вслед:

– Брэм!.. Брэм Джонсон!

Смех повторился опять. В нем было столько презрения и столько высокомерия, точно он смеялся именно над Филиппом.

Филипп приподнял кверху дуло револьвера. Он вовсе даже и не целился в Брэма. Два раза он выпалил из него, и пули пролетели над головою и плечами Брэма так близко, что он мог слышать их визг.

– Брэм!.. Брэм Джонсон!.. – закричал Филипп в третий раз.

Рука его ослабела и опустилась, и он все еще смотрел вслед громадной фигуре, которая все более и более удалялась от него и сливалась с темнотой. А затем она исчезла совсем.

И опять Филипп остался один. И вдруг к нему пришло сознание, что он сваял большого дурака. Он поступил, как малый ребенок; даже его голос дрожал, когда он называл Брэма по имени. И Брэм поднял его на смех.

Скоро, очень скоро ему придется расплачиваться за свою глупость и нерешительность. Именно это и угнетало его, когда он старался вновь найти на снежной равнине признаки Брэма. Не пройдет и ночь, как Брэм будет уже возвращаться обратно, и с ним вместе пробегут и его волки.

Он вспомнил о капрале Ли и вздрогнул. Затем он отправился к большому черному камню, около которого остановился на ночлег. С быстротой молнии у него пронеслась в мозгу ужасная судьба двух человек из Черчилла, и это придало еще большую реальность той опасности, которой он теперь подвергался и которой был обязан своему непостижимому легкомыслию. Филипп был только средним человеком; в его жилах текла самая обыкновенная кровь. Некоторое количество личной удачи всегда вдохновляло его, и ему всегда было приятно и хотелось использовать малейший случай, который подвертывался ему под руку. Убеждение, что именно здесь, в этом деле, он проморгал свой случай, угнетало его. Он не боялся Брэма. Он не задумываясь вышел бы с ним

на поединок и сражался бы с ним в открытую, даже и в том случае, если бы Брэм действительно представлял собою гиганта. Все это он говорил самому себе, сжимая крепко рукоятку своего револьвера, и старался не проронить ни малейшего звука.

Но Брэм вовсе даже и не собирался вступать с ним в единоборство. Это должны были сделать его волки. Возможно, что Филипп больше уже не увидит Брэма никогда. Он услышит только издали его смех или крики на волков, как когда-то слышали их капрал Ли и другой человек – его спутник.

Брэм никогда уже не возвратится для отмщения, раз он способен анализировать положение. Выстрелив в этого человека, Филипп слишком ясно открыл перед ним, кто он такой и каковы его цели. И, спасая свою шкуру, Брэм был бы дураком, если бы тотчас же не отделался от своего неожиданного опасного врага.

А затем Филипп вдруг увидел его снова, опять таким же, каким видел его и в первый раз при бледном мерцании звезд. И его поразило, что Брэм был совершенно безоружен. Едва он это сообразил, как его быстро окрылили надежды. Он стал искать вокруг себя дерево повыше. С дерева же он всегда сумел бы отразить нападение волков и перестрелять их всех по одному. С ним были ружье и револьвер и было достаточное количество снарядов. Все преимущества могли бы быть на его стороне. Но если только у Брэма имеется ружье,

а он будет сидеть на дереве, то...

Он надел на себя лежавший у костра полушубок, наполнил себе карманы патронами и стал разыскивать подходящее дерево. Оно оказалось в ста ярдах от места его стоянки. Это была корявая, приземистая сосна, дюймов шести в диаметре, росшая на открытой полянке. Он знал, что эта полянка может подействовать ему в нанесении поражения волкам. С другой стороны, если при Брэме окажется вдруг ружье, то игра Филиппа будет проиграна. Сидя на дереве и четко вырисовываясь на светлом фоне ярко освещенного звездного неба, он будет представлять собою для Брэма превосходную цель. Брэм пристрелит его, не целясь. Но для Филиппа оставался только один выход, и он должен был его использовать.

Глава VI. Один за другим

Час спустя Филипп поглядел на часы. Было около полуночи. К этому времени его первое напряжение дошло до крайней точки. Из глубины Баррена до него не доносилось ни малейшего звука, все молчало и среди низкорослых деревьев, так что он ниоткуда не мог ожидать успокоения своим нервам и ободрения. Он ожидал, что вот-вот, каждую минуту, к нему может вернуться Брэм, со своими волками, что он не услышит шагов этого человека и прыжков его животных до той самой поры, пока они не будут совсем уже близко от него. Два раза над его головой пролетела громадная сова. В третий раз она бросилась на пробежавшего через кустарник зайца, и Филиппу казалось, что это приходит ему конец. Маленькие белые лисицы, любопытные, как дети, ужасали его. Сколько раз, благодаря им, он вздрагивал от страха, а два раза даже должен был взлезть от них на дерево!

Затем наступила реакция, его нервы стали приходить в порядок, и пульс уже не стучал так, как до этого. Филипп стал задавать себе вопрос, действительно ли для него миновала опасность, в которой он был так уверен всего только один час тому назад. Возможно ли, чтобы Брэм испугался его выстрелов? Он не верил этому. Менее всего он мог считать трусом этого человека, который показался ему при свете звезд таким гигантом. И он быстро представил себе лицо

Брэма. Теперь, после почти невыносимого напряжения всей нервной системы, стояло у него перед глазами нечто, чего он не мог себе объяснить и что так ясно выражалось на лице у Брэма. В нем было выражение чего-то до безумия дикого и в то же время чего-то страдальческого, как у человека без всякой надежды. В этот момент, когда чувство самосохранения заставляло Филиппа прислушиваться к малейшему звуку, он более уже не испытывал в себе того возбуждения, которое захватывает всегда человека, охотящегося на человека. Он не мог бы объяснить такую резкую в себе перемену, такую быструю реакцию в своих мыслях и чувствах, какая произошла в нем, дав место неожиданно появившейся в нем симпатии к Брэму.

Он ожидал и все менее и менее стал испытывать страх перед волками. С особенной ясностью он стал теперь, когда миновало время, представлять себе Брэма: его угрюмый взгляд, загнанный вид даже тогда, когда он сам гнал своих волков, его абсолютное одиночество, когда он вдруг остановился, чтобы прислушаться к вою и крикам своих единственных друзей – зубастых животных. Несмотря на его ужасные крики, которые он посылал волкам, и на дикость его смеха, раздавшегося среди белой ночи после выстрелов Филиппа, Брэм все-таки не показался ему сумасшедшим. Филипп слышал о людях, которые сошли с ума от одиночества. Он даже знал одного – Пеллетье, жившего на самом краю света за Полярным кругом. Он наизусть выучил дневник, написанный

этим Пеллетье на двери его хижины. Вот то действительно было сумасшествие! Смерть пришла к Пеллетье как желанный друг. На него же походил и Брэм, целые годы проводивший без всякого общения с людьми, – и все-таки...

Мысли Филиппа перешли на женские волосы. Сидя в хижине у Пьера Брео, он и вида не подал о том подозрении, которое явилось у него тотчас же. Со своей стороны, молчал и Пьер, если и у него тоже возникло подобное же подозрение. Он боялся высказать его из страха. Теперь же Филипп был охвачен им вполне. Он знал, что человеческие волосы могут сохранять свою свежесть и блеск до бесконечности, и не считал невозможным, что Брэм мог владеть ими уже целые годы. Вполне естественно было предположить, что он выменял их на что-нибудь у какого-нибудь белого человека, когда еще не был вне закона, и что какая-нибудь фантазия или суеверие заставили его иметь их при себе. Но Филипп уже перестал руководствоваться одними только доводами рассудка. Против его рассудка восстало сознание, которое настойчиво подсказывало ему, что эти волосы только недавно были срезаны с женской головы. Он не мог представить даже самому себе каких-либо логических доказательств этому, но в то же время не находил возможным и возражать вполне против такого предположения. С Брэмом живет или жила женщина; и всякий раз как ему приходили на ум длина, красота и редкая волнистость шелковых нитей, находившихся сейчас при нем, у него в бумажнике, – он не мог не содрогаться от одной

только мысли, что эта женщина могла быть белой.

Брэм и белая женщина! И притом женщина с такими волосами, как эти!

Филипп слез с дерева, затем целый час проходил взад и вперед по опушке, причем все его чувства находились в высшей точке напряжения. Затем он вновь развел костер, прерывая каждую минуту свое дело, чтобы вновь и вновь прислушаться к каждому подозрительному звуку. Было очень холодно. Несколько времени спустя он заметил, что сперва очаровывавшие звуки северного сияния теперь превратились уже в неприятный шепот. Звезды стали светить уже не так ярко, и ему стало вдруг казаться, что они отходили от него все дальше и дальше, чтобы оставить его одного. Это умирание звезд всегда интересовало его. Это было одним из чудес Крайнего Севера. Ему казалось, что тысячи невидимых рук действовали под самыми небесами и невидимо тушили звезды, сперва по одной, затем по две, а потом и целыми созвездиями. Это всегда предшествует в течение целого часа неприятной и хаотической темноте, которая наступает перед самым рассветом на Севере, и именно этой-то темноты он теперь и боялся, сидя в одиночестве перед своим костром.

В этот-то самый час непроницаемой тьмы и мог неожиданно появиться Брэм. Возможно, что именно ее-то он и дожидался. Филипп посмотрел на часы. Было уже четыре. Опять он отправился к своему дереву и стал поджидать. Че-

рез четверть часа стало так темно, что ему уже не было видно и того дерева, около которого он стоял. А Брэм все не приходил. Перед самым рассветом Филипп вновь развел огонь – это уже в третий раз – и принялся за приготовление себе завтрака. Ему хотелось кофе как можно крепче, и он засыпал его вдвое больше, чем обыкновенно. А в семь часов утра он уже был готов продолжать свой путь далее.

Он стал теперь уже твердо верить в то, что какая-то таинственная, но в то же время и могучая сила заставила Брэма Джонсона отказаться от такого подходящего случая, чтобы расправиться истекшей ночью со своим врагом. И вот, идя теперь вдоль опушки леса на самом краю Баррена, он испытывал полное равнодушие к тому, чтобы захватить как-нибудь Брэма и арестовать его. Во всем этом приключении оказалась одна вещь, которая стала его интересовать гораздо более, чем сам Брэм. Это была золотая петля. Не через самого Брэма, а именно только благодаря его следу, он мог бы добраться до ее разгадки. Там он узнает всю ее тайну, а может быть, даже и трагедию, если только вообще эта петля может что-нибудь означать. И он оценил редкий и исключительный случай, который предоставил ему возможность следовать за Брэмом, когда тот отступал. С человеком он мог еще справиться, если бы явилась необходимость с ним сразиться, а уж с волками расправа была бы коротка.

Час спустя Филипп осторожно вышел к тому месту, где волки заели карибу насмерть. На целых двадцать футов в

окружности весь снег оказался плотно утоптаным лапами животных, и вся эта арена была залита кровью и усеяна кусками мяса, обглоданными костями и клочьями шерсти. Филипп мог отлично определить, где бежал Брэм и где потом снял с себя свои лыжи. Следы от его мокасинов смешивались со следами от лап волков. Брэм, очевидно, прибыл вовремя, чтобы спасти окорока, которые он оттаскивал в сторону из этого кровавого круга. Голодной стае были предоставлены одни только остатки.

Снег отпечатывал на себе, точно буквы на книге, все то, что происходило потом. И это очень удивило Филиппа. Неизвестно, откуда Брэм добыл себе сани и на эти сани нагрузил то, что ему удалось уберечь от волков. По следам, оставленным на снегу, Филипп мог убедиться, что эти сани были гораздо длиннее и шире, чем те, какие ему до сих пор случалось видеть. Он даже и представить себе не мог того, что здесь происходило, но все дело оказалось слишком ясным, чтобы его понять. Далеко отсюда, еще где-то в глубине Баррена, Брэм нарочно распряг свою стаю, как только увидел бежавшего вдалеке карибу, чтобы она могла броситься за ним в погоню, догнать его и загрызть. А затем уже, насытившись, все они, и человек и волки, вернулись обратно среди ночи за своими санями, причем Брэм сделал нарочно большой обход, чтобы не оставить своих следов вновь у опушки леса и не выдать себя своему врагу – с громадным волнением Филипп мог убедиться, как послушно следовала за

ним по пятам его стая волков. Человек был их неограниченным властелином. Затем они вернулись обратно уже с санями, погрузили на них окорока и помчались прямо на Север через Баррен. Каждый волк находился в упряжи, а сам Брэм сидел на санях.

Филипп глубоко, с разочарованием вздохнул.

У опушки леса, где можно было все-таки запастись горючим материалом, он стал приготавливаться в далекий путь. Он наварил себе еды сразу на шесть суток. Три дня он будет следовать по пятам за Брэмом по безлесным и совершенно не нанесенным на карту пространствам Великого Баррена. Углубляться в него далее без собак и без саней было бы невозможно. Три дня туда да три дня назад – и даже на таком коротком пространстве времени он почти обрекал себя на смерть. В глубине Баррена его ожидала бы более серьезная опасность, чем со стороны Брэма и его волков. Это была снежная буря.

Его сердце забило немного, когда, заметив по компасу точку своего отправления, он выступил прямо на север. Был серый, неприветливый день. Перед ним во все стороны уходили необозримые пространства Баррена, совершенно белые, терявшиеся в красноватой дымке на горизонте. Последняя полоска низкорослого леса скоро исчезла позади Филиппа. Небо нависло, точно свинец. Под таким небом можно было бы сойти с ума. И не прошло и часа, как Филиппом вдруг овладело непреодолимое желание поскорее вернуться обрат-

но. Ни кустика, ни камня, – ничто не нарушало монотонности, а над головой, и так низко, что, казалось, можно было бы попасть в них брошенным камнем, хмуρο ползли с северо-востока тяжелые, темные облака.

Раз десять в течение первых двух часов Филипп взглядывал на свой компас. Не один раз за это время Брэм вилял то туда, то сюда, все-таки выдерживая путь на север. В сером сумраке, без малейшего камня или деревца по пути, по которым можно было бы ориентироваться, его чувство направления руководило им гораздо безошибочнее, чем Филиппом – стрелка его компаса.

Часа через три в семи или восьми милях от того места, где волки загрызли карибу, Филипп наткнулся на следы от первой стоянки Брэма. Волки не были распряжены. Вероятно, Брэм остановился здесь только для того, чтобы надеть на себя лыжи. Далее он пошел уже пешком, и по длине его лыж Филипп рассчитал, что на каждые его четыре мили Брэм продвигался вперед на шесть.

Был час, когда Филипп остановился пообедать. По его мнению, он к этому времени покрыл уже пятнадцать миль. Пока он ел, им все более и более овладевало беспокойное чувство, что он пускался в авантюру, которая ни в коем случае не могла принести ему добра. В первый раз за все время он понял значение того, что Брэм в самый последний момент перед тем, как пускаться в Баррен, должен был в достаточном количестве запастись мясом, – и это привело его в

большое беспокойство. В самом деле, где было бы достать провианта в этом безбрежном море снега, уходящем далеко за Полярный круг? Теперь Брэм вполне обеспечен им, чтобы покрыть, не останавливаясь, сразу целых пятьсот миль, тогда как он, Филипп, не сможет сделать и ста.

Все-таки до трех часов дня он упорно следовал по пути Брэма. Он продолжал бы идти и далее, если бы не наткнулся еще через час на громадный снежный сугроб вышиною с целый дом. Он решил сделать в нем убежище и остановиться в нем на ночь. Это было сделать очень легко, – он видел, как это делали эскимосы. Действуя своими лыжами как лопатой, он стал раскапывать ими снег, пока наконец не прокопал туннель, достаточный для того, чтобы разложить в нем свой спальный меховой мешок и устроиться в нем на ночь. На все это ему понадобилось не более часа, и когда он устроил себе таким образом ложе и вышел «за дверь», чтобы подышать чистым воздухом, то чувства его стали приходить в порядок. Уверенность в том, что у него сейчас же за спиной находится дом, в который не смогут уже проникнуть ни ветер, ни мороз, сообщила ему оптимистическое настроение, которого он не испытывал уже целые сутки.

Он захватил с собою из леса вязанку смолистых веток сосны и разложил из них себе маленький костер, над которым повесил чайник, набитый снегом. Потрескивание огня заставило его посвистывать от благодущия. Кругом сгущались сумерки. К тому времени, как вскипел его чайник и испеклись

лепешки и ветчина, ночь, точно непроницаемым занавесом, завесила его со всех сторон, так что его так и подмывало разрезать его ножом. На небе не было ни звездочки. Ничего не было видно даже в двадцати шагах. То и дело он подбрасывал в затухавший костер веток и когда наконец огонь стал замирать совсем, то он зажег о последнюю головешку трубку и закурил ее.

Затем наступил непроглядный, хаотический мрак. Нащупывая руками дорогу, он прошел к себе в туннель и завесил за собою вход в него своей шелковой палаткой. Затем он с наслаждением растянулся в своем меховом мешке. С тех пор, как он расстался с Брео, он ни разу еще не имел таких удобств. К тому же вся его предыдущая ночь прошла для него вовсе без сна. Он тотчас же крепко заснул. Он не слышал потом ни шума непогоды, ни завывания ветра, поднявшегося на заре. Когда же начался рассвет, то около него раздались другие звуки, которых он тоже не слышал. Его внутреннее сознание, которое сторожило его сон, вдруг подсказало ему, чтобы он пробудился. Он тотчас же открыл глаза. Дневной свет наполнял его туннель. Он посмотрел на «дверь», которую накануне завесил палаткой.

Палатка куда-то исчезла.

На ее месте виднелась громадная, лохматая голова.

Филипп увидел себя лицом к лицу с Брэмом Джонсоном.

Глава VII. Врасплох

Филипп еще не совсем привык к психическим и физическим неожиданностям, которые всегда являются неизбежными спутниками лиц, применяющих закон на Дальнем Севере. Но никогда еще он не испытывал такой тревоги, как теперь, когда, загородив собою узкий вход в туннель, перед ним стоял человек, на которого он охотился.

Первая мысль его была о том, что Брэм смотрел на него уже долго, пока он спал, и что если бы этот отщепенец собирався его убить, то он мог бы сделать это и до его пробуждения без малейших хлопот. Так же быстро он заметил и то, что исчезли его палатка, которою он завесил вход в свою пещеру, и ружье, которым он подпер эту палатку. Брэм присвоил их себе, пока он спал.

Но не потеря этих вещей и не внезапное и неожиданное появление Брэма так сильно его смутили. Он испугался выражения лица Брэма, его глаз и той таинственной задумчивости, которая светилась в его взгляде. Это вовсе не было высокомерие победителя, осматривающего свою жертву. В его взгляде не было и признака ненависти или вызова. Даже не было в нем ничего враждебного. Пожалуй, это походило на изучение незнакомца человеком, который был полон сомнений и беспокойства или терзался неразрешимым вопросом. Даже самые глаза у Брэма казались Филиппу унаследо-

ванными им после целого ряда поколений от какой-нибудь нежной женщины. На лице этого загнанного каторжника они казались чем-то необыкновенно неестественным: это были громадные, серые, прекрасные глаза. И если бы отнять от них его безобразное лицо, то они могли бы привести в восхищение.

Больше минуты ни один из мужчин не нарушал молчания. Филипп схватился за револьвер, но совсем не имел намерения из него стрелять. Затем он понял наконец, что пора уже было заговорить, и начал с самого естественного восклицания, распространенного во всех концах необъятного мира:

– Здорово, Брэм!

– Здравствуйте, мсье!

Брэм только пошевелил губами. Голос же его оказался низким и горловым. И вслед за этим, почти тотчас же, голова его исчезла.

Филипп немедленно же выскочил из своего спального мешка. Через отверстие в его пещеру до него донесся уже другой звук, – угрожающие повизгивания волков. Брэма больше не было слышно.

Несмотря на доверие, которое родилось в душе у Филиппа с первого же взгляда на Брэма, он вдруг почувствовал, как вдоль спины у него пробежал холодок, когда оглядел себя со всех сторон. Он мог стоять в своей берлоге только на четвереньках, при нем остался один только револьвер, – и какую же жалкую крысу в ловушке он разыграет из себя, если Брэм

вдруг выпустит на него своих волков! Каким это будет спортом и для волков и, пожалуй, для самого их хозяина! Ну, ему удастся убить двух или трех волков, а дальше что? Они набросятся на него как вихрь, протискаются к нему сквозь снег, как пловец сквозь воду. Не поступил ли он глупо во второй раз? Не усилил ли он Брэма Джонсона, этого тройного убийцу тем, что так ласково приветствовал его, вместо того чтобы попросту в него стрелять?

Он подполз к выходу из своего туннеля и опять услышал рычание и визг волков. Звуки эти показались ему уже на расстоянии. Тогда он выполз наружу.

Из своей засады он мог видеть только широко расстилавшийся перед ним Баррен и свои вчерашние следы на снегу. Он держал перед собою наготове револьвер, когда вдруг слышался голос Брэма:

– Мсье, бросьте револьвер и нож, иначе я разделаюсь с вами. Мои волки еще голодны!

Филипп продвинулся еще более вперед. Брэм сказал эти слова тихо и без угрожающего тона, но Филипп почуял в них холодный и невозмутимый приговор к смерти, тем более что при создавшихся условиях считал для себя безумием вступить с ним в бой. В своих волках он имел перед ним не только преимущество, но и полную гарантию успеха. И если бы Филипп хоть немного сомневался в этом и попробовал еще раз приподнять револьвер, то его нерешительность могла бы моментально быть устранена хотя бы всего только тремя вол-

ками, которых напустил бы на него Брэм. Это были гиганты, а не звери. И действительно, три из них выступили вперед; за ними последовали четвертый и пятый, а затем их появилось столько, что они загородили собою горизонт. Все они оскалили клыки, щелкали зубами, выли и выказывали нетерпение. Филипп увидел перед собою десятки пар устремленных на него глаз и невольно подался назад. Он знал, что один только Брэм был в состоянии отозвать их от него назад, но не услышал ни единого его слова, ни единой его команды. Даже в ту самую минуту, когда Брэм поднял свою двадцатифутовую кожаную плеть, лежавшую на снегу, точно свернувшаяся змея, и грозно взмахнул ею над головами животных, он не проронил ни звука. Испугавшись этой плети, волки разбегались по сторонам, и тогда только вновь послышался голос Брэма:

– Давайте сюда револьвер и нож, иначе я спущу на вас сейчас волков!

Не успели еще замереть в воздухе эти слова, как Филипп уже бросил к нему свой револьвер.

– Получай, сумасшедший! – крикнул ему Филипп. – А вот тебе и нож!

Нож последовал за револьвером.

– Бросить тебе и постель? – спросил он.

Он употреблял все усилия, чтобы не выдать своего страха и казаться веселым. Но он не упускал из виду того, что только вчера стрелял в Брэма и что было бы совершенно безрас-

судно предполагать, что Брэм не размозжит ему голову, если он окончательно вылезет из своего убежища. То, что Брэм ничего не ответил ему насчет постели, не придало ему большей уверенности. Он повторил свой вопрос еще громче, чем в первый раз, и снова не последовало ответа. В полном недоумении он принялся за сворачивание своей постели и при этом не мог удержаться от угрюмой улыбки. В самом деле, если он останется в живых, то как будет доносить своему начальству обо всех этих приключениях? Его рапорты будут представлять из себя одну сплошную комедию, – как он зарывался в снег, точно для зимней спячки сурок, как его пригласил потом к себе на завтрак человек с дубиной в руке и с целой сворой волков, у которых оскаленные клыки блестяли, точно слоновая кость. А он догадывался, что в данном случае не обойдется и без дубины. И действительно, немного спустя, когда он выкинул из своей берлоги свои спальные принадлежности, то увидел, что его догадки были вполне основательны. Брэм уже захватил себе и нож и револьвер. На той же самой руке у него висели плеть и громаднейшая дубина.

Улучив удобный момент, Филипп не медля последовал за своею постелью и предстал пред ясные очи Брэма.

– Доброе утро, Брэм!

Его приветствие повлекло за собой целый хор дикого рычания волков, так что у него даже застыла кровь, хоть он и пытался скрыть от Брэма малейшие признаки того, что каж-

дый нерв на его спине испытывал такое ощущение, точно в него втыкали иголки. На этот раз Брэм громко крикнул на них по-эскимосски и стегнул их своей длинной плетью прямо по мордам.

Затем он в упор посмотрел на своего пленника. Зеленые огоньки вспыхнули у него в глазах. Узкие губы сжались еще плотнее. В этот момент он готов был убить. Неосторожное слово, один какой-нибудь лишний жест, – и Филипп знал, что конец был бы неизбежен.

Тем же самым горловым голосом Брэм спросил:

– Зачем вы стреляли в меня вчера?

– Я хотел поговорить с тобою, Брэм, – спокойно ответил Филипп, – я вовсе не хотел тебя убивать. Я стрелял тебе через голову.

– Вы хотели поговорить? – продолжал Брэм с таким видом, точно каждое слово требовало от него усилий. – О чем?

– Я хотел спросить у тебя, за что ты убил человека на Божьем озере?

Слова эти вырвались из уст Филиппа как-то сами собой; он не мог их сдержать. Брэм зарычал в ответ, точно это говорил зверь, а не человек. Огоньки у него в глазах сделались еще зеленее.

– Это был полицейский, – ответил он. – Полицейский из Черчилла, и я выпустил на него своих волков!

Рука Филиппа задрожала у него в кармане. Волки стояли

позади него, и он боялся обернуться к ним и посмотреть. Его ужаснуло их подозрительное молчание. Они ожидали, их звериный инстинкт уже подсказывал им, что команда уже готова сорваться с уст их владыки. Брэм бросил на снег нож и револьвер. В одну руку он взял плетъ, в другую – дубину.

Филипп быстро вытащил из бокового кармана бумажник.

– Ты что-то потерял, – обратился он к нему, – когда оставался около избышки Пьера Брео.

Его собственный голос казался ему странным и удивил его.

– Я отправился вслед за тобою, – продолжал он, – чтобы вручить тебе твою потерю. Я мог бы тебя убить, если бы пожелал, когда стрелял, чтобы обратить на себя твое внимание. Я просто хотел тебя остановить. Я должен передать тебе вот это!

И он протянул Брэму золотую петлю.

Глава VIII. Схвачен на месте

Больше полминуты Брэм стоял, точно живое существо, вдруг неожиданно, по шучьему веленью, превращенное в камень. Он уже не смотрел на Филиппа, а весь был поглощен созерцанием сверкавших золотых волос. В следующие затем полминуты он выпустил из рук плетъ и дубину, и они повалились на снег. Все еще не отрывая глаз от петли, точно его кто-то заколдовал, он сделал шаг вперед, затем другой, подошел к Филиппу и взял у него эту вещь. Он не произнес ни слова. В его глазах уже потухли зеленые огоньки. Резкие черты на его лице сгладились, и, когда он стал поворачивать петлю так, что она стала отливать золотом при свете, с губ у него тоже слетело выражение жестокости. Что-то, похожее на улыбку, вдруг появилось у него на лице.

И все еще не говоря ни слова, этот странный человек обмотал вокруг своего громадного пальца шелковый шнурочек, снял его и сунул к себе за пазуху. Казалось, что он вовсе забыл о присутствии Филиппа. Он поднял револьвер, осмотрел его и, как-то особенно хрюкнув, отшвырнул его далеко от себя. Тотчас же все волки бешено помчались за ним вдогонку. Нож последовал за револьвером. Затем так же спокойно, точно он собирался разводить костер, он взял ружье Филиппа в обе руки, ударил им себе о коленку и разломал его на две части. Дуло отвалилось от приклада.

– Черт бы тебя побрал! – пробормотал Филипп.

Он почувствовал, как гнев подкатил ему к горлу, и хотел броситься на Брэма, чтобы защитить свою собственность. Но если он был так беспомощен несколько минут тому назад, то теперь его положение было еще хуже. Но в то же самое время с быстротою молнии его осенила мысль, что если Брэм лишает его оружия, то, значит, – по крайней мере на первое время, – пощадит ему жизнь. Иначе зачем же ему было бы принимать такие предосторожности?

Наконец Брэм перевел на него глаза и указал ему на лыжи, оставленные Филиппом накануне на снегу. Точно таким же хрюканьем, как и раньше, он предложил ему сопровождать его.

Волки повернули назад, сторая от нетерпенья и извиваясь, как змеи. Брэм щелкнул над ними своею плетью и, как только Филипп был готов, он указал ему на север. Филипп должен был идти впереди. за ним шагах в пяти следовал Брэм, а за Брэмом на двойном расстоянии послушно бежали волки. Теперь, когда к Филиппу вернулось уже его самообладание и все его чувства стали приходить в порядок, он принялся за осмысление своего положения. Прежде всего было очевидно, что Брэм считал его не спутником и не гостем, а просто пленником. Таким образом, Филипп должен был каким-нибудь таинственным способом спасти свою жизнь.

В двух милях от сугроба стояли сани Брэма, от которых этот человек и его волки нарочно сделали большой крюк,

чтобы обойти Филиппа с тыла. Это заинтересовало его. Ясно, что человек-зверь решил захватить своего неизвестного врага врасплох. Филипп стал наблюдать за тем, как он запрягал своих волков. Волки повиновались ему, как собаки. Он заметил какую-то необъяснимую дружбу между ним и ими, даже привязанность, потому что этот человек распоряжался ими, как первый среди равных. Брэм разговаривал с ними по-эскимосски и совсем не таким тоном, каким говорил с Филиппом.

Филипп попробовал нарушить молчание. Когда волки были уже запряжены, то он кивнул в их сторону и сказал:

– Если ты предполагал, что я хотел тебя вчера убить, то почему же ты даже не выпустил на меня своих волков, как это сделал с двумя людьми на озере Казба? Зачем ты дожидался до сегодняшнего утра? И теперь куда мы отправляемся?

Брэм протянул перед собою руку.

– Туда! – ответил он.

Это был первый вопрос, на который он ответил, и при этом он указал на север точь-в-точь так же, как указывала его и стрелка на компасе, без малейшей погрешности. После этого он стал смеяться. Этот его смех приводил Филиппа в ужас. Он походил на потоки дождевой воды, с шумом несшейся по водосточным трубам с какого-нибудь старинного здания. Филиппа так и подмывало подскочить к нему, схватить его за необъятные плечи и вытрясти из него ответ, по-

чему именно он так смеялся. И в тот же момент, еще раньше, чем Брэм прекратил свой смех, Филипп вспомнил о несчастном Пеллетье. Вероятно, Пеллетье, когда делал свои записи на двери в те ужасные дни своего сумасшествия, смеялся точно так же, как и этот Брэм.

Лицо Брэма снова приняло тяжелое, неподвижное выражение, когда он жестом указал Филиппу, что пора уже садиться на сани. Сам же Брэм отправился пешком впереди своей стаи. При первом же его крике по-эскимосски волки сильно натянули постромки. В следующий затем момент они побежали, а впереди них бежал сам Брэм.

Филипп удивился его быстроте. Так они должны были продвигаться по восьми миль в час. Несколько минут Филипп не мог оторвать глаз от Брэма и серых спин его волков. Они очаровывали его, и, видя их перед собою среди безмолвной и пустой равнины, он чувствовал, как им все более и более овладевало сочувствие к ним. Он видел в них всегда желанную дружбу между человеком и зверями. И здесь она являлась во всем своем величии. В ней было что-то эпическое. И против них-то так и вооружается всегда закон!

Его взгляд перешел на сани. На них лежали медвежьи шкуры – это одеяла Брэма. Одна из них была с белого медведя. Под этими шкурами лежали окорока карibu и совсем близко к нему, так что он мог легко до нее дотянуться, находилась дубина Брэма. Рядом с дубиной лежало ружье. Оно было старинной системы и одноствольное, – и Филипп уди-

вился, почему именно Брэму нужно было ломать его новейшей конструкции ружье, вместо того чтобы заменить им свое.

Дубинка носила на себе следы частого употребления. Она была из березы и трех футов длиною. Там, где хватался за нее Брэм, она залоснилась и потемнела так, точно была покрыта лаком, весь же другой конец ее был искусан, точно ею били кого-нибудь прямо по зубам. О каких-либо чайниках или кастрюльках на санях не было и помину, не видно было также и никаких других съестных припасов, кроме мяса карibu. К самому носу саней был привязан ремнем пучок хвороста, и из него торчала грозная ручка топора.

Из всех вещей на санях Филиппа больше всего заинтересовали шкура белого медведя и ружье. Очевидно, Брэм позабыл о своем оружии или же просто до крайней степени полагался на своих волков. А может быть, он доверял и своему пленнику? На этот вопрос Филиппу хотелось бы ответить утвердительно. Ведь он не имел ровно никакого намерения вредить сейчас Брэму. Даже более того: он перестал испытывать желание и бежать. Он совершенно позабыл о том, что был представителем закона, который требовал, чтобы Брэм был ему представлен во что бы то ни стало, мертвым или живым. Со вчерашнего вечера Филипп уже перестал считать его уголовным преступником. Он был для него вторым Пеллетье и, благодаря именно ему, Филипп пускался теперь в новые приключения, которые захватывали его так, как ни од-

но выслеживание преступника до этой поры.

Не будь этой золотой петли, не почувствуй он трепета, когда держал ее в своих руках, и не произведи она на него такого сильного впечатления, когда лежала при свете от лампы в хижине у Пьера Брео в расплетенном виде, он смотрел бы теперь на этого самого Брэма как на простого преступника и считал бы своим долгом использовать это его ружье.

Как бы то ни было, но он был теперь уверен, что волчий повелитель спешил сейчас именно к первоисточнику, откуда появилась эта золотая петля. Разве он не видел собственными глазами, какая в нем произошла сразу перемена, когда он показал ему находку? И теперь, покончив уже с осмотром саней, он перевел глаза на Брэма и его волков и стал задавать себе вопросы относительно направления, которого они держались. Не отправляется ли Брэм прямо на Север к заливу Коронации, где живут одни только эскимосы? Он заметил, что шкура белого медведя была еще совсем новая и что только еще совсем недавно была содрана с животного, которое носило ее на себе. Ясно, что Брэм привез ее с собою с Ледовитого океана, куда теперь и возвращается. И если он едет теперь действительно к эскимосам, то его волки могут покрыть весь путь туда дней в десять; возможно, что и в восемь.

Если предположения Филиппа верны и Брэм действительно едет сейчас к заливу Коронации, то тем самым решается и вопрос о золотой петле.

Женщина или девушка, которая носит на себе такие золотые волосы, попала на Север с китоловного корабля. Возможно, что она дочь или жена самого владельца такого китобойного судна. Судно это было затерто льдами, и она была спасена эскимосами и, вместе с другими белыми, находится сейчас среди них. Филипп все это себе живо представил. Это было, вероятно, ужасно. Теорию относительно других белых спутников этой женщины или девицы он навязывал себе сознательно, чтобы хоть как-нибудь отогнать от себя еще более вероятные предположения, что женщина эта принадлежит теперь именно Брэму, на что ясно намекает эта волосяная петля. Он старался отделаться от этой мысли, но она вцепилась в него так настойчиво, что он мог принять ее за неприятное предчувствие. Какая страшная судьба постигла эту женщину! Он даже вздрогнул. Некоторое время все его существо отказывалось верить, чтобы это могло случиться. И все-таки он знал, что это могло случиться. Белая женщина там, и с Брэмом! Женщина с такими изумительными золотыми волосами – и этот гигант, полусумасшедший, озверевший человек!

Мысленно представив себе это, он сжал кулаки. Ему вдруг захотелось прыгнуть с саней, догнать Брэма и добиться от него правды. Но здравый смысл говорил ему, что это было бы абсурдом. Теперь от его же собственной стратегии зависел тот ответ, который он мог сам получить от судьбы на заданный им ей вопрос по поводу случайно попавшей к нему

золотой петли.

Целый час он проверял курс Брэма по компасу. Он все еще держал его на север. После этого Брэм изменил свою манеру двигаться и стал ехать уже на санях, в стоячем положении, позади Филиппа. Своей длинной плетью он подгонял волков так, что они неслись галопом по обледенелой поверхности снеговой равнины с такой быстротой, что она превышала десять миль в час. Несколько раз Филипп делал попытки вступить с Брэмом в разговор, но ни разу не добился от него ответа. Все время Брэм только покрикивал по-эскимосски на волков. Он щелкал своей плетью, размахивал ручищами над его головой и два раза заливался диким смехом. Они проехали более двух часов, когда он вдруг неожиданно остановил голосом своих волков, крикнул во второй раз – и все они тотчас же послушно повалились от усталости животами на снег.

Филипп соскочил с саней, и Брэм тотчас же бросился к своему ружью. Он положил его к себе на колени и подверг его тщательному осмотру. Затем он вскочил на ноги и посмотрел вопросительно на Филиппа.

– Вы так и не дотрагивались до ружья, мсье, – обратился он к нему, – почему же вы не стреляли в меня, когда я бежал там, впереди вас, к вам спиной?

Спокойствие и прямота, с какими Брэм задал этот вопрос после такого долгого молчания, удивили Филиппа.

– Потому же, – отвечал он, – почему и ты не убил меня,

когда я спал.

И вдруг он схватил Брэма за плечо и с жаром продолжал: – Почему ты так сторонишься меня? Отчего не хочешь со мной разговаривать? Разве я против тебя? Полиция думает, что тебя давно уже нет на свете, чего же ты боишься? Почему ты отказываешься быть человеком? Ну, куда мы сейчас едем? И что это за манера...

Он не кончил. К его удивлению, Брэм запрокинул голову назад, широко открыл рот и громко засмеялся. Затем он вернулся к саням и моментально возвратился от них с ружьем. На его глазах он отворил в нем казенную часть. Камера оказалась совершенно пустой. Значит, Брэм подсунул его, чтобы искутить Филиппа, чтобы испытать его намерения.

Филипп убедился, что он был если еще не вполне сумасшедшим, то во всяком случае на грани сумасшествия.

Положив ружье обратно на сани, Брэм стал отрезать ножом ломтики от окороков карибу. Очевидно, он пришел к заключению, что пора уже было позавтракать и самому и накормить своих собак. Каждому из волков он дал по порции мяса, после чего уселся на санях и стал пожирать мясо сырым. Всякий раз, отрезав себе ломтик мяса, он втыкал нож в окорок острием, давая этим Филиппу понять, что он приглашает и его разделить с ним компанию. Филипп уселся рядом с ним и открыл свой ранец. Он нарочно стал раскладывать свою пищу между ним и собою, на случай, если бы и тот захотел поесть вместе с ним. Тогда челюсти Брэма вдруг сразу

прекратили свою работу. На какой-нибудь один момент Филипп зачем-то отвернулся. Когда он обернулся опять, то то, что представилось вдруг его глазам, его страшно поразило. Глаза Брэма налились кровью. Он уставился ими на вареную и жареную пищу. Никогда еще в жизни своей Филипп не видел такого взгляда ни у одного человека в мире.

Филипп протянул руку к пышке и только что собирался откусить от нее часть, как вдруг, зарывчав, как зверь, Брэм отшвырнул от себя мясо и бросился прямо на него. Не успел Филипп даже протянуть руку в свою защиту, как Брэм уже схватил его за горло. Они оба повалились через сани. Филипп никак не мог дать себе отчета в том, что произошло, но в следующий затем момент гигант дал ему такого тумака, что он перевернулся через голову и так ударился об обледеневший снег, что это его оглушило. Когда он с трудом поднялся на ноги, ожидая своей последней участи, то Брэм уже стоял на коленях перед его пакетами. Что-то бормоча про себя на каком-то непонятном языке, он забирал себе все запасы Филиппа. Казалось, что о самом Филиппе он теперь совершенно позабыл. Все еще не переставая бормотать, он стащил с саней медвежьей шкуры, развернул их и вытащил из них лукошко, которое тщательно было перевязано веревкой. Сначала Филипп подумал, что это лукошко было пустое. Но Брэм вынул из него несколько маленьких пакетиков, из которых одни были завернуты в бумагу, а другие в березовую кору. В одном из них Филипп узнал полфунта чаю. Опусто-

шив так свое лукошко, Брэм стал укладывать в него съестные припасы Филиппа и уложил все до последней корочки от лепешки. Затем поверх их он положил обратно все свои пакетики, снова перевязал лукошко веревочкой, закатал в шкуры и уложил шкуры опять на сани.

После этого, все еще бормоча и не обращая ровно никакого внимания на Филиппа, он снова уселся на сани и стал заканчивать свой завтрак сырым мясом.

«Несчастный!..» – подумал Филипп.

Он все еще чувствовал в себе неловкость от удара Брэма, но даже и после него он не находил в себе достаточно сил, чтобы негодовать на него или мстить. По выражению лица Брэма, который так алчно набросился на его еду, он мог догадываться о тех муках голода и лишений, которые ему приходилось испытывать. И все-таки он сам ее не съел. Он для кого-то уложил ее в лукошко, и Филипп понял, что этот кто-то был для него дороже жизни.

Покончив с завтраком, Брэм громко крикнул своим волкам, и все они тотчас же заняли свои места в упряжке. Филипп занял свое прежнее место на санях, а Брэм пошел позади него пешком.

Никогда после, во всю свою жизнь, Филипп не забывал этого памятного для него дня. Проходили часы за часами, и ему казалось, что ни один человек и никакая ездовая собака не могли бы выдержать такого долгого напряжения в езде и такой быстроты, как Брэм и его волки. Иногда неболь-

шие расстояния Брэм проезжал на санях, но большую часть пути пробегал позади них или же впереди перед волками. Волки почти совсем не получали отдыха. Целыми часами они мчались все вперед и вперед по голой равнине, и стоило им только хоть на минуту остановиться, чтобы передохнуть, как плеть Брэма уже проходила по их спинам и они вздрагивали от его ужасного понукания. По всему Баррену наст был настолько тверд, что надобности в лыжах уже больше не представлялось, и несколько раз Филипп соскакивал с саней и бежал рядом с Брэмом. Два раза они бежали, взявшись под руку, плечом к плечу.

В полдень компас показал Филиппу, что они уже сбились с севера и держались теперь на запад. Каждые четверть часа затем он поглядывал на компас, и все время он показывал на запад.

Он догадывался, что Брэма теперь что-то стало подгонять, что он стал очень торопиться и не давать своим волкам ни одной минуты отдыха, и скоро догадался, что это возбуждение в Брэме началось именно с того самого момента, как он присвоил себе его съестные припасы. Но все время Брэм бормотал какие-то неясные слова, так что Филипп ничего не мог понять.

Серый день превратился уже в темноту, когда они наконец остановились.

Брэм указал Филиппу на связку хвороста и так просто, точно они провели в разговоре целый день, сказал ему:

– Огонь, мсье...

Волки, как были в упряжи, так и повалились от усталости, положив морды между передними лапами. Брэм медленно обошел их всех и с каждым из них поговорил. После этого он опять стал молчать, точно набрал в рот воды. Он достал из медвежьей шкуры котелок, наполнил его снегом и повесил над костром, к которому Филипп поднес зажженную спичку. Так же он поступил и с чайником Филиппа.

– Много мы проехали, Брэм? – обратился к нему Филипп.

– Миль пятьдесят, мсье... – ответил тотчас же Брэм.

– А сколько нам еще осталось ехать?

Брэм хрюкнул. Лицо его окаменело. Он держал в руке длинный нож, которым резал мясо карибу. Он уставился на него глазами, а потом вдруг перевел их на Филиппа.

– Я убил человека на Божьем озере, – сказал он, – за то, что он украл у меня этот нож и сказал, что я лгу. Я убил его вот так!..

И он согнул нож так, что он разлетелся пополам.

При этом он неприятно засмеялся. Затем он принялся за мясо и стал резать его на куски для своей своры и долго после этого молчал, как немой. Напрасно Филипп старался втянуть его в разговор. Он расспрашивал его о погоде, о волках и о жизни за Полярным кругом. Брэм внимательно выслушивал его, но ничего не отвечал.

Через час они кончили свой ужин и стали оттаивать снег для питья волкам и себе. Затем наступила ночь, и при свете

костра Брэм вырыл себе яму в снегу для ночлега и укрылся санями, которые перевернул над собой вверх полозьями. Филипп же постарался устроиться как можно удобнее в своем спальном мешке, сверх которого положил еще и палатку. Огонь погас. Храп Брэма дал Филиппу понять, что человек-волк уже заснул. Но прошло еще много времени, прежде чем удалось задремать и Филиппу.

Но он тотчас же и вскочил от полученного им толчка в плечо.

– Пора вставать! – раздался над ним голос Брэма.

Было так темно, что, когда он поднялся на ноги, Брэма было вовсе не видно. Слышался только его голос около волков. Это он их запрягал. Уложив на сани спальный мешок и палатку, Филипп зажег спичку и посмотрел на часы. Было три четверти первого.

Целых два часа они ехали, не останавливаясь, прямо на запад. После этого небо прояснилось, высыпали яркие звезды без числа и осветили вокруг них все. Они ехали теперь по такой же унылой равнине, как и тогда, когда Филипп в первый раз увидел Брэма. То и дело зажигая спички, он продолжал наблюдать направление и посматривал на часы. Было уже три часа, а они все еще мчались на запад. К удивлению Филиппа, они пересекли небольшую группу деревьев. Эта рощица из корявых, низкорослых сосен занимала собою пространство не более полудесятины, но теперь уже было ясно, что они приближались к тайге.

От этой рощицы Брэм свернул круто на север, и еще через час они уже то и дело стали встречать по пути отдельные деревья, которые с каждой милей становились все чаще и крупнее, пока наконец они не въехали в дремучий строевой лес. До рассвета они проехали по этому лесу восемь или десять миль. А когда наступил рассвет, серый и угрюмый, то они вдруг оказались около какой-то хижины.

Сердце Филиппа забилося от волнения. Наконец-то здесь он разгадает тайну золотых волос! Такова была его первая мысль. Но когда они подъехали к хижине поближе и остановились у крыльца, он вдруг почувствовал разочарование. В хижине не жил никто. Из трубы не выходил дым, и самая дверь была до половины занесена сугробом снега. Но его мысли тотчас же и прервались, потому что Брэм шелкнул плетью и волки рванулись вперед. Брэм опять дико засмеялся, его хохот потряс собою лес, и отовсюду издалека его повторило эхо.

С той самой минуты, как они покинули эту заброшенную и заметенную снегом хижину, Филипп уже сбился с направления и потерял счет времени. Ему казалось, что Брэм уже подъезжает к месту назначения, да и волки смертельно устали. Стал отставать и сам Брэм и то и дело присаживался на сани. Но все-таки они мчались еще вперед, и Филипп с нетерпением всматривался вдаль перед собою.

Было уже восемь часов утра. Прошло уже два часа, как они миновали заброшенную лачугу, – и вдруг они въехали в

расчищенное в лесу местечко, в центре которого оказалась другая избушка. С первого же взгляда на нее Филипп догадался, что она была уже обитаема. Тонкая струйка дыма поднималась у нее из трубы и чувствовался вообще запах жилья. Филипп мог видеть одну только ее крышу, так как со всех сторон эта бревенчатая избушка была обнесена высокой в шесть футов оградой, сделанной из толстых сосновых кольев, вбитых в землю.

Шагах в двадцати от того места, где Брэм остановил своих волков, в этой ограде была калитка. Брэм подошел к ней, навалился на нее плечом, и она отворилась.

Затем с полминуты он молча смотрел на Филиппа, и в первый раз за все время Филипп заметил странную перемену, вдруг происшедшую у него в лице. В нем уже не было ничего звериного. В глазах появился какой-то новый блеск. Тонкие, крепко стиснутые губы разжались, и он задышал вдруг так часто, точно испытывал какое-то большое возбуждение. Филипп не двигался и не говорил. Он слышал за собой беспокойное визжанье волков. Он поднял глаза на Брэма и, увидев на его лице выражение радости и предвкушения чего-то интересного, вдруг почувствовал в сердце боль от ужасных предположений, и столь острую, что невольно всплеснул руками. Брэм не заметил его жеста. Он смотрел в это время на хижину и на выходивший из ее трубы дымок.

Затем он посмотрел на Филиппа и сказал ему:

– Можете входить, мсье.

Он распахнул перед ним калитку, и Филипп вошел. Постояв немного, чтобы убедиться в намерениях Брэма, он услышал, как человек-волк запирает за ним калитку.

– Входите, – сказал Брэм, – а то мне нужно впускать сюда волков.

Тогда Филипп понял. В пространстве между изгородью и избушкой помещались волки, и Брэм дождался, когда Филипп войдет в избушку, чтобы впустить их сюда. Филипп отвернулся, чтобы не выдать своего испуга. От калитки до крыльца избушки была протоптана в снегу тропинка, и он с горьким чувством заметил на ней следы от маленьких женских ног. Но даже и тогда он не хотел верить тому, что так упорно и настойчиво предполагал. Почему бы этой женщиной не могла быть индеанка, которая жила вместе с Брэмом, или эскимосская девушка, которую он купил где-нибудь за Полярным кругом?

Он молча подошел к двери. Он не постучался в нее, а прямо отворил и вошел.

Все время стоя у калитки, Брэм дождался, когда он войдет в избушку, и когда Филипп наконец утонул в ее глубине, он откинул голову назад и стал так весело и победно хохотать, что даже его усталые звери насторожили уши и стали прислушиваться.

И как раз в эту самую минуту Филипп уже стоял лицом к лицу с тайной золотых волос и сплетенной из них петли.

Глава IX. Сумасшествие и голод

Филипп вошел в избушку Брэма Джонсона с западной стороны. С восточной же стороны через единственное окошко в нее врвался свет от тусклого северного солнца и отражался на противоположной перегородке. В этой перегородке была дверь, и как раз в двери стояла девушка.

Когда Филипп увидел ее, то она вся была залита светом, и первое его впечатление было таково, что вся ее голова, точно облаком, была покрыта великолепными волосами, из которых и была сплетена знаменитая золотая петля. Он заметил по остаткам от некоторых прядей этих волос, что таких силков было сделано уже довольно много и что, по-видимому, Брэм Джонсон употреблял их для ловли зверей. Вторым его впечатлением было то, что своим появлением он помешал ей одеваться и что она была поражена, когда увидела его прямо перед собой.

Затем с крайним волнением он прочел все то, что было написано у нее на лице. У него даже похолодела кровь. Он никогда еще не видел таких глаз. В них светилась душа, перенесшая тяжкие муки. Она была бледна как смерть. Ей можно было дать на вид лет двадцать, не больше, но от пережитого и переживаемого ада она казалась старше. Видно было, что она находилась в постоянной агонии и желала смерти.

– Я, кажется, вас побеспокоил, – обратился к ней Фи-

липп. — Я — Филипп Брант, офицер пограничной стражи...

Он не удивился, что она ему не ответила. В эти два-три момента он прочел всю ее историю у нее по лицу так ясно, как если бы она сама рассказала ему ее на словах. Он не стал задавать ей вопросов, ни о чем не расспрашивал ее, потому что никаких сомнений для него уже не существовало. Он знал только одно, что должен теперь убить Брэма Джонсона во что бы то ни стало, как только представится для этого первый удобный случай.

Девушка не двигалась, а только глубоко и горько вздохнула. Когда он повторил ей те же самые слова, которые сказал уже при входе, то заметил в ее глазах выражение испуга. Как вдруг она подбежала к окну, ухватилась за подоконник и выглянула на двор. В это время Брэм перегонял через калитку во двор своих волков. Когда она обернулась снова к Филиппу, то вид у нее был такой, точно ей угрожали плетью. Это удивило и заинтересовало его. Когда он подошел к ней, то она вдруг отпрыгнула от него. И его поразило в ней то, что при ангельском выражении ее лица на нем были написаны ужас и безумие. Она протянула вперед голые руки, чтобы не дать ему подойти к ней, и вдруг громко и как-то дико вскрикнула.

Этот крик подействовал на него как револьверный выстрел. Он почуял, что это она хотела ему что-то сказать, но ровно ничего не понял. Он расстегнул на себе полушубок и показал ей форменные пуговицы своей служебной тужурки.

То, как она к этому отнеслась, поразило его даже больше, чем ее страх перед ним, и ему вдруг пришло на ум, что она испугалась его только потому, что он целые две недели не брился и уже успел обрасти лохматой бородой. Она боялась его так же, как и Брэма, пока не увидела его формы.

– Я – Филипп Брант, – снова повторил он. – Я – офицер пограничной стражи. Я нарочно пришел к вам, чтобы оказать вам помощь, если она вам нужна. Я давно бы уже мог арестовать Брэма или отправить его на тот свет, но я не сделал этого со специальной целью, чтобы иметь возможность добраться до этой его хижины. То есть, я имел в виду именно вас. Почему вы здесь, у этого сумасшедшего, и к тому же преступника?

Она внимательно вслушивалась в его слова, и на ее бледном до сих пор лице вдруг появился румянец. Он заметил, что в ее глазах уже перестал светиться страх и что она тоже, со своей стороны, заинтересовалась. Но в это время со двора слышались крики Брэма. Девушка опять бросилась к окну и выглянула на двор. Затем она вдруг заговорила быстро и пылко на каком-то языке, который оказался для Филиппа такую же загадкой, как и ее пребывание в хижине у Брэма Джонсона. Она догадалась, что он ее не понимал, и вдруг подбежала к нему, приложила палец сперва к его губам, потом к своим и потрясла головой. Он ясно видел, как сильно она была возбуждена, но ничего не мог поделать: он поневоле должен был оставаться немым. Она старалась сделать так,

чтобы он хоть что-нибудь понял из того, что она говорила, но она объяснялась на таком языке, какого он ни разу в жизни не слышал. Он смотрел на нее во все глаза, как дурак, и ему стыдно было своего невежества.

Затем за дверью послышался стук шагов Брэма. Он отряхивал ноги от снега. Тотчас же прежнее выражение появилось в глазах у девушки. Прежде чем успела отвориться дверь, она бросилась в ту комнатку, из которой появилась в первый раз, и ее золотые волосы облаком поднялись вокруг ее головы, когда она бежала.

Дверь отворилась, и Брэм вошел. Пока она затворялась, Филипп увидел через щель, как сунулись было вслед за ним в хижину и голодные волки. Брэм втащил с собою и весь тот груз, который находился на санях. Он спустил его на пол и, даже не взглянув на Филиппа, пристально посмотрел на дверь в соседнюю комнатку.

Целую минуту оба они простояли молча и не двигаясь. Если бы у Филиппа было оружие, то он немедленно прикончил бы Брэма, так как ему не понравилось то выражение, с которым человек-волк смотрел на дверь в соседнюю комнату. Но что он мог сделать голыми руками с сумасшедшим гигантом?

А затем произошло то, от чего Филипп чуть не вскрикнул, – так стала изменять ему его нервная система. В двери появилась девушка и с улыбкой и с весело заблеставшими глазами направилась прямо к Брэму. Она протянула вперед

руки и заговорила. Филипп не мог понять ни одного слова из того, что она произносила. Это был не индейский и не эскимосский язык и, во всяком случае, не французский и не немецкий. Ее голос был чистый и нежный. Правда, он немного дрожал, и она задыхалась от волнения. Она уже была причесана, и цвет лица у нее уже не был таким бледным. Она походила на старинный портрет. И, глядя на нее, Филипп мог бы дать руку на отсечение за то, что в ней не было ни малейших признаков, которые указывали бы, что она была северянкой. Он перевел глаза на Брэма. Человек-волк как-то сразу преобразился. Глаза у него блестели, на безобразном лице светилась чисто собачья радость, и губы его шевелились так, точно хотели повторять то, что она ему говорила.

Неужели он ее понимал? Неужели тот странный язык, на котором она говорила, был родным и для него? Сперва Филиппу показалось, что это действительно было так, но его еще более взволновало то, что девушка, по-видимому, была рада возвращению Брэма. И с бьющимся сердцем он стал ожидать, когда наконец заговорит сам Брэм, и что станет делать.

Когда девушка перестала говорить, ей стал отвечать человек-волк и таким тоном, что можно было понять, что он торжествовал. Он поставил к себе на колени лукошко и, все еще что-то ворча себе под нос, стал выкладывать все его содержимое на пол.

Филипп посмотрел на девушку. Она стояла, прижав руки

к груди, и во всей ее позе и на лице так и светилась безмолвная просьба к нему, чтобы он ее понял. Тут-то, в одно мгновение, точно на ладони, и предстала перед ним вся ужасная правда. По каким-то особым соображениям она насильно заставляла себя улыбаться, нарочно напускала на себя радостное выражение и против воли старалась говорить как можно больше и веселее. И теперь она хотела, чтобы Филипп понял, почему она так делала, и, указав на Брэма, который в это время, стоя на коленях и низко опустив голову, возился с лукошком, она тихонько ему сказала:

– Tossi, tossi – han er tossi! [Сумасшедший, сумасшедший – он сошел с ума! (дат.).]

Но бесполезно. Он все равно ее не понял и даже не мог скрыть от нее своего смущения. На него вдруг нашло вдохновение. Брэм сидел к нему спиною, и он указал на сложенные у печки поленья дров. Его мимика была ясна. Может ли он сейчас же, сию минуту разmozжить этому человеку голову вот этим самым поленом?

Она поняла его и содрогнулась. Отрицательно закивала головой. Сказала несколько непонятных слов, затем, указав опять на Брэма, повторила:

– Tossi, tossi – han er tossi!

Она вдруг подняла кверху руку и постучала себе пальцем по лбу. Потом закатила глаза. И он понял тогда все. Она этим подтвердила ему то, что он знал уже и сам: что Брэм Джонсон был сумасшедший, и, в свою очередь постучав пальцем по

своему лбу и указав на Брэма, он тоже повторил ее слова:

– «Tossi, tossi!»

Да, так оно и было. Вдох облегчения вырвался у нее из груди. Значит, Филипп наконец ее понял вполне. Она боялась, как бы он не убил больного, и теперь была рада, что он уже не причинит ему вреда.

В то время, как Брэм поднимался на ноги, все еще разговаривая о чем-то с самим собою, великий и неразрешимый вопрос вдруг всею тяжестью свалился на голову Филиппу: кто была эта девушка? Кем она была для Брэма Джонсона и почему так желала, чтобы он его не убивал?

И вдруг увидел, с какою жадностью она стала смотреть на разложенные перед нею съестные припасы.

В ее глазах светился голод. Он был такою же частью ее, как безумие частью Брэма. Во всяком случае, то, что Филипп прочитал сейчас по ее лицу, поразило его больше, чем то, о чем он догадался по лицу Брэма. Точно завеса вдруг спала с его глаз, обнажив перед ним настоящую, жестокую правду, которой все-таки не поверил бы никто, и те адские мучения, которые она пережила. Она была голодна. Кроме мяса, она ничего не ела. Теперь-то он понял, почему Брэм уезжал от нее так далеко на юг и почему так нагло отнял у него его запасы. Он это делал, чтобы что-нибудь добыть для девушки. А она только ожидала возможности, чтобы броситься на колени перед всеми этими пакетами, и только стыдилась Филиппа. Его глаза встретились с ее глазами, и он увидел, что

она сама сознает это, по тому румянцу, который вдруг разлился по ее лицу. Женский инстинкт подсказал ей, что она этим выдала себя, как животное, и что теперь он заметит в ней что-нибудь такое, что будет казаться ему похожим на сумасшествие Брэма.

Он выступил вперед и положил ей руку на плечо, сказав:
– Сейчас я займусь приготовлением завтрака, не желаете ли вы мне помочь?

Глава X. Брэм проявляет великодушие

Пока Филипп не почувствовал под своей рукой теплого, трепетавшего плеча девушки, он и не воображал, на какой редкий случай он наткнулся. Он вдруг прямо обратился к Брэму, так как тогда еще не был убежден вполне, что человек-волк действительно был сумасшедшим, – и импульсивно протянул руку вперед.

– Брэм, – воскликнул он, – она голодает! Теперь я знаю, почему ты ободрал меня! Но почему же ты мне ничего не сказал об этом? Почему ты скрыл от меня то, что она здесь, и не говоришь мне и теперь, кто она и зачем ты меня сюда привез?

Он ждал ответа, но Брэм смотрел на него в упор и молчал.

– Я вовсе тебе не враг, – продолжал Филипп. – Я...

Он не мог закончить своей фразы, потому что по всей комнате вдруг прокатился безумный смех Брэма. Сейчас он показался ему еще более ужасным, чем там, в пустынях Баррена, или в лесу, и он почувствовал, как стоявшая рядом с ним девушка задрожала. Ее лицо приходилось ему как раз к плечу, и он увидел, что она побледнела как смерть, и все-таки, несмотря на это, стала улыбаться. А Брэм все еще продолжал хохотать, и глаза его светились зеленым огнем, и с

таким ужасным смехом он подошел к печи и стал подкидывать в нее хворост. И чем дольше он смеялся, тем девушка становилась все бледнее и бледнее. И все-таки улыбалась! Больше уж Филипп не спрашивал, кто она и почему находилась именно здесь. Его поразило именно то, что она была здесь и что ее измученная душа, глядя на него вот через эти самые ее глаза, синие как два великолепные аметиста, говорила ему, что Брэм извлекал из нее выгоду. И Филипп напряг мускулы, увидев громадную фигуру, наклонившуюся над печью. Представлялся удобный случай. Один прыжок – и он уже схватит за горло этого негодяя. Имея на своей стороне такое преимущество, Филипп рассчитывал, что шансы в борьбе будут одинаковы.

Вероятно, девушка догадалась, что было у него на уме, потому что вцепилась в его руку еще раньше, чем он успел двинуться с места, и оттащила его от Брэма, сказав ему что-то на языке, которого он не понимал. Брэм отошел от печки, взял ведро и, даже не взглянув на них, вышел из избушки. Они услышали, как, выйдя к своим волкам, он что-то им рассказывал и громко смеялся.

Опять умозаключения посыпались на Филиппа как из рога изобилия. Тотчас же по уходе Брэма девушка дала ему понять, что Брэм ее не обижает. С почти истерическим волнением она старалась добиться от Филиппа, чтобы он это понял, и наконец, схватив его за руку, потащила его к себе в комнатку через занавешенную шкурой дверь. Она объясня-

лась мимикой не хуже, чем на словах. Она показала ему все, что сделал для нее Брэм. Он отгородил для нее вот эту комнату, поставив новую перегородку, и Филипп заметил, что она была срублена еще из свежего леса. Кроме тянувшейся вдоль стены скамьи, Брэм сколотил для нее еще и топорный стул и сосновый столик и разостлал по полу с полдюжины медвежьих шкур. Кой-какая одежда висела на стене – меховой капюшон и толстый непромокаемый плащ – и что-то еще было завязано в узел и лежало в углу.

– Кажется, я начинаю понимать вас, – обратился к ней Филипп, посмотрев ей прямо в голубые глаза. – Вы хотите, чтобы я не убивал Брэма Джонсона, когда он вернется обратно или когда-нибудь в другое время, и силитесь доказать мне, что он не причиняет вам зла. А почему вы боитесь его до глубины души? Я знаю это. Не обманете. Только несколько минут тому назад бы были бледны как смерть, а сейчас... сейчас сразу похорошели. Теперь слушайте, милая, что я вам скажу...

Ему было приятно, что она старалась не пропустить ни одного его слова и придвинулась к нему совсем близко, вперив в него свои большие, блестящие глаза.

– Я влопался, – продолжал он с откровенной улыбкой. – По крайней мере, в настоящую минуту. Меня провели за нос. Возможно, что я поглупел так же, как и Брэм, но только сейчас этого еще не сознаю. Я отправился на поиски двух индейцев, а наткнулся на Брэма. Попав к нему сюда, я наткнулся на

вас и в первую же минуту, увидев перед собою вас вот в этой самой двери, вынес такое впечатление, точно вы ожидали появления дьявола из преисподней. И если вы действительно не боитесь Брэма и он не обижает вас, то почему же именно сейчас, в его отсутствие, вы сразу так переменялись? Я ошеломлен этим. Повторяю, я совершенно сбит этим с толку. Я дал бы миллион долларов, чтобы только высказался Брэм. Я ведь все время не спускал с вас глаз. Вы увидите, что этот румянец тотчас же сбежит с вашего лица и сердце перестанет у вас биться от страха, как только он сюда войдет. И вы еще хотите убедить меня в том, что он вас не обижает? Да оставьте, пожалуйста!

На ее лице появилось отражение какой-то внутренней перемены, которая неожиданно вдруг захватила и его.

– Вы сейчас находитесь за добрых полторы тысячи миль от людей, у которых такого же цвета волосы и глаза, как и у вас, – продолжал он, высказывая свои мысли вслух, точно это хоть сколько-нибудь могло бы пролить свет на интриговавшую его тайну. – Если бы вы были брюнеткой, – ну, тогда другое дело. Но ведь вы же не брюнетка. Вы – светлая блондинка, золотая, и у вас белый цвет лица. Ну не мучьте же меня, дайте мне идею! Кто вы, откуда и как сюда попали?

Он ждал от нее ответа, а она только ему улыбалась. Что-то страдальческое было в ее улыбке. Точно ком вдруг подкатил ему к горлу, и он на некоторое время совершенно позабыл о Брэме.

– Ведь вы не поняли ни единого слова из того, что я сейчас говорил, – обратился он к ней, схватил ее за руку обеими руками и крепко ее пожал, – не правда ли? Ни единого слова! Но мы все-таки понемногу добьемся своего. Мы научимся понимать друг друга. Я догадываюсь, что вы здесь уже давно и, кроме мяса, да еще и без соли, не ели больше ничего. Я ведь заметил, как вы бросились ко всем этим пакетам, которые валяются вот там на полу. Давайте же примемся за завтрак!

Он вывел ее в соседнюю комнатку, и она охотно стала помогать ему поднимать с полу закуски. Он почувствовал, что какая-то невыносимая тяжесть вдруг свалилась у него с плеч, и все продолжал и продолжал ей говорить, приготавливая в то же время и завтрак, которого она так нетерпеливо ожидала. Он старался не глядеть на нее. Он вдруг стал чувствовать какое-то новое возбуждение, какую-то теплоту, которая разливалась по его телу. Это было какое-то новое, приятное ощущение, нечто такое, чего он не мог объяснить себе в настоящую минуту. Только он знал, что это случилось с ним потому, что она ясно дала ему понять, что Брэм ее не обижал.

– Иначе бы я разmozжил ему голову, когда он сидел здесь, нагнувшись над печкой, – продолжал он, приготавливая в своей кастрюльке какое-то кушанье из сухого картофеля.

Он поднял на нее глаза. Она весело следила за его движениями и смотрела на картофель, раскрыв рот. Она показала ему очень красивой. Он знал, что она все бы отдала,

чтобы только его понять. Коса свесилась у нее с плеча. Она была толщиной в руку и не доплетена до конца. Он никогда еще не видел таких мягких, пушистых и отливавших золотом волос. Затем он вдруг выпрямился, его что-то осенило, и он показал на себя пальцем.

– Я – Филипп Брант, – сказал он, – Филипп Брант, Филипп Брант, Филипп Брант!..

Он повторял свое имя и все время указывал на себя пальцем. Вдруг лицо ее просияло. Точно сразу разрушилась вдруг стена, которая стояла между ними. Медленно, ясно и отчетливо она повторила его имя и затем улыбнулась и указала пальцем на свою грудь:

– Селия Армин! – сказала она.

Он чуть не перепрыгнул от радости через печь, хотел схватить ее за руку и пожать ее, но в это время стала подгорать его картошка. Селия Армин! Он мешал свою картошку и то и дело повторял это имя, и всякий раз, как произносил его, она одобрительно кивала ему головой. Он решил, что это было французское имя, но по-французски, к сожалению, он не знал.

Тогда он снова сказал:

– Селия!

Она тотчас же ответила ему:

– Филипп!

Послышались шаги. Это возвращался в хижину Брэм. Сопровождаемый воем и рычанием волков, он топором стрях-

нул с сапог снег и вошел. Филипп не обернулся в его сторону. Он не посмотрел даже, какой эффект произвело возвращение Брэма на Селию Армин. Он нарочно углубился в свою работу. Даже стал посвистывать. А затем, в последний раз помешав картофель, он указал на кастрюльку, в которой уже стал пузыриться кофе, и сказал ей:

– Помешайте кофе, Селия. У меня уже все готово!

И только сейчас он исподтишка на нее посмотрел. Хорошее настроение и цвет лица у нее сняло как рукой. Она приняла с печки кастрюльку с кофе и поставила ее на стол.

Тогда Филипп посмотрел и на Брэма.

Он все еще стоял спиной к двери. С тех пор, как он вошел в горницу, он не тронулся с места и как-то глуповато смотрел на происходившую перед ним сцену. В одной руке он держал ведро с водой, в другой – замороженную рыбу.

– Опоздал с рыбой, Брэм! – крикнул ему Филипп. – Нельзя же заставлять нашу даму так долго ждать! К тому же я думаю, что ты так уже закормил ее мясом и рыбой, что у нее лезут на лоб глаза. Садись с нами завтракать!

Он выложил на оловянную тарелку горячий картофель, поджаренные лепешки и рис, сваренный еще накануне, и все это поставил перед девушкой. Затем наполнил тарелку для Брэма и, наконец, и для себя. Брэм не тронулся с места. Он все еще стоял у двери с ведром и рыбой в руках. Как вдруг он опустил их на пол и с рычанием, которое, казалось, вылетало у него из самой глубины груди, подбежал к столу и

своей громадной рукой схватил Филиппа за руку и сжал ее так, что тот чуть не вскрикнул от боли. Все время не спуская глаз с девушки, он оттащил Филиппа назад и обе тарелки придвинул к ней.

– Мы будет есть мясо, мсье! – сказал он строго.

Глаза ее засветились торжеством. Она была теперь уверена, что Филипп должен был понять наконец то, в чем она старалась его убедить, а именно что, несмотря на свое безумие, Брэм обращался с ней хорошо. И Филипп понял ее и не смог удержаться, чтобы не пожать Брэму руку. Но тот даже и не заметил этого его порыва. Когда Филипп принялся за приготовление рыбы, он отошел к стене, и, чисто по-индейски, сел около нее на корточках. Он все время смотрел на девушку, пока она ела и пока Филипп не изжарил наконец рыбу. Когда же Филипп пригласил его к завтраку, то он поднялся, взял то, что осталось у него от окороков карibu, и снова вышел из хижины.

Минуту спустя до Селии и Филиппа донеслись со двора его дикий хохот и злобное ворчание волков.

Глава XI. Филипп делает открытие

Едва только захлопнулась за Брэмом дверь, как Селия Армин уже подбежала к Филиппу и потянула его за руку к столу. Под мучительным в течение целого получаса наблюдением Брэма она ела свой завтрак так, точно ничего и не подозревала, но стоило ему только выйти, как она уже настаивала на том, чтобы Филипп подбавил к своей рыбе еще и картошки, взял бы лепешку, и налила ему чашку кофе.

– А вам бы не хотелось оставлять меня без завтрака? – улыбнулся он ей и почувствовал вдруг желание схватить ее за голову, притянуть ее к себе и поцеловать. – Но вы обо мне не беспокойтесь. Я уже достаточно поел вот этой лепешки, – и он показал ей обгрызенный кусок. – Я ел ее и вчера, и сегодня, и утром, и вечером, так что она стоит у меня уже вот здесь! Даже надоела. Рыба Брэма вкуснее.

Пока он ел, она сидела против него, и он имел возможность присмотреться к ней поближе, почему и не торопился оканчивать свой завтрак. Его поразило то, что она так сразу похорошела, и теперь уж он был вполне убежден, что она – не северянка. Да, ей было не более двадцати лет. Пожалуй, и весу в ней было пуда три... Ну, фунтов на пять больше или меньше. Такого веса у здешних девушек ее лет не бывает. Она была здесь на чужбине, совершенно одна; одна как перст, на самом краю света. Пожалуй, легче было бы найти в

этих краях бальное платье из крепдешина или фарфоровый сервиз, чем ее. Она сидела против него и представляла собою неразрешимую для него загадку. И она же сама и желала дать ему ее решить. Он видел это по ее глазам, по тому дрожанию, которое слышалось в ее голосе. Она не знала, с какой стороны к нему подойти, чтобы он понял наконец, кто она, как она попала сюда и чего от него ждала. Он не говорил по-французски, а она не понимала по-английски, и нужно было найти какой-то третий язык, который был бы понятен обоим.

Он подумал о золотой петле. Вот где нужно искать настоящий ключ к разгадке этой тайны! Он встал из-за стола и подвел девушку к окну. В дальнем углу двора стоял Брэм и бросал куски мяса окружавшей его дикой орде волков. С удовольствием Филипп заметил, что Селия поняла, что он хотел обратить ее внимание именно на Брэма, а не на волков. Затем он стал расплетать ей волосы. Она с удивлением посмотрела на это. Он отделил от косы небольшую прядь, разделил ее на три части и стал сплетать из них канатик, причем он вышел у него несколько толще, чем у Брэма в его золотой петле. Потом он указал пальцем на этот канатик и сразу же и на Брэма – и в один момент лицо ее просияло. Она поняла!

Она ответила ему также пантомимой. Для того, чтобы сплести петли для ловли кроликов, волосы с ее головы срезали оба: и она и Брэм. Срезали несколько раз, так как силков требовалось много. Она наклонила голову и указала ему те места, на которых были вырезаны пряди толщиной в па-

лец.

Филипп от разочарования вздохнул. Она не сообщила ему ровно ничего нового, за исключением разве того, что силков требовалось много.

Он хотел заговорить, но взглянул на нее и вдруг замолчал. В ее глазах неожиданно вспыхнуло какое-то новое вдохновение. Она протянула вперед руку и указала ему на грудь.

– Филипп Брант – Америка! – воскликнула она.

Затем, указав пальцем себе на грудь, она добавила:

– Селия Армин – Дания!

– Боже мой, Дания! – восторженно воскликнул Филипп. – Так вот оно что. Значит, вы из Дании? Дания?

Она утвердительно кивнула головой.

– Копенгаген – Дания! – ответила она.

– Копенгаген, Дания! – засуматошился он. – Да мы уже стали с вами разговаривать! Селия Армин из Копенгагена, из Дании! Но как вы попали сюда? – Он указал пальцем на пол, на то место, где они стояли, и обвел руками все четыре стены и потолок. – Как вы очутились именно здесь?

Дальнейшие ее слова еще более сбили его с толку.

– Копенгаген – Москва – Петроград – Россия – Сибирь – Америка, – сказала она.

– Копенгаген – Москва... – повторил он. – Оттуда в Петроград... Россия, Сибирь и Америка...

Он смотрел на нее и не верил своим ушам.

– Селия, – взмолился он. – Если вы хоть сколько-нибудь

уважаете меня, то не дурачьте меня, будьте благоразумны. Неужели вы можете ожидать, что я поверю вам, будто вы всю дорогу от Копенгагена и до этой проклятой и адом и раем избушки Брэма, находящейся где-то на краю света, у черта в зубах, могли проехать через всю Россию и Сибирь? Вы! Да нет, я этому не верю! Здесь что-то не то! Вы сами ошиблись!

Он достал из кармана свой маленький путеводитель, при котором, как ему припоминалось, кажется, имелась позади карта всего света. Да, он не ошибся! Она там оказалась! Он развернул ее, и Селия тотчас же указала ему пальчиком на Копенгаген. Склонившись над ее плечом, он почувствовал, как ее волосы зашевелились по лицу. Он затаил дыхание и с трепетом стал ожидать, когда ее указательный пальчик будет двигаться далее по карте, чтобы рассказать ему историю Селии до конца.

Из Копенгагена пальчик отправился в Москву, отсюда медленно, по Октябрьской железной дороге, дотянулся до Ленинграда, а затем сразу, в один размах перерезал всю Россию и всю Сибирь вплоть до самого Берингова моря.

– Шхуна... – сказала она тихо, и ее пальчик пересек на карте голубое пространство и перескочил из Сибири на Аляску.

Здесь пальчик задержался. Очевидно, она и сама затруднялась, куда идти дальше. А затем и вовсе отступилась от карты. Увидев же, что он все-таки понял ее, она пришла в большое возбуждение. Она потащила его к окну и стала ука-

зывать ему на волков и на сани. Ага! – догадался он. Значит, с Аляски она отправилась далее уже на собаках! И он закивал ей головой. Понял! Он даже обрадовался этому. Она, Селия Армин, из Копенгагена в Дании отправилась на Аляску через всю Россию и Сибирь и затем ехала далее уже на собаках. Но зачем она ехала – вот вопрос! И что случилось, что заставило ее потом оказаться сожигательницей или пленницей Брэма? Филипп знал, что она хотела рассказать ему обо всем. Повернувшись к окну спиной, она заговорила с ним о чем-то опять, жестикулировала и чуть даже не расплакалась потому, что он ее так и не понял. А он все-таки что-то предполагал, какая-то еще неясная уверенность уже начинала брезжить в его душе, точно рассвет, убеждение в том, что с нею произошло что-то ужасное, нечто такое, что составляло теперь пытку для ее души и что невыносимым страхом отражалось в ее глазах, когда она старалась добиться того, чтобы он ее понял. А затем она все-таки не выдержала и, закрыв лицо руками, громко разрыдалась.

Со двора послышался дикий хохот Брэма Джонсона. Он показался Филиппу насмешкой, издевательством. В ответ на этот хохот каждая капля крови в жилах у Филиппа загорелась невыносимой злобой. Он подбежал к печи, схватил самое крупное полено и остановился у двери. Затем он отворил ее и выбежал на двор, услышав за собою вопли Селии, которая умоляла его остановиться. До него донеслись ее громкие рыдания. Тут только он понял, почему она его не пускала.

Едва только он сделал десять шагов, как стая волков увидела его и плотной массой бросилась на него с края двора. В эту минуту их не мог бы остановить даже и голос Брэма. Он посмотрел на Филиппа, увидел на пороге и Селию, которая замерла от ужаса и не знала, что ей делать. В этот самый момент Филипп размахнулся над головой поленом и изо всех сил бросил его в волков. То, что он не промахнулся, а удачно в них попал, дало ему одну только секунду, чтобы вернуться к избушке и скрыться в ней, и он использовал эту секунду. Едва только он вскочил в нее, как Селия тотчас же захлопнула за ним дверь. С быстротою молнии она задвинула засовы и тотчас же послышалось, как волки ударились о дверь своими телами. До Селии и Филиппа донеслись их рычание, вой и щелканье зубов. Селия была бледна как смерть. Она закрыла лицо руками и дрожала как лист. Филипп слышал, как она истерически потом заплакала.

Он глубоко вздохнул и ласково отстранил от ее лица ее руки. Они трепетали в его руках, и он мог видеть то выражение, каким вдруг осветилось ее лицо.

– Селия, милая, таинственная девочка! – воскликнул он, так крепко сжимая ей руки, что ей сделалось больно. – Сейчас я сделал маленькое открытие. Я рад, что вы не понимаете меня, потому что не хотел бы бранить вас за то, что вы испугались за человека, который полюбил вас с первого же взгляда. Бывают же такие случаи на свете! Оттого ли, что меня утомило уже одиночество, или, быть может, потому, что

я встретился с вами в такой необычайной обстановке, а возможно, что и потому, что я никогда еще в своей жизни не видал такой красивой девушки, вы стали для меня дороже всего на свете. Но я сейчас кое-что заметил и по вашим глазам. Должен ли я скрывать все это от вас и стараться, чтобы вы не узнали ни о чем? И если бы я добился того, чтобы вы в конце концов поняли то, о чем я сейчас сказал, то не сочли ли бы вы меня таким же дикарем, как и вот этот Брэм? Что вы скажете на это?

Со двора послышались острые, резкие крики Брэма на эскимосском языке. Филипп слышал, как ощерились на него волки, когда он стал отгонять их от избушки, и оттянул поскорее Селию от двери. Затем он подбежал обратно к двери и незаметно спустил засов, так как в это время Брэм уже задвигал щеколдой со двора. В один момент Селия стояла уже опять рядом с Филиппом. Когда Брэм вошел, то Филипп уже был готов к борьбе. Но его удивило равнодушие Джонсона. Человек-волк что-то бормотал про себя и имел такой вид, точно его очень забавляло то, что произошло. Селия схватила Филиппа за руку и посмотрела на него так, как не смотрела еще ни разу. Казалось, что в этом бормотании Брэма и в этом выражении его лица она подметила нечто такое, чего не было у него еще ни разу. И она вдруг оставила их одних и ушла к себе в комнатку. Брэм все еще не обращал никакого внимания на Филиппа и продолжал бормотать.

Минуты через две девушка вернулась.

Она подошла прямо к Брэму и протянула ему длинную прядь своих волос.

Брэм тотчас же перестал бормотать и цепко схватился своей громадной, безобразной рукой за волосы.

«Что за диковина?» – подумал Филипп.

Его нервы достигли крайней точки напряжения. Оказывается, что волосы девушки служили для Брэма фетишем. Он весь как-то сразу изменился, как только его пальцы коснулись золотых волос. Филипп даже вскрикнул от ужаса. Он увидел, что эта улыбавшаяся девушка стояла лицом к лицу со смертельной опасностью, которой и сама не подозревала. Ее пушистые волосы еще облаком стояли вокруг ее головы и во всей красе своей падали ей на плечи. И когда Брэм принимал от нее золотую прядь, то не спускал с них глаз. Можно ли было допустить, что этот сумасшедший не рассчитывал на свои силы?» Разве не могла забраться к нему в больную голову сумасбродная мысль, что стоило бы только ему протянуть руку и вместо этой маленькой пряди волос, которую ему всемилостивейше дарил Селия, он мог бы получить сокровище в тысячу раз драгоценнее, чем одна эта прядь? Возможно ли, чтобы девушка сама не догадывалась, перед какой опасностью она стояла?

А она улыбалась и кивала головой Брэму, тогда как он, Филипп, был бледнее самой смерти.

Гигант медленно подошел к окошку, посмотрел на прядь волос поближе к свету и что-то пробормотал. Затем он сел

по-турецки у стены, разделил прядь на три части и стал плести из них силок. Когда Филипп взглянул еще раз на Селию, то она уже не была бледна, и румянец играл у нее на щеках. Она так ему кивнула головой, что он понял из этого ее движения, что она на некоторое время уйдет в свою комнату. Он не удерживал ее. Он был слишком для этого возбужден. Затем мало-помалу стал успокаиваться.

Придя наконец окончательно в себя, он достал из ранца свои принадлежности для бритья. Среди них было зеркальце. Он посмотрел в него и ужаснулся своему виду. Теперь неудивительно, что девушка так испугалась его, когда он только что к ней вошел. Ему понадобилось целых полчаса, чтобы привести свою физиономию в порядок, и все это время Брэм не обращал на него ровно никакого внимания и продолжал плести свою золотую петлю. Селия не возвращалась до тех пор, пока Брэм не окончил своей работы и не вышел из избышки совсем. Первое, что заметила Селия при входе, – это происшедшую в лице Филиппа перемену. Она осталась ею очень довольна, и это заставило Филиппа покраснеть.

Из окна они стали глядеть, что делал Брэм. Он собрал вокруг себя всех волков и отправился с ними к калитке. Он нес с собою лыжи и плетень. Выйдя из калитки вперед, он стал выпускать через нее волков по очереди до тех пор, пока из двадцати не осталось десять. Тогда он запер калитку.

Селия вернулась к столу с листочком бумаги и с каранда-

шом. С веселым видом она протянула Филиппу этот листок. Наконец-то они нашли способ говорить! На бумажке была почти по-детски нарисована голова оленя. Это значило, что Брэм отправился на охоту.

Но, уходя, он оставил в качестве их телохранителей десятых волков. Теперь Филипп уже больше не сомневался. И Селия и он были не гостями у сумасшедшего, а его пленниками.

Глава XII. Неожиданное приключение

После того как Брэм со своими спутниками скрылись по ту сторону калитки, Филипп еще долго не отходил от окна и думал. Он почти совсем забыл о девушке, которая стояла позади него. С тех самых пор, как Пьер Брео в первый раз заинтересовал его золотой петлей, он еще ни разу не стоял так близко, лицом к лицу, с неразрешимой загадкой, как теперь. Был ли Брэм Джонсон на самом деле сумасшедшим или только прикидывался? Этот вопрос предстал перед ним с такой неожиданностью, что он даже вздрогнул от удивления. Из далекого прошлого к нему донесся ясно и отчетливо голос:» Сумасшедший не забывает никогда!» Это был голос знаменитого врача по нервным болезням, с которым он когда-то беседовал о том, нормален ли вообще человек, совершивший преступление, взволновавшее все общественное мнение. И он знал, что эти его слова были верны. Раз сумасшедшим овладела какая-нибудь идея, он уже никогда не забудет о ней. Она становится его властительницей, частью его существования. В его больном мозгу подозрительность не умирает никогда. Страх преследования вечно следует за ним, как тень. Ненависть не покидает его ни на одну минуту. Если Брэм действительно сумасшедший, то зачем он

разыгрывает такую игру? Он чуть не убил Филиппа за обладание его съестными припасами, а теперь вдруг оставил все в его распоряжении! Сотни раз вспыхивавшее в его глазах подозрение вдруг сменялось спокойствием и тупым равнодушием. Была ли эта его подозрительность настоящей и не было ли это равнодушие притворным? И если оно было притворным, то с какой целью?

Теперь он был уверен, что Брэм не обижал девушку, чего он так боялся. В том, что этот человек-волк держал ее у себя в плену, физические желания роли не играли. Сама Селия дала Филиппу это понять. И все-таки, несмотря на это, он то и дело улавливал в обращенных к ней взглядах Брэма выражение чисто звериного, немого обожания. Даже и в том случае, если бы Филипп заподозрил чистоту его отношения к Селии, то и тогда ему пришлось бы отбросить в сторону эти свои подозрения, так как являлся бы на сцену вопрос: разве потерпел бы Брэм в своем доме соперника и смог ли бы он оставить их одних без себя?

Он стоял так у окна, смотрел во двор, и ум его быстро заработал. Нет, он больше не намерен разыгрывать из себя какую-то безвольную пешку! Довольно уже Брэм поиздевался над ним! Теперь он знает, как ему поступать, как бы ни вмешивалась в это дело эта таинственная девица! Столько уже раз ему представлялся случай отворотить от себя удар, который в конце концов сделал его рабом и пленником этого безумца! Теперь он сам использует свой последний удар и

останется победителем или будет побежден!

С решительным видом он посмотрел на Селию. Она внимательно следила за ним и ему показалось, что она догадалась, о чем он думал. Первою его мыслью было использовать отсутствие Брэма, чтобы обыскать его жилище. И он употребил все усилия, чтобы Селия его поняла.

– Вероятно, вы уже делали это не раз и без меня! – сказал он ей. – Я не сомневаюсь в этом. Должно быть, не найдется уголка, которого бы вы еще не обыскали. Но мне думается, что я мог бы наткнуться на что-нибудь такое, на что вы просто не обратили внимания, на что-нибудь интересное.

Она последовала за ним. Он начал со стен и каждую из них тщательно осмотрел, стараясь найти в них какое-нибудь потайное местечко. Затем он исследовал пол. Но все его поиски, на которые он потратил целых полчаса, оказались тщетными. Он даже вскрикнул от радости, когда в старом хламе в пыльном углу вдруг нашел старинной системы револьвер. Но он оказался разряженным, а зарядов к нему не нашлось. Наконец больше уже ничего не осталось необысканным, за исключением постели самого Брэма. В ней, под шкурой, были найдены три петли из волос Селии, и только.

– Не будем трогать их, – сказал Филипп, покрывая их снова медвежьей шкурой. – Соблюдаем этикет даже по отношению к Брэму. Пусть он не догадывается ни о чем. Только сумасшедший и может заниматься такими делами. А впрочем...

И вдруг он загадочно посмотрел на Селию.

– Вы не предполагаете, – обратился он к ней, – что Брэм может бояться именно вас? Иначе зачем ему было бы прятать от вас даже кухонный нож? Не боится ли он, что вы можете его зарезать во время сна, если он оставит при вас такой искушающий предмет?

Какое-то странное движение среди волков заставило его выглянуть из окна. Оказалось, что подрались между собою два волка. Когда он опять обернулся назад, то в это время Селия выходила из своей комнатки, держа в руках несколько обрывков бумаги. Волчья стая привлекла к себе внимание Филиппа. Он стал думать, каким образом можно было бы отделаться от этих телохранителей в отсутствие Брэма. Даже если бы ему удалось убить самого Брэма или захватить его в плен, то как, какими средствами можно было разделаться с волками? Если бы ему удалось каким-нибудь способом добиться от Брэма, чтобы он внес в комнату ружье, – тогда другое дело! Филипп мог бы всех их перестрелять из окошка по очереди. Без оружия же дело обстояло совсем безнадежно. За исключением одного только самого матерого из них, все волки бродили вокруг избышки и были у Филиппа на виду. Только один этот волк не обращал ровно никакого внимания на драку и преспокойно грыз кость. Филипп слышал, как она трещала под его могучими челюстями, и сразу же решил, как отделаться от волков! Он заморит их голодом! На это потребуется неделя, много – десять дней, и если будет устранен с

пути Брэм и его волки останутся взаперти внутри двора, то все будет исполнено отлично. И первое, что он теперь должен был сделать, это внушить Селии мысль о необходимости применить к Брэму физическое насилие.

Она позвала его по имени, и он вздрогнул и отвернулся от окна. С первого же взгляда он заметил, что Селия была чем-то взволнована. На столе были разложены клочки бумаги, которые она принесла из своей комнаты и, указав на них, она снова назвала его по имени. Он понял тогда, что она хотела обратить его особое внимание на то, что не представляло для него никакого значения, и заставить его прочесть по этим обрывкам то, что она не могла рассказать ему на словах. Когда он подошел к столу, то в первый момент эти бумажки произвели на него меньшее впечатление, чем то, что два раза она назвала его по имени. Но он все-таки заглянул в них. Их было восемь или десять штук, и на каждой из них было по рисунку. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы догадаться, что этими картинками Селия старалась рассказать ему все, что так его интересовало. Они содержали в себе всю ее историю. Он заметил, что бумага была грязная и изодранная, точно была давно уже в употреблении.

– Вероятно, все это вы нарисовали для Брэма, – сказал он, пристально вглядываясь в каждый из рисунков. – Должно быть, что так. Ведь Брэму было о вас так же мало известно, как и мне. Корабли... Собаки... Люди... А это что? Нападение? Драка? Или что?

Его глаза остановились на одном из рисунков, и сердце его вдруг упало. Он взял в руку кусок бумаги, который, очевидно, когда-то составлял собою часть лавочного пакета. Медленно он обернулся к девушке, и глаза их встретились. Она даже задрожала от желания, чтобы он понял скорее.

– Это вы, – сказал он, указав на центральную фигуру на рисунке и ткнув ее в грудь пальцем, – это вы, с распущенными волосами, и на вас нападают какие-то люди и замахиваются на вас палками. Милая моя, что это должно означать? А вот тут, в уголке, корабль. Очевидно, он только что пришел. Вы высадились из него на берег. Не правда ли? Из корабля! Из корабля! Понимаете? Корабль!..

– Шхуна! – воскликнула она, ткнув пальчиком в изображение корабля. – Шхуна – Сибирь!

– Шхуна» Сибирь»? Это звучит очень красиво! А посмотрите-ка, Селия, вот сюда!..

Он опять достал карманный путеводитель и развернул карту земного шара.

– Укажите, – обратился он к ней, – откуда вы отправились и где потом пристали к берегу?

Она наклонилась над ним, чтобы посмотреть на карту, и он почувствовал на своих губах бархатное прикосновение ее волос. И опять его охватили восхитительный трепет от ее присутствия так близко от него и желание схватить ее на руки и прижать к себе. Но она тотчас же откинулась назад и

продолжала посредством своего пальчика рассказывать историю по карте. Корабль отправился от устья реки Лены, в Сибири, и все время следовал северным берегом Сибири же вплоть до того самого места, где синей краской был обозначен Ледовитый океан над Аляской. Здесь пальчик остановился, и по выражению лица Селии Филипп догадался, что это было все, что она знала. Отправившись далее от какого-то места на этом синем пространстве, корабль где-то причалил к Американскому материку. С этого места начиналась история Селии по рисункам; она быстро стала хвататься то за один из них, то за другой. Конечно, это были только обрывки этой истории, ее отдельные эпизоды. И по мере того, как Филипп улавливал из них общий смысл, каждая капля крови в нем волновалась так, что он еле владел собой. Он начинал разгадывать тайну. Селия Армин выехала из Дании и через всю Россию и Сибирь добралась наконец до устья Лены. Здесь она села на корабль и доплыла на нем до берега Северной Америки, где на нее было совершено нападение, о смысле которого он мог только догадываться. Затем девушка подала ему еще один рисунок, на котором были изображены гигант и свора волков. Это оказался Брэм с его животными, и тут только Филипп понял наконец, почему Селия так не хотела, чтобы он разделался с Брэмом. Дикарь спас ее от чего-то ужасного, на что были на рисунках одни только намеки. Он отвез ее к себе на юг, в свое уединенное жилище, и по какому-то необъяснимому поводу, на который не было

решительно никаких указаний на рисунках, стал относиться к ней как к пленнице.

А далее Селия опять стала представлять собою для Филиппа непроницаемую тайну.

Зачем ей понадобилось ехать в Сибирь? Что понесло ее к пустынным берегам Полярной Америки? Кто были те таинственные враги, от которых спас ее безумный Брэм?

Он опять посмотрел на одну из картинок, которую отчасти уже измял в руке. На ней было нарисовано два человека. Девушка прижалась к мужчине и обнимала его за шею. Он тоже обнимал ее за плечи. С этой картинки Филипп перевел взгляд на Селию, и то, что он увидел в ее глазах, заставило похолодеть его сердце. С первой же минуты, как он вошел в эту хижину Брэма Джонсона, в его душе вдруг вспыхнула надежда. Теперь же, благодаря этому рисунку, она внезапно погасла, и в этом он увидел для себя мрачные предзнаменования.

Он угрюмо отошел к окну и взглянул из него на двор.

В следующий затем момент Селия вздрогнула от его неожиданного восклицания. Она быстро к нему подбежала. Он выронил из руки бумажку. Его пальцы цепко ухватились за подоконник, и он смотрел в окошко с таким видом, точно не верил своим глазам.

– Смотрите! Смотрите! – залепетал он. – Глядите вот сюда!

Все последнее время до них не долетало со двора ни ма-

лейшего звука. Только внизу, у самого окна, распростершись на утоптанном снегу, валялся тот самый волк, который только незадолго перед этим с таким ожесточением обглаживал кость. Теперь он был мертв. Все члены его окостенели. Зубы были оскалены и рот раскрыт. Вокруг головы его была лужа крови. Филиппу бросилось в глаза то, что он погиб не естественным порядком, а был убит каким-то инструментом. И действительно, оказалось, что громадный волк был насквозь пронзен стрелой.

Филипп тотчас же определил ее происхождение. Она представляла собой длинный, тонкий гарпун, похожий на дротик, который был в употреблении только у одного племени во всем свете, именно у эскимосов с залива Коронации и с Волластоновой земли.

Он тотчас же отскочил от окна и увлек за собою и Селию.

Глава XIII. Филипп успокаивается

Немного устыдившись той быстроты, с которой он отско-чил от окна, Филипп улыбнулся.

– Простите мне мою поспешность, моя дорогая, – обра-тился он к Селии, – но мне показалось, что они метили пря-мо к нам в окошко.

Увидев мертвого волка и торчавшую в нем стрелу, Селия побледнела как смерть. Схватив со стола один из рисунков, она сунула его в руку Филиппу. Это было изображение на-падения.

– Так это из-за вас? – улыбнулся он ей, стараясь сделать так, чтобы его голос не дрожал. – Так это, значит, вы всему причиной? Да? Они пришли сюда за вами? Вот не ожидал! Хотелось бы только знать почему?

Его голос стал спокойным опять. Его удивило то, как она пристально вглядывалась в движения его губ и вслушивалась в звук его голоса, чтобы определить опасность положения. Если не будет бояться он, то не будет бояться и она. Он быст-ро это сообразил. Ее глаза не скрывали ее веры в него, и он тотчас же подошел к ней, взял ее обеими руками за щеки и засмеялся, хотя каждую минуту опасался, что стрела может влететь в окошко.

– Мне приятно видеть это выражение в ваших глазах, – сказал он, – и я рад, что вы все-таки не понимаете меня, по-

тому что не мог бы перед вами лгать. Я понимаю теперь все ваши рисунки и не стал бы скрывать от вас, что нам придется пережить сейчас отчаянное положение. Эскимосы пришли именно за вами, и я готов биться об заклад, что Брэм уже не вернется со своей охоты назад. Я уверен, что они где-нибудь подстерegli его и убили из засады.

Он принял руки с ее лица и все еще продолжал улыбаться. Она сделала такое движение, точно хотела подойти к окну. Он удержал ее от этого и в ту же самую минуту вдруг услышался со двора отчаянный вой волков. Дав Селии понять, что она все время должна оставаться там, куда он ее отвел, а именно – у стола, Филипп подошел к окну сам. Волки столпились у калитки и два из них так и прыгали, стараясь переключить через загородку своей тюрьмы. Среди двора, между изгородью и избушкой, валялся на снегу еще один убитый волк. Филипп быстро сделал вывод: эскимосы уже убили Брэма из засады и теперь предполагали, что девушка в избушке находится одна. Он догадывался, что они только суеверно боялись волков Брэма и решили их убить по одному, чтобы затем перелезть через забор и пробраться в самую избушку.

И вдруг он увидел, как над забором появились голова и плечи какого-то человека, рука этого человека что-то бросила, и перед глазами Филиппа сверкнула стрела и врезалась в самую середину стаи волков. Тотчас же эти голова и плечи скрылись за забором, и в тот же самый момент Филипп услышал позади себя и крик Селии. Она тоже подбежала опять

к окошку. Она увидела то же, что и он, и быстро и тяжело задышала от волнения. В удивлении он заметил, что она не была уже больше бледна. Щеки ее запылали румянцем, и в глазах у нее засветился яркий огонь. В немом молчании он стал смотреть на нее, удивившись ее преобразению. Он был почти уверен, что и она собиралась тоже сражаться и что была готова бок о бок с ним ринуться на врагов. Едва крик замер на ее устах, как она уже бросилась к себе в хибарку и тотчас же возвратилась оттуда обратно и сунула ему в руку револьвер.

Филиппу показалось, что она не уходила и на десять секунд.

Это был не револьвер, а простая детская игрушка. При других обстоятельствах он поднял бы Селию на смех, но сейчас было не теперь, а теперь – не вчера и не позавчера. Это был момент крайней необходимости, и это ничтожное оружие все-таки дало Филиппу уверенность, что он не оставался вовсе безоружным. Как-никак, а из него можно было выстрелить до самого забора и, пожалуй, свалить с него и человека, если только удастся хорошо в него прицелиться. Во всяком случае, им можно произвести много шума.

Шума!.. Он посмотрел на Селию и перестал улыбаться. Не пришла ли и ей в голову та же самая мысль, что и ему? Иначе зачем ей нужно было бы совать ему в руку именно этот револьвер? И по блеску ее глаз он догадался, что был прав. Ведь если Брэм был уже убит, то эскимос или эскимос-

сы предполагали, что во всей этой избушке она была совершенно одна и будет находиться в их власти тотчас же, как будут перебиты все волки до одного. Поэтому два или три шумных выстрела из револьвера и затем появление во дворе самого Филиппа могли по меньшей мере поколебать их уверенность. Они поняли бы из этого, что Селия была не одна и что ее защитник имеет при себе оружие. Вот почему Филипп возблагодарил судьбу за то, что она ниспослала ему этот инструмент, который гремел так, как игрушечная пушка, а причинял боль не сильнее укуса комара.

– Много их тут не должно быть... – успокоил Селию Филипп. – Иначе они гораздо скорее справились бы со всеми волками. Вероятно, их не более...

В этот самый момент над забором, медленно и опасно озираясь по сторонам, стала подниматься темная голова, и все волки с рычаньем бросились толпой к тому месту.

– Смотрите! Смотрите! – крикнула Филиппу по-датски девушка. – Это Блэк!

Филипп не понял ее, выждал, когда тот поднялся над забором настолько высоко, чтобы метнуть свою стрелу, и вдруг неожиданно выскочил на крыльцо. Закричав во весь голос так, что у него чуть не лопнули голосовые связки, он в то же мгновение открыл и стрельбу. Гром выстрела и дикий вопль заставили незнакомца спрыгнуть на землю. Но зато стая волков, обезумевшая от невозможности добраться до врагов, сразу же повернула назад и бросилась к избушке. Зная по

опыту, в чем дело, Филипп моментально скрылся за дверь.

– Видали вы, – обратился он к Селии, – как этот герой сейчас покатился с забора вниз? Не думаю, чтобы я попал в него. По всей вероятности, нет. Но если бы только они знали, какие жестокие раны может наносить этот наш револьвер, то они подняли бы нас на смех. Но зато шуму-то, шуму сколько!..

Он посмотрел ей прямо в лицо. Это было с его стороны изумительным лицемерием. Опасность была велика, он создавал ее и все-таки был рад тому, что, делая колоссальные усилия, чтобы понять хоть что-нибудь из того, что он ей говорил, она не замечала, как он ее обнимал. От радостного волнения и в то же время от сознания рискованности положения, кровь бросилась ему в лицо.

– Мне хочется сейчас крепко-крепко тебя обнять, – обратился он к ней с серьезностью, которая, казалось, должна была бы на нее подействовать. – Обнять и поцеловать и еще высказать, что я чувствую... Мне хотелось бы сделать это, пока еще не поздно. Но поймешь ли ты меня? То есть, сможешь ли ты понять, что я полюбил в тебе каждую частицу, начиная от той земли, на которой ты стоишь? Пожалуйста, не думай, что мною руководит сейчас зверь. Вот именно этого-то я и боюсь. Но мне хотелось бы высказаться перед тобой прежде, чем начнется для меня неравный бой, и именно из-за тебя. А бой этот уже близок, он уже висит над нами, так как они уже расправились с Брэмом и сегодня же сломают

или сожгут эту изгородь, расправятся с волками и примутся за эту хижину. А тогда...

Он потихоньку отнял от нее руки. В его взгляде как будто отразилась одна из тех мыслей, которые его так волновали.

– Но ведь ты уже принадлежишь другому... – задумчиво сказал он, отвернувшись к окошку. – Иначе зачем было бы тебе вешаться ему на шею, а ему прижимать тебя к себе, как вот здесь?..

Несколько времени тому назад он скомкал картинку и бросил ее на пол. Теперь он поднял ее и стал ее расправлять. Селия не шевельнулась. Она с напряженным вниманием следила за каждым его движением. И когда он снова подошел к ней с картинкой, то ему показалось, что у нее в глазах загорелся новый, тревожный вопрос. Как будто она сразу угадала в Филиппе что-то такое, чего раньше не замечала. И в первый раз он почувствовал от этого смущение. Возможно ли, чтобы она поняла то, что он сейчас перед ней высказывал? Он не мог этому поверить, а между тем... Существует же на свете чисто женская интуиция!..

Он протянул ей рисунок. Она взяла его, некоторое время пристально смотрела на него и наконец подняла на Филиппа глаза. Если она и не понимала его, то во всяком случае догадалась.

– Это мой отец, – просто сказала она по-датски, указав пальчиком на мужчину, нарисованного на бумажке.

В этой ее фразе было созвучие с английским языком. Он

сразу же ее понял, ему даже показалось, что она произнесла ее по-английски.

– Твой... отец? – воскликнул он.

Она утвердительно кивнула ему головой.

– Да, – повторила она. – Это мой отец!

Точно гора свалилась с плеч Филиппа.

– Уф!.. – произнес он с облегчением и, чтобы замаскировать свое волнение, весело спросил ее: – Селия, а нет ли у тебя еще патронов для этого пугача? Поищи-ка! Хочется пострелять на весь мир!

Глава XIV. Что принес с собой ураган

Филипп позабыл и о Брэме, и об ожидавших по ту сторону изгороди эскимосах, и о безнадежности положения. Так, значит, это ее отец! Ему вдруг захотелось кричать, схватить Селию на руки и заплясать с нею вокруг избушки. Но происшедшая в ней перемена сразу же сдержала его и заставила его вспомнить о приличиях. Он побоялся, как бы эти ее лучистые, голубые глаза, которые только что смотрели на него с такою удивленной и вопросительной серьезностью, не загорелись вдруг огоньком подозрительности, а может быть даже и страха, если бы он зашел слишком далеко. Он сообразил, что слишком уж ясно подчеркнул перед нею свою радость, когда она сказала, что нарисованный на бумажке человек — ее отец. Она не могла не обратить на это внимания. Тем не менее он об этом не жалел. Он чувствовал невыразимую радость при одной только мысли о том, что у всякой женщины, под каким бы солнцем она ни родилась, есть, по крайней мере, одна эмоция, которую можно понять и без всяких слов. Ведь в то время, когда он говорил ей то, чего она все равно не понимала, он ясно читал у нее по лицу все ее сокровенные мысли. Он был уверен в этом. Потому-то он и заговорил о патронах.

Но их больше не оказалось. Селия объяснила это ему мимикой. В их распоряжении было всего только четыре патрона, оставшиеся еще в револьвере. Впрочем, это открытие его не очень смутило. Он предпочел бы этому игрушечному пугачу хорошую дубину. И он стал оглядываться по сторонам, стараясь подыскать что-нибудь такое, на что он мог бы наложить руки. Взгляд его упал на стоявшую у стены постель Брэма. Он подбежал к ней, выворотил из нее целую перекладную фута в четыре длиной и стал размахивать ею во все стороны, чтобы испытать ее вес и возможную силу удара.

– Теперь я готов! – воскликнул он. – Если только они нас не подожгут, то им ни за что не пройти к нам через эту дверь. Я обещаю тебе это, Селия. Клянусь тебе в этом!

Она взглянула на него и на щеках у нее вспыхнул румянец. Она поняла, что он готов к бою, и это сразу же освободило ее от всякого страха, и она звонко засмеялась. Он обернулся к ней и вдруг что-то подкатило ему к самому горлу: она еще ни разу не смотрела на него так, как сейчас, и показалась ему писаной красавицей. Он опустил дубину и протянул к ней руку.

– Дай ручку, Селия, – обратился он к ней. – Я бесконечно рад, что мы поняли друг друга!

Она тотчас же подала ему руку и, несмотря на то, что смерть уже бродила у них под боком, они радостно улыбнулись прямо в глаза друг другу. После этого она отправилась к себе в комнату, и Филипп уже не видел ее целых полчаса.

За эти полчаса он более спокойно расценил положение. Обстановка создавалась чрезвычайно серьезная, и виной этому была сама Селия. Ведь если бы он не послушался ее и поступил бы так, как считал необходимым, то есть если бы он захватил Брэма живьем или отправил бы его на тот свет, то обстоятельства сложились бы совершенно иначе, чем теперь. Пока Селия находилась в своей комнатке, Филипп старался изучить движения волков внутри двора. Незадолго перед этим он обдумывал способ, как бы от них освободиться, а теперь невольно стал считать их своей самой надежной защитой. Он был уверен, что они дадут ему тотчас же знать о том моменте, когда эскимосы снова приблизятся к забору. Но вернутся ли они назад? И сколько их? Тот факт, что только один человек нападал на всех волков зараз, был, пожалуй, довольно убедительным доказательством того, что число эскимосов было незначительно. И если это действительно было так, то оставалась только одна возможность спастись – это немедленное бегство из избушки. А между ее дверью и свободой лесов оставались еще семь лютых волков Джонсона!

Филипп с гневом вытащил из кармана револьвер Селии. В нем оставалось всего только четыре заряда. Но какая от них польза? Они не больше смогут остановить волков, чем булабочные уколы. В сущности, какая польза и от дубины? Филипп мог бы вступить в бой с двумя или тремя волками, но с семью...

И он искренне проклял Брэма.

А тем временем небо сразу потемнело. Все снаружи покрылось мраком. Тучи, точно нарочно, свисли вниз. Не было никакого сомнения, что Филипп и Селия находились у самого Ледовитого океана или, по крайней мере, милях в ста от него, так как только этим и можно было объяснить такую быструю перемену погоды. Через полчаса должен был разразиться ураган. Эскимосы, видимо, предвидели эту непогоду. Она поможет им скрыть свои следы, и когда они увлекут с собою Селию, то снег заметет все признаки их преступления и собьет с толку Брэма и его волков.

Но почему, спрашивал себя Филипп, им понадобилась именно она? Он знал, что в последнее время эскимосы очень обнаглели и стали совершать свои нападения довольно часто. Так, еще недавно они убили у побережья двух американских исследователей и одного миссионера. Еще в истекшем августе из Черчилла были отправлены к заливу Коронации и к острову Батурст целые три патруля. С одним из них, которым командовал швед Олаф Андерсон, чуть не отправился в экспедицию и сам Филипп. Говорили потом, что весь отряд этого Андерсона был впоследствии сплошь перебит. Не трудно было понять поэтому, почему эскимосы напали на отца Селии и на тех, кто был вместе с ними, когда все они высаживались с корабля на берег. Но зачем эскимосам понадобилось так настойчиво преследовать саму Селию – это Филиппу казалось таинственным и необъяснимым.

Филиппа заинтересовала надвигавшаяся непогода. Уди-

вительная быстрота, с которой серенький денек вдруг превратился в непроницаемую ночную мглу, так поразила его, что он чуть не крикнул Селии, чтобы и она тоже подошла к нему и стала наблюдать вместе с ним это явление. Мрачная громада подвигалась с необъятного Баррена по направлению к северо-востоку. На некоторое время водворилась подавляющая тишина. Он уже не различал перед собою движения верхушек кедров и сосен, росших по ту сторону забора, а по сию сторону мог иногда различать одни только двигавшиеся тени волков. Он и не заметил, как Селия вышла из своей хибарки. Он так пристально вглядывался в сгущавшуюся перед ним завесу мрака, что даже и не почувствовал, как она подходила к нему, пока она не встала рядом с ним. В зловещих сумерках, в которые сразу погрузился весь видимый мир, было что-то такое, что еще более сближало их и притягивало друг к другу, и Филипп молча взял ее за руку и так и продолжал держать ее руку в своей. Вслед затем до них донесся низкий ропот, точно какое-то живое существо ползло на них с противоположного края земли. Этот ропот все рос и расширялся во все стороны, пока наконец не наполнил собою всей вселенной. Теперь он превратился в заунывный, продолжительный вой. Первый порыв ветра пронесся над хижинкой и потряс ее до основания. Нигде в мире не бывает таких бурь, как те, которые проносятся над Великим Барреном, нет такой страны на свете, где бы буря была насыщена такой массой воющих, стонущих и визжащих,

перекликающихся между собою голосов. Для Филиппа это не представляло новизны. Он уже и раньше слышал такие бури, когда ему казалось, что под давящим натиском облаков кричат десятки тысяч маленьких детей, когда он готов был верить в то, что вся мгла заполнена целыми полчищами хохочущих, вопящих, одержимых беснованием людей, и когда из недр бури до него доносились пронзительные вопли мужчин и рыдания женщин. Бывали случаи, что от таких бурь слабые люди сходили с ума. В течение долгой, непроглядной зимней ночи, когда пасынки природы по целому полугоду не видят солнца, даже эскимосы заражаются безумием этих бурь и кончают самоубийством.

А теперь точно такая же буря проносилась над этой несчастной хижинкой, и Селия не выдержала и стала плакать. Филипп не видел ее в темноте, но чувствовал, как она дрожала, потому что она тесно к нему прижималась.

– Неужели я увидел ее в первый раз только сегодня утром? – задавал он себе вопрос. – Точно мы с нею знакомы уже много-много лет и точно она уже давным-давно сделалась моими душой и телом и частью меня самого!

Он протянул к ней руки. Тепленькая и дрожа всем телом, она покорно подчинилась его объятиям. Его душа воспрянула в диком экстазе и радостно понеслась навстречу буре. Он прижимал ее к груди и шептал:

– Успокойся, моя дорогая! Ничто не может повредить тебе!.. Ничто на свете!..

Это была простая и незначительная фраза – первая, пришедшая ему на язык. Но он повторял ее все вновь и вновь и все крепче прижимал ее к себе.

– Ничто не может повредить тебе!.. Ничто, ничто на свете!

Он наклонился над ней. Она смотрела на него снизу, лицо ее было обращено к нему, и он вдруг почувствовал неожиданное очарование теплого, ласкового прикосновения ее губ. Он поцеловал ее. Она не сопротивлялась. И в непроглядной тьме он вдруг ощутил, как пылало ее лицо.

– Ничто не может повредить тебе! – на этот раз уже крикнул он громко и почувствовал, что мог бы расплакаться от счастья. – Ничто, ничто на свете!

И вдруг налетел порыв бури и потряс всю хижину, как карточный домик, и вместе с ним, точно у самого окна, раздался резкий, пронзительный крик, какого Филипп не слышал еще ни разу в жизни. И вслед за ним, покрывая стоны непогоды, вдруг тоскливо завывали волки Брэма.

Глава XV. Пожар

Некоторое время Филиппу казалось, что это крикнул Брэм Джонсон, что, несмотря на неистовую бурю, человек-волк вернулся. Они оба стали прислушиваться, не повторится ли этот крик или не раздастся ли топание шагов у запертой двери. Но Филипп скоро сообразил, в чем дело, и вдруг весело прижался щекой к ее лицу и засмеялся.

– Это – ветер! – воскликнул он. – Никогда еще я не слышал ничего подобного! Это даже волков обмануло! Однако же, как ты испугалась! Впрочем, и нельзя не испугаться. А не зажечь ли нам огонек?

Держа ее за руку, он стал нащупывать дорогу к тому месту, где у Брэма были сложены заготовленные им плошки с медвежьим жиром. Она подержала перед ним две из них, пока он их зажигал. Желтоватый свет отразился у нее на лице, в то время как лицо еще оставалось в тени. То, что он заметил сейчас при мягком освещении и что отразилось у нее в глазах, так и подмывало его схватить ее на руки, несмотря на то, что она стояла с огнем в руках. Но она круто повернулась со светильниками и отошла к столу. Он все еще продолжал зажигать их, пока не осветил комнату вполне. Это было безумной расточительностью, но он поступал так нарочно, чтобы обуздать в себе зверя. Когда же он зажег уже шестую плошку и посмотрел на Селию, то она еще стояла у стола и смотрела

на него так спокойно и с таким доверием, что он возблагодарил судьбу за то, что поцеловал ее только раз – только один единственный раз! Его радовало и волновало сознание, что ей уже известно, что он любит ее. Теперь он в этом был твердо уверен. И мысль о том, на что он мог бы решиться в этой темноте и в момент ее полной беспомощности, глубоко его потрясла. Теперь он мог радостно и не стыдясь смотреть ей прямо в глаза. Ему захотелось еще раз поцеловать ее в губы и в глаза. Но вместо этого он нежно взял шелковистую прядь ее волос и прижал ее к своим губам.

И вдруг она неожиданно повернулась к стене, сняла с гвоздя его полушубок и завесила им окно. И когда он снова увидел ее лицо, то оно уже так и сияло. Она указала ему на плоски.

– Опасности нет! – воскликнул он. – В такую бурю никто не станет бросать в нас стрелы!

Опять завыли волки. Минуту спустя их вой уже был подхвачен бурей и раскатился далеко вокруг. Хижина затряслась, словно кто-то качнул ее могучей рукой. И снова над ними зарыдал ветер на разные голоса, и Филипп мог видеть, какой страх опять засветился в глазах у Селии.

И чтобы развлечь ее хоть немного, он достал свой путеводитель и развернул перед нею географическую карту.

– Смотри сюда! – сказал он. – Вот здесь находится эта наша хижина...

Он сделал карандашом на карте точку и, обведя руками

комнату и потолок, дал ей понять, что именно он имел в виду.

– Вот это – Великий Баррен, – продолжал он, – это Ледовитый океан и Гудзонов залив. Тут началась эта наша буря и так как на всем этом пространстве нет ни гор, ни лесов, ни скал на протяжении целых пяти тысяч миль, то она докатилась и до нас...

Сели я пристально уставилась на поставленную им маленькую черную точку. То была их хижина. В первый раз карта показала ей, где она находилась, а может быть, и то, как она сюда попала. Прямо вниз к этой точке от голубого поля океана шла полоска Медной реки. Селия слегка вскрикнула от волнения и схватила Филиппа за руку. Затем она ткнула в карту указательным: пальцем.

– Вот здесь! Вот здесь! – воскликнула она, и он понял ее так ясно, точно она сказала это на его родном языке. – Мы вошли в эту реку. Вот здесь нас выгрузила шхуна!

И она указала на устье Медной реки в том месте, где эта река вливалась в залив Коронации.

– А затем мы стали подниматься по реке все выше и выше, – продолжала она и вдруг резко повторила: – Медная река!

Она вырвала у Филиппа из руки карандаш и поставила крест на верхней трети этой реки. Он был поражен, как удачно она сумела ему объяснить. Взволнованным голосом она стала рассказывать ему, как на том самом месте, где она по-

ставила крест, на них предательски напали эскимосы. Все еще продолжая пользоваться его карандашом, она нарисовала, куда путники убежали от реки, затем их обратное возвращение к ней и где произошло новое нападение эскимосов. Тут-то и схватил ее Брэм Джонсон и увез ее к себе. А там позади, за этим крестиком, находился ее отец. Это было главным моментом в ее рассказе, и она, очевидно, еще верила, что он остался в живых, потому что в ее тоне слышалось волнение, но отнюдь не безнадежность и не скорбь.

Эта ее уверенность удивила его. Несколько раз за этот вечер он порывался сказать ей голую правду, что отец ее убит, так как в этом не могло быть ни малейшего сомнения, но каждый раз у него не хватало на это мужества. Его озадачивала ее убежденность, будто ее отец находится на том самом месте, которое она отметила на карте карандашом. Можно ли было предполагать, что эскимосы имели какую-нибудь особую причину не убивать ее отца, Поля Армина, и что Селии была известна эта причина? Если это и было так, то для Филиппа здесь скрывалась новая тайна, и он снова и снова пытался добиться от Селии ответа на мучивший его вопрос. Почему эскимосам нужна была именно она? И каждый раз она отвечала ему беспомощным жестом, означавшим, что она не в состоянии ему это рассказать.

– Блэк! – сказала она непонятное для него слово.

О наступлении ночи он мог узнать, только взглянув на часы. В семь часов он проводил Селию в ее комнатку и угово-

рил ее лечь спать. Час спустя он прислушался издали к ее дыханию и решил, что она уже заснула. Он ждал этого и потихоньку стал готовиться к выполнению предприятия, которое задумал, но о котором не сказал ей ни единого слова.

Он надел шапку и полушубок и захватил с собою дубину, которую выломал из кровати Брэма. Затем с громадными предосторожностями отворил входную дверь. Через мгновение он был уже на дворе. Дверь захлопнулась за ним, и буря обрушилась на него со всех сторон.

За ревом непогоды он не мог бы услышать человеческого крика даже в пятидесяти шагах от себя. Тем не менее он чутко прислушивался, сжимая в руке дубину, причем нервы были напряжены у него до последней крайности. Где-то, в пределах этой изгороди, находились волки Брэма Джонсона, зарывшиеся в снег от урагана, и он, задержавшись лишь на одно мгновение у двери, только и просил судьбу о том, чтобы в течение ближайших двух минут не наступило внезапного затишья. Он мог надеяться, что среди раскатов и грохота урагана ветер отнесет от волков его запах в противоположную сторону, и он избежит их. Если только он случайно не наткнется на них по пути, то они его не почувют. В эти секунды он отдал бы половину своей жизни за то, чтобы только знать, где они находятся. И первые свои шаги в непроницаемую тьму он сделал, все еще прислушиваясь и тщетно стараясь уловить хоть малейший звук в бешеных воплях ветра. Он не бежал. Движения его были так же спокойны, как если

бы на дворе стояла полнейшая тишина. Он держал дубину наготове. Он еще заранее, при свете дня, заметил расстояние от крыльца до калитки и направление, которого должен был держаться, и скоро действительно уперся в забор. Нашарив в десяти шагах от себя калитку, он почувствовал, как сердце его вдруг запрыгало от радости, что он и Селия были теперь спасены. Еще полминуты – и калитка открыта настежь. Он прочно подпер ее все той же дубиной, чтобы она не затворилась, и отправился тихонько назад.

Рука его крепко стискивала револьвер, и на нем не было лица, когда он снова нащупал дверь и вернулся к ласковому свету плашек. Посреди комнаты с таким же бледным лицом, как у него, стояла Селия. Глаза ее были устремлены на него с безмолвным вопросом.

– Я отворил калитку, – ответил он ей, показав пальцем на дверь и затем в сторону забора. – До рассвета волки убегут, и мы с тобою теперь спасены. Больше уж ничто не стоит поперек нашего пути!

Она поняла его. Она быстро задышала, затем вскрикнула и протянула к нему руки. Потом она что-то сказала, почти шепотом, – и он медленно стал наклоняться над ней, – именно медленно, чтобы дать ей возможность уклониться, если бы она того пожелала, и поцеловал ее в уже протянутые к нему губы. А затем она отвернулась от него и быстро скрылась в темноте своей хибарки.

Всю ночь буря ревела над его головой, но он уже больше ее

не слышал. Было уже поздно, когда он собрался лечь спать. Ветром из избушки выдуло все тепло, было так холодно, что зябли пальцы и нельзя было снять сапоги. Он затопил печь и, чтобы она подольше горела, сплошь набил ее дровами.

– Ты спишь? – тихонько спросил он Селию через перегородку.

– Нет... – холодно ответила она. – Я страшно озябла.

Он не понял того, что она ему сказала, но по тону ее голоса догадался, что она никак не могла заснуть, и подкинул еще дров. Печка раскалилась докрасна.

Последняя плашка погасла.

Целый час после этого он еще лежал без сна, думал о Селии и о том счастье, которое так неожиданно свалилось на него за один только день. В течение этого часа он то и дело вставал, чтобы подложить в железную печку дров, и, возвращаясь обратно, снова принимался за постройку воздушных замков и за обдумывание планов на целую жизнь вперед. А затем усталость сломила его, и он заснул – беспокойным, тревожным сном, полным сновидений. На время в буре словно наступило затишье, а затем ураган снова разразился над избушкой с невероятной силой. Казалось, будто чья-то рука стучалась в окошко, грозя разбить стекло, а вниз по трубе вдруг пронесся целый вихрь ветра вместе со снегом, произвел обратную тягу и распахнул в печке дверцу настежь, так что вдоль пола, точно раскаленный докрасна меч, протянулась от нее горячая, яркая полоса. Звуки бури, различ-

но преломляясь, принимали участие в снах Филиппа. И во всех этих снах и обрывках от снов участвовала и Селия. И странное дело, все время выходило так, будто она уже была его женой. Между прочим, он увидел, что будто ранней осенью, вечером, вместе с компанией других молодых людей они отправились на пикник и разложили костер. Филипп всегда был подвержен легкому насморку, и дым всегда раздражал его. Он начал чихать и увертываться от костра, а Селия смеялась, видя, как дым сам тянулся к нему от костра, и вела себя как мальчишка-озорник, которому непременно хочется кого-нибудь помучить. В этот вечер дым держался как-то особенно настойчиво, пока наконец Селия не перестала издеваться и не бросилась к нему, чтобы прикрыть его нос и глаза своими руками. Он беспокойно заворочался и уткнул голову в свернутую шкуру, которая заменяла ему подушку. Дым, однако, настиг его и здесь, и он не выдержал и чихнул. В этот момент вдруг Селия исчезла. Он чихнул опять и пробудился.

Вся хижина утопала в дыму. Сквозь него к потолку взвивались огненные языки. Огорошенный дымом и пламенем, он понял, что нельзя было терять ни одной секунды.

– Селия! Селия! – закричал он и подбежал к ее двери, которая была уже в огне.

Она пробудилась от его крика и, когда он вбежал к ней, с удивлением увидела вокруг себя огонь и раньше, чем успела понять, в чем дело, он уже закутал ее в тяжелую медвежью

шкуру, и понес ее на руках. Прижав ее к себе и нагнувшись над нею так, чтобы огонь не мог захватить ее, он выскочил с нею в соседнюю комнату. Выстроенная из смолистых сосновых бревен, вся хижина представляла собою пороховой погреб, и теперь не могла бы ее потушить уже и целая пожарная команда. Филипп нырнул сквозь ослеплявшие его облака дыма и стал нащупывать на выходной двери щеколду.

Опоздай он со своей ношей еще только хоть на одну минуту, и ему, пожалуй, уже вовсе не удалось бы выскочить с нею на ночной простор. Ветер, ворвавшийся сквозь отворенную дверь, вихрем закружил внутри хижины пламя и тотчас же превратил ее в пылающий костер. Огонь стал вырываться из окна и из трубы, и путь Филиппа до ворот был освещен ярким заревом пожара. Но он оглянулся только тогда, когда вышел уже за изгородь и остановился у опушки леса. Он прижал к себе свою драгоценную ношу и тут только почувствовал весь ужас своего положения: вместе с хижинной сгорело все, что в ней находилось, – съестные припасы, постели и тот узел, в котором находилось белье Селии, но он не давал ей это почувствовать и только твердил одно:

– Ничего, моя деточка, не бойся! Все будет хорошо, и мы выберемся отсюда теперь уж наверняка! Эскимосов не видно, и волки испугались пожара и убежали в лес!

Глава XVI. Перед рассветом

Опустив Селию на землю и стоя со сжатыми кулаками перед пожарищем, Филипп молча проклинал себя за то, что своей неосторожностью навлек на нее опасность еще более страшную, чем эскимосы или волки Брэма Джонсона. Он один виновен был, во всем и должен был отвечать за последствия. Его оплошность вызвала пожар, и созданная им отчаянность положения теперь жгла ему мозг не хуже самого огня. В качестве пленников Брэма, заключенных им в его хижине, окруженные волками и осаждаемые эскимосами, они все же еще имели кров, еду и тепло – возможность жить, по меньшей мере – возможность бороться за жизнь. А что вышло теперь?

И его мысли стали работать особенно напряженно.

В конце концов для него все-таки было огромное очарование в предстоящей борьбе со всеми трудностями и препятствиями и в сознании, что теперь он не один, а с девушкой, которая завернута сейчас в медвежью шкуру и жизнь которой всецело теперь зависит от него. Случись с ним что-нибудь – и она неизбежно должна умереть. И эта ее беспомощность вдруг наполнила его диким восторгом, радостью абсолютного обладания женщиной, которая была для него всего дороже. Теперь она была для него чем-то гораздо большим, чем только женщиной, которую он любил. Она стала для него

грудным ребенком, которого надо было воспитывать, носить на руках, защищать от ветра и холода и опекать, как родная мать. Теперь разлетелась последняя разделявшая их преграда. То, что он встретил ее только вчера, было для него сегодня только неважной подробностью. Не все ли равно: вчера, сегодня, позавчера или целые годы тому назад? Мир изменяется непрестанно, изменяется и жизнь, и одно мгновение длится целую вечность, и целая вечность проходит, как мгновение. Он познакомился с Селией только вчера, но она принадлежит ему так же нераздельно, как звезда – небесам. Его жизнь – ее жизнь, его смерть повлечет смерть и для нее.

– Я готов! – решил он, и смело посмотрел в пространство.

Его мысль перешагнула через первоначальные страхи и начала претворяться в активность. Почему он до сих пор не подумал о той, другой хижине, мимо которой они проехали вчера с Брэмом по дороге с Баррена сюда?

Только сейчас он вспомнил о ней. Его сердце подскочило у него чуть не к самому горлу и ему вдруг захотелось радоваться, кричать, прыгать от восторга. Ведь эта хижина может быть их спасением! До нее отсюда не более восьми или десяти миль, и он был уверен, что сможет найти ее без труда.

Но какое счастье, что вчера с вечера было так холодно, что оба они не раздевались!

Он оставил Селию одну и обошел пожарище, чтобы убедиться, не грозит ли откуда-нибудь опасность. Когда он вернулся к ней, то она назвала его по имени и крикнула ему из

глубины своей медвежьей шкуры:

– Ку-ку! Доброе утро, Филипп!..

Ему показалось, что в ее голосе не было ни малейших признаков страха, а звучала одна только радость, что он вернулся к ней в эту непроглядную тьму так скоро. Он нагнулся и еще уютнее упаковал ее в медвежью шкуру, потом взял ее на руки и понес.

Ветер начинал уже замирать в верхушках деревьев, и Филипп уже стал замечать легкие просветы там, где стали разрываться тучи. Буря кончилась, и близился рассвет. Вихрь метели сменился большими мягкими хлопьями снега, падавшего уже сплошной белой пеленой. К полному наступлению дня их след будет уже совершенно засыпан, так что эскимосы его уже не увидят. Это хорошо.

Филипп старался идти как можно скорее, насколько это позволяли ему чаща леса и темнота. По его предположению, он шел прямо на восток. Он был настолько возбужден, что долго не чувствовал тяжести своей драгоценной ноши. Он остановился, чтобы перевести дух только тогда, когда отошел от сгоревшей избушки примерно с полмили. Всю дорогу он молчал, а если и говорил, то только шепотом. Он остановился в таком месте, где ствол упавшего дерева доходил ему до пояса. Сюда-то он и посадил девушку, поддерживая ее одной рукой, а другой стал ощупывать медвежью шкуру, стараясь определить, хорошо ли она ее закрывала. И вдруг во время этих поисков его холодная рука коснулась ее голой

шей. Она вскрикнула, потом засмеялась; ему стало неловко, и он понес ее дальше. На следующей полумиле они останавливались еще два раза и наконец, пройдя уже полную милю, они набрали на густую поросль ельника, сквозь которую не проникали ни ветер, ни снег. Здесь они сделали привал и стали дожидаться рассвета. В беспросветно-темный промежуток времени между полярной ночью и рассветом они стали чутко прислушиваться, не донесется ли до них какого-нибудь звука. Раз им послышался вой одного из убежавших волков Брэма, и два раза Филиппу показалось, что он слышит отдаленный звук человеческого голоса. И на второй раз и сама Селия крепко схватила его за руку, чтобы показать этим, что и она тоже слышала.

Немного позже, оставив Селию одну, Филипп отошел к опушке ельника и стал пристально всматриваться в свои следы. С тех пор, как он прошел по этому месту, минуло всего только минут двадцать или полчаса, а снег уже совершенно их засыпал. Он надеялся, что снегопад продлится еще не менее часа, и если за это время он доберется до избышки, то его не найдет уже ни одна человеческая душа.

Он выломал себе толстую палку и стал ждать, все еще прислушиваясь и напрягая взор, чтобы проникнуть в сплошную мглу, а затем, когда до него не донеслось ни единого звука, кроме биений его же собственного сердца, он вдруг ощутил, что его начинает медленно охватывать непреодолимое предчувствие какой-то большой опасности, которая вот-вот мо-

жет разразиться над ним и Селией.

И готовый ко всему, он крепко стиснул в руке дубинку.

Глава XVII. Кто-то прошел

Филиппу показалось, что весь мир перестал дышать и вместе с ним ждет того же, чего ожидает и к чему прислушивается и он сам. Ветер замер окончательно. В верхушках деревьев уже не слышалось ропота, и ни один звук не нарушал мертвой тишины. Мгла начинала рассеиваться. Из серого хаоса стали вырисовываться тени. Деревья и кусты принимали определенные очертания, и по небу тянулись последние ключья уже умчавшихся туч.

И все же, несмотря на то, что предрассветный сумрак уже стал заступать место ночи, Филипп не трогался с места. Он никак не мог заставить себя идти дальше, равно как и возвратиться назад. Нервы ему изменили. Наступила реакция. Теперь уж ему стало казаться несомненным, что что-то надвигается. Он был уверен в этом так же, как и в том, что ночь уже уступала свое место дню. Теперь было уже достаточно светло, чтобы увидеть любое движение даже в пятидесяти шагах, а он все смотрел и смотрел на ту небольшую полянку, по которой пролегал его след. Затем он вспомнил о Селии. Он любил ее. За нее он был готов вступить в бой с кем угодно и не боялся смерти. И все-таки до сих пор она еще составляла для него загадку. Он держал ее на руках, ощущал биение ее сердца у себя на груди, целовал ее в губы, в глаза и в волосы – и она ответила ему тем, что всецело отдалась

под его защиту. Да! Она вручила ему свою судьбу, и он, благодаря этому, ощутил в себе силу того, кто борется за свою собственную жизнь. Но вместе с этой пришедшей к нему силой снова встали перед ним вопросы:» Кто она? Почему ее преследовали в эти самые предрассветные сумерки какие-то таинственные враги?»

И вдруг он услышал какой-то невнятный звук.

Сердце у него остановилось. Он затаил дыхание. То был звук, который еще трудно было отличить от шепота ветра в ветвях деревьев. И все-таки он потряс все его чувства, как взрыв гранаты или удар грома. То было для него скорее ощущением чьего-то присутствия, чем звуком.

Филипп оглянулся по сторонам. Все кругом было освещено. Теперь он мог видеть всю поляну до противоположной опушки, – и все-таки не было заметно ни малейшего движения.

– Ум!.. У-ум!.. У-у-ум!.. – донеслось до него издали.

Филипп тотчас же возвратился к Селии, взял ее на руки и устремился с нею по лесу прямо на север.

– Пора... – сказал он. – Идем! Какая жалость, что на тебе нет лыж!

Он знал, что хижина должна была находиться именно в этом направлении. Доехав до конца леса после пересечения Баррена, Брэм Джонсон повернул почти прямо на юг и, припоминая последнюю часть пути, Филипп был уверен, что расстояние между обеими хижинами не могло быть более де-

сяти миль. Он только жалел о своей небрежности: надо было бы более внимательно следить тогда за направлением пути Брэма. Но сделанного уже не воротишь.

Здесь снегу было мало. Он спустил Селию на землю и в течение четверти часа они шли так скоро, как только могла идти она. Филипп был уверен, что это были крики эскимосов и что они пойдут напрямик к тому пункту, где они только что отдыхали, и хотел покрыть максимальное расстояние в те немногие первые минуты, пока враги Селии оставались еще позади. Два раза за это время они останавливались в местах, где их не мог бы заметить никто, и оглядывались назад. Идя вперед, Филипп все время выбирал самый редкий лес и избегал всего того, что могло бы служить для эскимосов засадой.

Так они прошли еще с полмили и вдруг наткнулись на снегу на лыжный след.

След!..

Он пересекал их собственное направление под прямым углом и, нагнувшись над ним, Филипп почувствовал, как вдруг какой-то комок подкатил ему к самому горлу.

След был не эскимосский. И самые лыжи были несомненным изделием белого человека.

Филипп прошел по этому следу с десятков шагов, все время стараясь попасть в отметины прошедшего незнакомца, но это ему не удалось. Человек, который еще недавно здесь прошел, имел шаг по крайней мере на девять дюймов шире, чем

у Филиппа.

Филипп не мог скрыть от Селии своего волнения.

– Не родился еще тот эскимос, – воскликнул он, – который мог бы оставлять после себя такие широкие следы! Это шел белый или же Брэм!

Селия услышала произнесенное Филиппом имя, вострепелась, вскрикнула и тоже бросилась к лыжным следам и с напряженным вниманием стала к ним приглядываться. Потом она подняла голову и отрицательно ею закачала. Нет, это был не Брэм! Она указала на отпечаток одной из лыж, затем подняла со снега сухую веточку и, поднеся ее к глазам Филиппа, быстро сломала. Это должно было означать, что одна из лыж Брэма была сломана. Филипп понял. Никаких недостатков в отпечатках следов не оказалось.

Значит, это был не Брэм!

Некоторое время Филипп простоял в нерешительности. Он знал, что Селия следит за каждым его движением, что она старается определить значительность этого момента по его лицу, и та же неведомая сила, которая незадолго перед этим заставляла его стоять и поджидать врагов, теперь так и подталкивала его к тому, чтобы пойти именно по этому лыжному следу. Друг или враг этот человек, оставивший за собою этот след, но он во всяком случае будет вооружен. Мысль о том, что значили бы для него и Селии ружье и несколько патронов, вызвала в Филиппе быстрое восклицание решимости.

– Он ушел на восток, – сказал он, указывая на след. – А нам как раз надо было идти к избушке на север. Но все равно, мы пойдем за ним. Мне нужна его винтовка. Мне она нужна больше, чем что бы то ни было на свете, кроме разве одной только тебя. Пойдем же!..

Будь в нем перед этим хотя бы тень сомнения, она несомненно сразу исчезла бы в следующий затем момент. Позади них уже ясно и отчетливо послышался странный, дребезжащий крик, который уже и раньше доносился до Филиппа издалека, когда он стоял у опушки леса и поджидал:

– Ум!.. У-ум!.. У-у-ум!..

Селия вцепилась в руку Филиппу. Она поняла все не хуже его самого.

Враги следовали за ними по пятам.

Глава XVIII. В борьбе со временем и пространством

– Сейчас предстоит самая большая гонка, – обратился с веселой улыбкой к Селии Филипп. – Нам придется бежать наперегонки. И мы должны опередить. В противном случае...

Селия посмотрела на него, и глаза ее вспыхнули. Он так был спокоен! По его лицу нельзя было заметить ни малейшего волнения. С такою же улыбкой он вдруг поднял ее на руки и так неожиданно, что она даже слегка вздрогнула. А затем она почувствовала, что ее быстро понесли над снежным простором. Пробежав с нею двести шагов, он снова опустил ее на ноги. Едва успели ее ножки коснуться снега, как она уже во весь дух бежала рядом с ним, держась за его руку, как ребенок.

Однако, спроси она у него, что именно он думал выиграть, торопясь так по этому неизвестному следу, – он, пожалуй, затруднился бы ей ответить. Это было похоже на тот его единственный выстрел, который он сделал из пугача Селии в ответ на вооружившуюся против него судьбу.

Насколько незнакомец обогнал его, было вопросом, на который можно было ответить довольно точно. Свежий след был только слегка запорошен снегом, что служило явным

доказательством того, что его проложили здесь только под утро.

Добрых четыреста шагов Филипп пробежал для Селии, храбро шагавшей рядом с ним, самой мелкой рысцей. В конце этого расстояния ему пришлось остановиться, потому что она уже едва переводила дух. Глаза ее светились, как звезды, и лицо от усталости так и пылало. Она показалась Филиппу соблазнительно-красивой, ему хотелось ее поцеловать, но было некогда. Нужно было торопиться. Он снова взял ее на руки и побегал вперед. Он мог таким образом рассчитать, что если он будет именно так расходовать свои силы, то их продвижение будет по крайней мере на одну треть скорее, чем погоня за ними эскимосов. Весь вопрос только в том, надолго ли хватит его и Селии, чтобы держаться такого темпа.

Селия, видимо, начинала понимать этот его план так же ясно, как если бы он объяснил ей его на словах. В конце последних четырехсот шагов она уже дала ему понять, что готова побежать снова. Но он пронес ее на руках еще пятьдесят шагов, и таким образом они покрыли три четверти мили. Как вдруг след резко свернул с восточного направления прямо на север. Поворот был сделан под таким прямым углом, что Филипп даже остановился, чтобы исследовать причину такой внезапной перемены. Очевидно, незнакомец простоял на этом месте несколько минут. Филипп в первый раз заметил на снегу несколько темно-коричневых пятен.

– Очевидно, он жует табак... – сказал он скорее самому

себе, чем Селии. – Я не думаю, чтобы он сию минуту был впереди нас более чем на» полчаса.

Наступила опять очередь нести Селию на руках и, несмотря на ее протесты, что она может еще бежать сама, он подхватил ее на руки. По ее быстрому дыханию он заметил, что на ней уже сильно стало сказываться утомление. Для ее маленьких ног и крошечного тела большие мокасины и меховая одежда были уже сами по себе тяжестью даже на обыкновенном неторопливом ходу. Пробежав с нею еще шестьсот шагов, он почувствовал, что и ему тоже уже не хватает воздуха и остановился. Она спрыгнула с его рук, они побежали далее уже рядом, но скоро опять остановились. Она еле держалась на ногах и тяжело дышала. На следующем перегоне он мог пронести ее всего только полтора шага. Оба поняли, что это означало. Бешеный темп бега начинал сказываться на них обоих. Это стало заметно и у нее по лицу. Оно было теперь бледно, и взор ее погас. То же она заметила и у него на лице и, чтобы подбодрить его, коснулась руками его щек и улыбнулась. Этот момент показался ему значительным: в ней одновременно обнаружили ее мужество, удивительная гордость за него, и тот прием, каким она выразила, что вовсе не боится, положив свои ручки ему прямо на лицо.

Через две-три минуты после этого он взглянул на часы. Оказалось, что с тех пор, как оба они напали на этот неожиданный след, прошло уже сорок минут. За это время они должны были покрыть уже по меньшей мере мили три. Для

начала это было неплохо. Эскимосы, если только они гнались за ними, должны были несомненно находиться от них не более как на половине этого расстояния, а незнакомец, за которым они гнались, на столько же впереди них.

Поплелись шагом. Делать нечего. В третий раз напали на то место, где путник, видимо, останавливался, чтобы сориентироваться. Филиппу сдавалось, что этот лыжник не был вполне уверен в себе. Тем не менее он настойчиво держал путь на север.

Еще полчаса Филипп и Селия шли в том же направлении. Филипп теперь весь обратился в олицетворенную бдительность. Глаза и уши у него были начеку, чтобы уловить малейший звук или шорох впереди или позади, и он все чаще и чаще вглядывался вперед и оборачивался назад.

Так они прошли по меньшей мере пять миль, как вдруг приблизились к подошве холмистой гряды, и сердце Филиппа радостно забило от надежды. Он вспомнил это место. Своими причудливыми очертаниями гряда эта напоминала спину свиньи. В каком-то месте они пересекали с Брэмом именно ее, когда ехали вместе к нему, и нужно было отыскать это место и спешить, спешить, спешить... Но Селия не могла уже больше идти. Как она ни бодрилась, но уже не могла скрыть этого от Филиппа; она еле волочила ноги. На лице у нее появилось изумленное выражение и один раз, когда она попыталась было что-то сказать Филиппу, из ее уст вместо слов вырвался стон. По ту сторону гряды он взял ее на руки

и снова, через силу, понес.

– Теперь, должно быть, уже близко!.. – старался он ее ободрить. – Теперь уже скоро! Мы его сейчас догоним!

В течение последнего получаса пути в ее глазах появилось совершенно новое выражение. Оно светилось в них теперь особенно заметно, – это был взор, полный невыразимой надежды, нежности и еще чего-то. Но это нечто вовсе не было страхом. Нет, тут был ласковый отсвет великой любви и понимания. Она сознавала, что он подходил к своей цели и что теперь должно было неизбежно произойти что-то очень для них важное. И если Филиппу понадобится новая доза мужества, если он вдруг начнет ослабевать, то именно она, и только одна она может придать ему силы.

Они отправились дальше и вдруг неожиданно натолкнулись на хижину. Увидели ее всего только за сто шагов. Но теперь уже избушка не казалась покинутой. Из ее трубы поднималась струйка дыма и, вертясь спиралью, расплывалась в воздухе. Других признаков жизни, правда, не было.

Добрых полминуты Филипп пристально смотрел на нее издали. Здесь были его последние надежда и прибежище. Жизнь или смерть – все то, что судьба приберегла для него и для этой девушки, находилось в этой хижине. Он осторожно отвел Селию в сторону и поставил ее так, чтобы она оставалась незамеченной, а сам сбросил с себя полушубок и лыжи и передал ей свои бумаги и часы. Это было приготовлением мужчины к неожиданностям. Это можно было прочесть по

его лицу, разглядеть по напряжению его мускулов, и когда наконец он снова обернулся к своей спутнице, то на ней не было лица. Она была бледнее снега.

– Как раз вовремя успели!.. – скорее вздохнул он, чем проговорил. – Я отправлюсь туда, а ты... ты побудь здесь пока. Одна. Я скоро вернусь.

Она поняла. Но руки ее все еще продолжали судорожно его удерживать. Ей хотелось удержать его или пойти вместе с ним. И однако она повиновалась. Осталась на месте с разрывавшимся на части сердцем и только последовала за ним глазами. Ей хотелось закричать ему, позвать его по имени, но она только глубоко вздохнула и шепотом произнесла его имя.

Ибо она знала, что в этой хижине должно было что-то произойти.

Глава XIX. Селия поступает, как настоящая жена

Филипп направился к избушке, обошел вокруг нее и только тогда уже подошел к ее двери. В нем было сильнейшее желание как можно скорее покончить с решением загадки. К тому же он испытывал волнение и оттого, что тот, кто оставил за собою этот странный след, мог, несмотря ни на что, все-таки оказаться другом. Но как узнать, так ли это? Во всяком случае он решил не рисковать. Секунда обманутого доверия – и все может закончиться неудачно. Выслушивать объяснения и громкие разговоры можно только с винтовкой в руках.

– А пока еще у меня нет ничего, кроме этого пугача... – начал он, да так и не кончил.

Окончание этой фразы разрешилось самым неожиданным образом. У самой двери избушки он увидел прислоненными к куче бревен длинные лыжи и пачку эскимосских стрел. Его охватило безграничное разочарование. Значит, тот след, по которому они шли, проложил какой-то великан эскимос, а не белый, и их невероятная гонка привела их прямо в штаб-квартиру врагов. Иначе он не мог объяснить себе наличия здесь стрел. Все взлелеянные им надежды, таким образом, должны были рухнуть. Но вдруг, в какое-нибудь одно мгно-

вание, он затаил дыхание и затем стал внюхиваться в воздух, как собака, почуявшая что-то в долетевшем до нее ветерке. Дверь в избушке была полуотворена, и сквозь нее до него вдруг донесся смешанный запах кофе и табака. У эскимоса мог быть табак или даже чай. Но кофе – никогда.

Несколько секунд он простоял, пригнувшись к этому запаху и закрыв глаза, чтобы немного отвыкнуть от внешнего света и не оказаться слепым в темноте. Потом смело перешагнул через порог.

Избушка оказалась очень небольших размеров, – в ней, как говорится, даже негде было повернуться. В дальнем углу стояла печь, из которой и выходил через трубу замеченный Филиппом дым. Слепленный ярко освещенным снегом, Филипп в первую минуту все-таки не разглядел ничего, кроме общих туманных очертаний. Только через две или три секунды он разобрал, что над печкой стоял нагнувшись какой-то человек. Заслышав шаги Филиппа, обитатель хижины медленно выпрямился и снял с плиты кофейник. Одного только взгляда на его широкую спину было достаточно, чтобы определить, что это был не эскимос. Еще секунда, и незнакомец, увидев Филиппа, остановился, окаменев от удивления на месте.

Филипп тотчас же навел на него пугач Селии.

– Руки вверх!.. – крикнул он незнакомцу.

Если бы здесь был в эту минуту фотограф и снял эту сцену, то на ней были бы увековечены напряженное изумление,

с одной стороны, и выжидательная настороженность, с другой. На таком расстоянии оружие Филиппа все-таки могло оказать свое действие, и он ожидал, что таинственный незнакомец обязательно поднимет руки вверх в тот самый момент, как только оправится от первоначального изумления, очевидно, вызванного его командой. Но случилось то, чего он менее всего ожидал. Незнакомец прыснул в него из кофейника кипящим кофе. Филипп вовремя увернулся от него, отскочил назад и выпалил из револьвера.

И прежде, чем он успел откинуть назад собачку, чтобы выстрелить во второй раз, незнакомец уже налетел на него, как тигр. Он зарычал по-звериному, вцепился в Филиппа обеими руками, и оба они забарахтались и повалились на пол. Филипп был хорошим боксером, откинулся назад и, стоя на коленях, изо всех сил ударил его кулаком по лицу. После этого он вскочил на ноги и, чтобы не дать своему противнику прийти в себя и тоже подняться с полу, со всего размаха нанес ему вторичный удар с такою силой, что чуть вовсе не отбил ему нижнюю челюсть. Затем они сцепились снова, опять упали оба на пол и забарахтались так, точно старались утопить один другого в болоте.

Но ни тот, ни другой не заметили девушки, которая в это время стояла уже у двери с широко открытыми глазами и с искаженным от ужаса лицом. Точно стараясь как можно глубже втиснуть один другого в тину, они подкатились к самым ее ногам. Она увидела, как обе руки великана уже вце-

пились Филиппу в горло и как эти руки были почти сплошь покрыты волосами и испачканы его же собственной кровью. Она громко вскрикнула, в глазах у нее потемнело, но потом она оправилась, метнулась через избушку к печке, схватила лежавшее около нее полено и вернулась назад. Она размахнулась и изо всех сил ударила им незнакомца по голове. Обхватывавшие горло Филиппа руки разжались. Он поднялся, покачиваясь, на ноги, огляделся кругом помутневшими глазами и, узнав Селию, протянул к ней руки. Она так и бросилась в его объятия. Он слышал, как она рыдала, и чувствовал, как дрожала у него на груди. А затем окончательно пришел в себя и тут только заметил, что его противник лежал замертво на полу.

Ворвавшийся через открытую дверь чистый воздух осветил голову Филиппа, и он оторвался от Селии. Глаза его уже несколько привыкли к сумраку, и вдруг он неожиданно вскрикнул от восторга. У печки стояла винтовка, а повыше висели патронташ и кобура. В кобуре оказался револьвер. Это был большой кольт, заряженный до самого дула. Он показал его Селии и быстрым движением направил ее к двери.

– Стой тут! – приказал он ей. – Будь на страже. Только еще две минуты, и больше мне не понадобится ничего!

Он сосчитал патроны и надел на себя патронташ. Их оказалось ровно сорок. Это и было то, чего он так желал. Если бы в этой хижине могли теперь находиться мешки с чистым золотым песком или со слитками золота, то он даже и

не обернулся бы, чтобы на них посмотреть.

Схватив винтовку в руки, он выбежал мимо Селии прямо на двор.

– Сюда, черти вы такие, сюда! – закричал он в воздух. – Теперь вы можете нападать на нас сколько угодно!

И не будучи в силах подавить в себе охватившего его восторга и сознания своей силы, он громко вскрикнул.

Селия смотрела на него, стоя по-прежнему на часах у двери. Несколько минут перед этим лицо ее было мертвенно-бледным, но теперь краска возвратилась к ее щекам и губам, а глаза сияли так, как могли сиять только у существа, постигшего нечто большее, чем триумф победы. Она тоже вскрикнула от радости, но не так громко, как Филипп, и он услышал бы этот крик, если бы до него в эту минуту не донесся и другой звук, от которого оба вздрогнули и снова погрузились в выжидательное молчание.

Крик послышался уже вблизи. И то был несомненный ответ на вызов Филиппа.

Не далее чем в ста пятидесяти шагах от избушки двинулась собачья упряжка. Собак было восемь, и Филипп сразу определил прибрежную, чисто эскимосскую породу собак. Они тащили за собой тяжело нагруженные сани, а позади них плелся и погонщик – закутанная в меха фигура в капюшоне – и покрикивал на них:

– Ум! У-ум! У-у-ум!

Филипп посмотрел на Селию, Селия на него – и оба весело

расхохотались.

Так вот кто были их преследователи, от которых они так поспешно убегали!

Глава XX. Блэк заговорил

В это время другой звук обратил на себя внимание Селии, и она бросилась назад к двери. Заглянув в избушку, она увидела, что человек, которого она оглушила поленом, вдруг пришел в себя и задвигался. Тогда она крикнула Филиппу, и тот прибежал к ней на помощь. Поставив ее опять на часах у отворенной двери, он принялся за пленника, пока еще тот окончательно не очнулся. Первым делом он скрутил ему назад руки валявшимся здесь ремнем от лыж. Затем он уже было собрался подниматься с коленей на ноги, как в это время из-за облаков вышло солнце и световая полоса через отворенную дверь упала прямо на лицо и обнаженную грудь незнакомца, на которой Филипп увидал незамысловатую татуировку. Сперва он разобрал на ней грубое изображение акулы с огромной пастью, обвившейся вокруг корабельного якоря, а затем какие-то буквы. Он разобрал их одну за другой: Б-Л-Э-К.

Перед этой фамилией стояла буква Г.

– Блэк!.. – в волнении и полный изумления проговорил Филипп. – Блэк!.. Георг Блэк!.. Да может ли это быть?.. Ведь это тот самый беглый матрос, который организовал из эскимосов шайку для грабежей и против которого был выслан со своим патрулем Олаф Андерсон!..

И не веря своим глазам, он хотел было закричать Селии,

чтобы она поскорее прибежала к нему и выслушала от него, на какую они наткнулись находку, как в эту самую минуту Блэк пришел в себя и забормотал какие-то невнятные слова. Затем он застонал. Филипп увидел, как широко открылись налитые кровью глаза матроса и пристально на него уставились. Окровавленные губы скорчились в угрюмой усмешке, и он сделал усилие, чтобы сбросить с себя стягивавшие его ремни. Филипп испугался, как бы это ему не удалось, и во весь голос стал кликать к себе девушку.

– Селия!.. Селия!.. – кричал он. – Иди сюда скорей!

– Гм... Селия... – проговорил в свою очередь и пленник. – Недурненькое имя!

Селия вбежала в избушку и пристально посмотрела на Блэка.

И вдруг губы ее раздвинулись, глаза широко раскрылись от изумления, и она выпустила из рук винтовку и прижала их к груди. В первый раз за все это время она увидела лицо Блэка при полном освещении. Глаза матроса тоже уставились на нее и в течение трех-четырех секунд связанный пленник на полу и смотревшая на него девушка представляли собой картину, которая приковала Филиппа к месту.

Селия и матрос узнали друг друга. Со стороны девушки были крайнее изумление и ужас, от которого можно было окаменеть, а с его – радостное восклицание и вспыхнувший страстью взгляд.

– Селия! – воскликнул он. – Селия Армин!.. Вот не ожи-

дал! А мы вчера заходили к вам в гости, к Брэму! Как вы сюда попали?

Она не выдержала и упала на грудь к Филиппу. Почти на руках он вынес ее на воздух. Позади них послышался громкий, грубый смех Георга Блэка. Но Селия тотчас же овладела собой и снова потащила Филиппа в избушку.

В это время со двора донеслись голос эскимоса и лай собак. Блэк тоже услышал их. Набрав в себя воздуха, он повернул голову к двери, и ремни, как проволока, врезались ему в мускулы. С быстротой молнии Филипп подскочил к нему и приставил ему к виску револьвер.

– Только один звук, – предупредил он, – и вы расстанетесь с жизнью, Блэк. Эта запряжка нужна именно нам, и если вы даже шепнете что-нибудь в течение следующих десяти минут, то я размозжу вам голову и расшвыряю ваши мозги по всему полу!

Одним прыжком он оказался у двери, еще прыжок – и он был уже на улице. Изумленный эскимос увидел, как он направил револьвер прямо на него. Для того, чтобы заставить его понять, что от него требуется, Филиппу не нужно было тратить много слов. А в это время Селия тоже подхватила винтовку и стояла настороже над Блэком и страшно опасалась, как бы он не разорвал на себе ремней. От волнения она задыхалась.

Все кончилось в какие-нибудь две минуты. Филипп скрутил эскимосу руки назад и возвратился в избушку. У Селии

вырвался из груди вздох облегчения, и она опустила винтовку, приставила ее к стене и бросилась к Блэку. Она была взволнована до крайней степени. Она стала указывать Филиппу на окровавленное лицо бандита и старалась объяснить Филиппу, почему именно ее так напугало свидание с Блэком и почему она его так боялась. Но он ее не понял. Он напрягал все усилия, чтобы понять то, что она ему так пламенно говорила, что хотела в него вдолбить, растолковать ему, но он смотрел на нее большими, недоумевавшими глазами и чувствовал, что имел глупый вид, и стыдился его.

– Что, не понимаешь, братец? – вдруг послышался смех Блэка. – Ну и я все время был в таком же положении. Но я знаю, что она старается тебе рассказать. Это чертовски забавно! Хочешь узнать? Впрочем, черт с тобой! Догадывайся сам. Я вижу, что ты полицейский, а все полицейские на догадки хитры. Ну а мою личность, надеюсь, ты уже обнаружил. Я действительно Блэк и знаю твоего приятеля Олафа Андерсона и ее отца Армина. Если ты развяжешь мне ноги, чтобы я мог стоять или сидеть, то я кое-что тебе расскажу. Ведь если у меня останутся связанными руки, то особенно я тебе повредить не могу. А разговаривать лежа для меня совершенно невозможно.

Филипп сунул Селии в руки винтовку и снова поставил ее на караул у двери.

– Стой здесь и слушай, – сказал он. – Предупреди, когда будут подходить другие!

И он перерезал ремни, стягивавшие ноги Блэка, и пленник поднялся с пола. Филипп приставил ему револьвер к груди.

– А теперь говори! – скомандовал он. – На это я даю тебе тридцать секунд. Сейчас ты делал какие-то намеки насчет этой девушки. Говори, что тебе нужно от нее? Где Олаф Андерсон и ее отец Армин?

Никогда еще Филипп не видел перед собой более хладнокровного человека, губы которого искривились бы в такую издевательскую усмешку.

– Не из такого я теста, чтобы испугаться, – ответил Блэк не спеша. – Знаем мы эти ваши шуточки! Сами ученые. Никакими выстрелами ты не заставишь меня говорить. Захочу – скажу, не захочу – и так останешься. И прежде чем сделать то или другое, я хочу дать тебе братский совет. Возьми-ка ты эту запряжку и отправляйся-ка подобру-поздорову через Баррен обратно к себе в полицейское управление. Но только один! Понял? Один!.. А эту девушку уж оставь, пожалуйста, здесь. Не с твоим носом ее любить. Вот все, что я тебе предлагаю, а не то...

Он не договорил, ухмыльнулся и пожал своими широкими плечами.

Так вот кто стоял теперь перед Филиппом и предлагал ему свои условия! Целых два года ловили этого преступника, этого самого Блэка, который бежал когда-то на далекий Север и стал там предводителем шайки разбойников-эски-

мосов и неистовствовал у залива Коронации и вдоль нижнего течения Медной реки! И как теперь этот самый Блэк глупо попался и как глупо и заносчиво предлагал свои условия!

– Это единственное твое спасение, – настаивал Блэк. – И предупреждаю тебя, терять времени нечего, так как сейчас сюда должны явиться мои ребята!

Филипп давно уже и сам оценил положение и теперь только соображал, сколько у него еще оставалось драгоценных минут, чтобы закончить игру. Если сообщники Блэка успели уже напасть на следы его и Селии, то не должны были находиться далеко от хижины.

– Возможно, что ты и прав, Блэк, – ответил Филипп. – Но я думаю, что, испытав все тяготы жизни с Брэмом Джонсоном в этом диком краю, вдали от цивилизации, едва ли Селия Армин согласится остаться с тобой. Она хотела бы возвратиться к своему отцу. Скажи, где он, жив ли он сейчас?

Блэк и не думал скрывать от него правду.

– Он в низовьях Медной реки, – ответил он тотчас же. – Приблизительно в ста милях отсюда. Жив и здоров.

– Но почему же ты не убил его? Кто эта девушка? Как она попала к Брэму Джонсону и что ты намерен делать с нею сейчас?

Глаза Блэка засверкали огнем. Он так близко наклонился над Филиппом, что тот мог чувствовать на себе его дыхание.

– Чего я хочу от нее сейчас? – медленно спросил он. – Послушай, если бы ты пробыл целых пять месяцев, не ви-

дя белой женщины, а затем в одно прекрасное утро вдруг проснулся и встретил этого ангела в такой трущобе, то чего бы ты сам захотел от нее? И если бы не этот черт с его волками, которому только понадобились одни ее волосы для его дурацких силков...

– Значит, Брэм похитил ее как раз тогда, когда ты намеревался прибрать ее к рукам?

Блэк молча кивнул головой.

– В таком случае, – воскликнул Филипп, – я благословляю судьбу за то, что у Брэма Джонсона, несмотря на его свихнувшийся ум, все-таки есть кое-какая порядочность. А теперь я должен сдержать свое слово. Я не намерен больше терять зря ни одной минуты. Выходи!

– Это что же? Ты... ты хочешь...

– Нет, не то. Мы не поедem через Баррен. Мы отправимся отсюда прямо на Медную реку за отцом Селии, Армином, и ты будешь нас сопровождать. И выслушай меня, Блэк, выслушай как можно внимательнее! Возможно, что за нами погонятся твои сообщники. Если это случится, то я хотел бы, чтобы ты приготовился к тому, что первый мой выстрел будет в тебя. Кажется, я ясно выражаюсь? Поэтому разьясни сейчас вот этому самому пучеглазому язычнику с завязанными руками, чтобы он предупреждал об этом здесь каждого эскимоса, который явится после нас, да предупреждал бы как следует. А теперь живее! Поворачивайся! Я ведь не шу-чу!

Глава XXI. К медной реке

По глазам Филиппа Блэк понял, что имеет перед собою своего ровню. И даже более. Целую минуту он что-то объяснял эскимосу, и Филипп догадывался, что он давал ему определенные наставления, как ему поступать в случае, если появятся эскимосы, которых он ожидал.

Затем Филипп заторопил Блэка к саням и запряжке. Сани оказались нагруженными оленьим мясом, которого было на них около двадцати пяти пудов, и, выбросив более трех его четвертей, Филипп усадил на них поудобнее Селию и обратил все свое внимание на Блэка. Он вновь перевязал пленника так, что тот мог свободно действовать одной только левой рукой, и то только до локтя, затем взял от эскимоса плеть и передал ее Блэку.

– А теперь погоняй! – приказал он. – Прямо к Медной реке и самым кратчайшим путем. Это столько же для моего блага, сколько и для твоего. Если я хоть что-нибудь замечу не то, то уложу тебя на месте.

– Какой же ты болван! – огрызнулся Блэк. – Ах какой неотесанный болван!

– А ты не разговаривай и погоняй!

Блэк сердито крикнул на собак по-эскимосски и взмахнул кнутом. Лежавшие на животах собаки вскочили на ноги и при следующей команде уже помчались в путь. Оставшийся

позади них эскимос смотрел им вслед удивленными глазами. Селия сидела, крепко держа в руках винтовку. Ведь сам Филипп дал ей это оружие, и она понимала всю серьезность положения и ни на минуту не спускала глаз со спины бежавшего перед ней Блэка. Рядом с ней бежал Филипп, и она то и дело краснела, видя какое обожание светилось у него на лице.

– Блэк прав, – тихо сказал он ей голосом, в котором слышалось благоговение. – Я действительно дурак. Я дурак потому, что рискую тобой, дорогая моя. Отправившись отсюда сразу домой, к себе в Черчилл, я мог бы сделать тебя своей навсегда. Ты даже и представить себе не можешь, какую кашу мы сейчас завариваем, что отправляемся к твоему отцу. Или, быть может, представляешь?

Она улыбнулась.

– И, может быть, мы едем туда только для того, чтобы убедиться, что его уже нет в живых, – продолжал он. – Но жив он или мертв, теперь все дело зависит от Блэка, и ты должна помочь мне за ним следить.

Он изобразил ей жестами, какие она должна была принять меры предосторожности, и указал ей на Блэка и на винтовку.

Они ехали на северо-запад. Было очевидно, что Блэк не схитрил и взял правильное направление, и Филиппу стало казаться, что они долго не задержатся в пути и скоро доберутся до Медной реки. Вот только бы им поскорее до нее

доехать! Раз они окажутся на ледяной поверхности этой реки, впадающей в Ледовитый океан, то им уже нечего будет бояться засады. Блэк, очевидно, тоже хорошо понимал это. Если бы у него уже созрел в голове готовый план бегства, то он должен был бы осуществить его именно до реки.

В тех местах, где лес разрежался и сквозь него начинали виднеться пустыни Баррена, Филипп бежал рядом с Селией, но когда он сгущался и можно было подозревать, что впереди могла угрожать засада, он подбегал к Блэку и направлял на него револьвер. В такие минуты Селия зорко смотрела назад. С высоты своих саней она обыскивала глазами каждый кустик, каждую поросль справа и слева, и когда Филипп бежал рядом с ней или отставал, то она осматривала расстояние впереди Блэка по крайней мере на ружейный выстрел. Почти три четверти часа они ехали так по единственному оставленному кем-то следу, когда вдруг Блэк что-то скомандовал, отчего собаки сразу остановились. Они находились в это время на самой вершине гребня, с которого виднелся на противоположной стороне снежной пустыни, на расстоянии около трети мили от них, темный еловый лесок. Блэк указал им прямо на этот лесок. Из него густым столбом поднимался сверху смолистый дым.

– Теперь дело ваше, – холодно обратился он к Филиппу. – Мы должны будем проезжать как раз через тот лес, а ведь ты сам видишь, что там горит сейчас костер. Вероятно, там теперь человек двадцать делят между собою убитого кари-

бу. Когда мы будем проезжать мимо них, то они непременно увидят нас, или же их собаки почуют нас, – и тогда уж не ждите от них пощады. Я не желаю, чтобы вы разmozжили мне голову, и потому прямо вас предупреждаю.

Филиппу не понравился тот огонек, который сверкнул вдруг в самой глубине его глаз. Блэк был не из пугливого десятка, и потому Филиппу показалось странным, что он так искренне предостерегал, и притом своего же врага.

Он подошел к Филиппу на шаг поближе и сказал еще более тихим голосом:

– Убьешь ты меня или нет – они все равно доберутся до тебя. Тебе все равно несдобровать. А между тем у тебя еще осталась одна возможность, о которой я тебе уже говорил. Воспользуйся же ею, если тебе еще не надоела жизнь. Отдай мне эту девушку, а сам отправляйся на этих собаках на все четыре стороны и скройся в Баррене так, чтобы и твой след простыл.

– И все-таки мы отправимся дальше, – ответил Филипп, стойко выдерживая его взгляд. – Ты можешь отлично пробраться мимо них самым незаметным образом, на то ты и Блэк. А тебе именно это и придется сделать, потому что, если ты откажешься от этого, то я тебя убью. Уж если на то пошло, то давай разыграем нашу игру до конца. Ведь самую большую ставку ставишь ты, а не я. Поэтому слушайся и поезжай.

Таинственный огонек в глазах у Блэка вдруг неожиданно

погас. В твердом, решительном голосе Филиппа звучала уверенность, и Блэк понял, что он решил разыграть свою игру до конца. Крякнув и пожав плечами, Блэк снова погнал собак, и они побежали на запад.

В течение следующего получаса Филипп все время был настороже. Всякий раз, как они встречались глазами, он замечал на лице у Блэка выражение холодного презрения и даже, пожалуй, издевки, которое матрос не умел, да и не собирался вовсе скрывать. Это наполняло Филиппа какой-то странной, не вполне осознанной им тревогой. Он был совершенно уверен, что Блэк отлично понимал, что при малейшем проявлении им измены ему безусловно грозила смерть, – и все-таки никак не мог отделаться от какой-то жуткой подавленности, которая все больше и больше начинала им овладевать. Филипп тщательно скрывал это от Блэка и от Селии. Он пытался побороть это чувство и в самом себе, но это ему плохо удавалось. Ему казалось, что что-то носилось вокруг него и Селии в самом воздухе, который их окружал, и что это что-то было предчувствием опасности, которой он не мог еще определить.

И вдруг Блэк указал вперед через открытую равнину и воскликнул:

– А вот и Медная река!

Глава XXII. Исчезновение Блэка

Селия вскрикнула, и это заставило Филиппа оторваться от широкого белого ледяного пространства, которое и было руслом Медной реки. Он увидел, что, сильно жестикулируя руками, она с волнением указывала ему на огромный зазубренный утес, который, подобно странному могильнику, возвышался среди плоской, безбрежной равнины.

Блэк усмехнулся в бороду.

– Это она хочет рассказать, – обратился он к Филиппу, – что именно здесь ее вез к себе Брэм. Впрочем, и Брэм такой же дурак, как и ты!

Казалось, что он и не ждал на это ответа от Филиппа и только подогнал собак, чтобы они быстрее бежали под горку. Не прошло и четверти часа, как они уже неслись по самому льду реки.

Филипп глубоко и с облегчением вздохнул и, подойдя к Селии, заметил и у нее тоже такое же выражение успокоения. Во все стороны, пока видел глаз, леса не было вовсе. Сама Медная река казалась слившейся с окружавшей ее безбрежной пустыней Баррена. Здесь нельзя было ожидать нечаянного нападения даже ночью. И однако же в лице у Блэка было что-то такое, что поддерживало в Филиппе странное предчувствие близкой, притаившейся опасности. То и дело он старался стряхнуть с себя это предчувствие, и сам с собою

вступал в спор и старался доказать себе всю неразумность поддаваться настроению. Ведь Блэк был целиком в его власти. Он не мог бежать, и жизнь этого человека вполне зависела от того, удастся ему или не удастся доставить в безопасности Филиппа и Селию к месту назначения. Никоим образом нельзя было предполагать, что Блэк пожертвует своею жизнью только для того, чтобы они попали в руки эскимосов. И тем не менее... О, эти нервы!

И он все пристальнее и пристальнее присматривался к каждому движению Блэка по мере того, как они все глубже и глубже зарывались в безграничный северный хаос. Ему казалось, что и сам Блэк стал уже давать себе отчет в этой его все увеличивавшейся бдительности, потому что то и дело стал стегать собак и увеличил скорость движения до последней возможности. Филипп видел, что чем дальше они продвигались вперед по открытым местам, тем увереннее становился Блэк, но не задавал ему вопросов, так как знал, что он все равно ему не ответит. В этом отношении все преимущества были на стороне Блэка. Он мог по своему капризу им лгать или говорить правду и, вероятно, догадывался, что так думал о нем и Филипп. Они шли бок о бок, когда Блэк вдруг неожиданно засмеялся. В его голосе так и звучала ирония, когда он вдруг заговорил:

– А знаешь, братец, ведь ты мне очень нравишься! Право! И это несмотря на то, что ты меня скрутил и пригрозил убить. Должно быть, это оттого, что мне тебя стало очень

жаль. Ведь ты лезешь прямо черту в зубы, что называется в самое пекло, и сам того не сознаешь.

– А ты?

На этот раз смех Блэка зазвучал еще грубее.

– Я в счет не иду, – ответил он. – С тех пор как ты решил ни за что на свете не уступать мне эту девушку, я вроде как бы совсем вышел из игры. Чего уж тебе ждать от эскимосов, если ты так глубоко забираешься в их страну! Вот если бы ты отдал ее мне, – ну, тогда другое дело. Все бы мои эскимосы были на твоей стороне. А ведь как ты разрушил все мои мечты!..

– Мечты?! – удивился Филипп.

Блэк крикнул на собак.

– Да, только всего! – угрюмо ответил он. – Ведь у меня там, на берегу, есть своя собственная юрта, вся выстроенная из корабельного леса и китовых костей. Ты только подумай! Ведь я мог жить там с ней вдвоем. Я и она. Какие мои мечты ты развеял в прах! Ведь я ее полюбил с той самой минуты, как увидал!

– А ее отец? А другие?

На этот раз Блэк усмехнулся уже как-то злобно, точно Филипп напомнил ему о чем-то таком, что в одно и то же время и огорчало его и забавляло.

– Да что отец? – огрызнулся он. – Ходит себе на двух ногах! А остальных мы прикончили. Разве эскимосы позволили бы себе тронуть ее отца, если знают, что я собираюсь на

ней жениться? Вот почему он как жил в своей избушке, так и живет поныне. Но какую ты затеял колоссальную ерунду! Ты только подумай, умная голова: ведь если ты убьешь меня, а они убьют тебя, в чем я нисколько не сомневаюсь, то на кого тогда останется эта девушка? Там у нас есть один только метис и, вероятно, он возьмет ее себе. Разве эти язычники понимают что-нибудь в женщинах? Я уверен, что она достанется именно этому метису.

Он все погонял вперед, пощелкивал кнутом и покрикивал на собак. Филипп был убежден, что многое из того, что Блэк ему сейчас говорил, было горькой правдой. Иначе зачем ему было бы так разумно объяснять, почему именно остался в живых отец Селии, и сознаваться в том, что погибли его спутники? И все-таки это значительно усилило тревогу Филиппа. Он думал: если бы Блэк не был уверен в окончательном результате, то не стал бы так открыто сознаваться во всем. По крайней мере, Филиппу так казалось.

После этого краткого припадка разговорчивости Блэк уже в продолжение целых часов не проронил ни слова. Он даже не отвечал на вопросы Филиппа. Он так гнал собак, что Филиппу стало казаться, что он нарочно это делал, чтобы вконец замучить и животных и людей. Одним словом, к трем часам дня они уже отъехали на целых тридцать пять миль от той избушки, в которой был врасплох захвачен Блэк. Все это время они двигались по пустынной безлесной тундре, где нельзя было уловить ни малейшего признака жизни. К четы-

рем часам они снова стали подъезжать к лесным пространствам, и Филипп задумался над тем, не входило ли в планы Блэка достигнуть леса до наступления темноты. В некоторых местах сосновые и еловые поросли сгущались до того, что образовывали собою сплошные стены по бокам реки, и всякий раз, как они проезжали по таким местам, Филипп приказывал Блэку держаться середины реки – и только это его и успокаивало.

Еще за час перед тем, как начали сгущаться серые полярные сумерки, Филипп стал ощущать на себе последствия от их форсированного движения вперед. Стала уставать и Селия. Она была совершенно измучена, хотя и бодрилась. Еще с полудня собаки стали временами сдавать. Теперь они устали уже до полусмерти. Один только Блэк казался неутомимым. В шесть часов вечера они вступили в местность, представлявшую собою почти сплошную тундру. Они двигались уже девять часов и покрыли целых пятьдесят с лишним миль не отдыхая. И здесь в широкой излучине реки Филипп наконец распорядился сделать отдых.

Первой его мерой предосторожности было связать Блэка по рукам и по ногам и усадить его спиной к снежному сугробу в двенадцати шагах от саней. Матрос отнесся к этому с полным равнодушием, которое показалось Филиппу скорее вынужденным, чем философским. А затем, пока Селия ходила взад и вперед, чтобы поразмяться, Филипп развел костер как можно меньше, да и тот заставил санями, чтобы

его не было вовсе видно. Минут через десять мясо на ужин уже было готово. Затем он затушил костер, накормил собак и предложил мяса и Блэку.

– Засунь мне его сюда вот, под ремень, – обратился к нему Блэк. – Все равно у меня связаны руки, и мне придется его кусать из-под ремня.

Филипп подсунул ему под стягивавший ему руки ремень кусок мяса, устроил для себя и для Селии уютное местечко из медвежьих шкур и стал отдыхать. Ночь спустилась окончательно, так что теперь он только смутно различал в темноте фигуру Блэка, прислонившегося к сугробу снега. Револьвер находился наготове рядом с ним.

В этой темноте он близко прижал к себе Селию. Она лежала усталая, положив ему голову на грудь и обвив его шею руками. Но и тут он не отрывал глаз от Блэка и старался вслушаться в малейший звук, который мог бы до него долететь вблизи или издалека. Собаки тяжело дышали от усталости. Зажглись на небе первые звезды. Медленно раздвинулась завеса темноты, и из мрака встал в своем холодном, блиставшем великолепии белый полярный мир. Были видны оба берега реки. Если бы к ним приближался человек, то Филипп увидел бы его за двести шагов.

Немного погодя Филипп заметил, что голова Блэка склонилась на грудь и дыхание его стало реже и глубже. И он решил, что его пленник заснул. Прикорнувшая на его груди Селия тоже задремала. Только он один не спал – оставал-

ся на страже. Распростершиеся ничком на животах собаки точно умерли. В продолжение целого часа Блэк не шелухнулся ни одного раза и ничего подозрительного не донеслось до Филиппа и извне. А ночь становилась все светлее и светлее от прозрачного сияния мириадов ярких звезд. Филипп взял в руку револьвер и крепко зажал его рукоятку в кулаке. Звездный свет заиграл на его дуле, и в случае, если бы Блэк проснулся, он не мог бы этого не заметить.

А затем Филипп почувствовал, как стали смыкаться его глаза. Он стал бороться с одолевавшей его дремотой и напрягал все свои усилия, чтобы не заснуть. Глаза его слипались, и требовалось много энергии, чтобы не дать им закрыться совсем. Целых два часа он так боролся с собой и... наконец не выдержал и заснул. И все время его подсознание настойчиво кричало ему, чтобы он проснулся и больше уже не спал.

И пока он так боролся с этим таинственным, кричавшим внутри его голосом, Блэк вдруг поднял голову, огляделся по сторонам и тихонько подозвал к себе ближайшую собаку.

– Ешь!.. – шепнул он ей и указал ей глазами на мясо.

Собака стала вытаскивать из-под ремня мясо и вместе с мясом стала грызть и самый ремень.

Наконец глаза Филиппа открылись, и он, еще плохо видя спросонок, устоялся на то место, где должен был находиться Блэк. Первым его ощущением было большое облегчение, что он наконец проснулся. Звезды сияли еще ярче. Ночь была тиха. И там, в двенадцати шагах от Филиппа, по-прежнему

му возвышался снежный сугроб.

Но где же Блэк?

Сердце у Филиппа забилося.

Блэка не было вовсе. Он скрылся бесследно.

Глава XXIII. Олаф Андерсон

Бегство Блэка так поразило Филиппа, что, не подумав даже о Селии, он привскочил на колени. Тотчас же пробудилась и девушка. Он подхватил ее и крепко прижал к себе. Она увидела блестящее перед нею дуло револьвера и в следующий затем момент перевела глаза на опустевшее место, на котором до этого находился Блэк. Светила ущербившаяся луна. Филипп быстро огляделся вокруг, Блэк исчез бесследно. Затем он увидел ружье и глубоко, с облегчением, вздохнул. По какой-то непонятной причине Блэк не захватил его с собой, и об этой причине Филипп догадался не сразу. По всей вероятности, Блэк бежал именно в ту самую минуту, когда Филипп ворочался, употребляя невероятные усилия, чтобы проснуться. У него не оставалось времени ни на что другое, как возможно скорее убежать в более темное пространство, и уже некогда было думать об оружии, которое к тому же лежало рядом с Селией на снегу. Очевидно, Блэк предполагал, что Филипп находился только в полусонном состоянии, и заметил на его коленях большой, блестящий в лунном свете револьвер.

Оставив Селию закутанной в ее меха, Филипп встал на ноги и тихонько подкрался к снежному сугробу, около которого помещался его пленник, и стал приглядываться к его следам. В это время к нему подошла и Селия, держа винтов-

ку наготове. Она широко открыла глаза и вопросительно и с испугом смотрела ими то на Филиппа, то на красноречивые следы на снегу. Он был рад, что она не могла задавать ему вопросов, на которые ему пришлось бы отвечать. Затем он сунул револьвер к себе в кобуру и взял у нее винтовку. При тех крайних обстоятельствах, которых теперь нужно было опасаться, ружье могло оказаться более полезным, чем револьвер. А что чего-то надо было опасаться, он был твердо убежден. Его только удивляло, почему именно Блэк его не убил, вместо того чтобы бежать. Он откровенно признался в этом Селии, но и на этот раз остался доволен, что она его не поняла.

– Все дело было в револьвере, – сказал он. – Он подумал, что я только закрыл глаза, а не сплю. Но если бы револьвер как-нибудь сполз у меня с колена, то тогда – пиши пропало!

Он попытался улыбнуться, но это у него не вышло. У него не выходило из головы, что каждую секунду из этой серой, освещенной луною дымки или из вот этих самых теней, которые сгустились вдоль берега, можно было ожидать конца.

Если он сначала и надеялся скрыть от нее весь ужас положения, то теперь, усаживая ее на сани, отлично понимал, что это ему не удалось. Он увидел это по ее глазам. Она сама по себе догадалась обо всем и, когда он наклонился над ней, вдруг обняла его за шею, и он услышал у себя на груди ее рыдания, которые она и не пыталась скрыть. Затем они поцеловались, и он бросился от нее к собакам.

Псы уже проснулись и, услышав его команду, угрюмо стали потягиваться и занимать свои места в запряжке. Как только сани тронулись в путь, Филипп стал размахивать над их спинами плетью, и они постепенно разошлись. Прямо перед ними развertyвалась белая равнина Медной реки, и скоро собаки неслись по ней уже так быстро, точно бежали к себе домой. Филипп бежал рядом с ними, подсчитывая в кармане патроны и молил судьбу, чтобы рассвет наступил раньше, чем на него успеют напасть эскимосы. Пред ним стояла только одна задача – это не ударить лицом в грязь в последней борьбе за Селию, и он желал рассвета, чтобы выполнить все как можно лучше. В его распоряжении было тридцать патронов, и он будет расходовать их все время, пока не доберется наконец до жилища Армина, а там уж все остальное пусть решает сама судьба!

Но впереди оставались еще целые часы свинцово-серой ночи. Филипп подгонял собак, называя их теми именами, которыми их звал и Блэк, и время от времени пускал в дело длинный кнут, посвистывавший над их спинами. Лед на Медной реке был тверд и гладок. То и дело они попадали на целые пространства его, совершенно лишенные снега, и тогда Филипп садился на сани и сам и ехал рядом с Селией, все время оглядываясь назад в белесоватую тайну ночи. Было так тихо, что шум от бежавших по льду собак раздавался, как шелканье маленьких кастаньет. Слышно было также, как они тяжело дышали. Полозья из китовой кости на санях

потрескивали, точно протестовали против того, что на них ехали не по снегу, а по льду. Кроме этих звуков, никаких других Филипп больше не слышал, за исключением только своего же собственного дыхания и биения собственного же сердца. Миля за милей Медная река уходила назад и оставалась за ними. Исчезли последнее дерево и последние кусты, и на востоке, севере и западе не было видно конца этой беспредельной пустоте великой полярной равнины. Воспоминание об этой ночи казалось потом Филиппу кошмарным сном всю его жизнь. Он долго еще помнил, как, оглянувшись назад, вдруг увидел красный серп заходившей ущербившейся луны, как наступила затем непроглядная темнота и как он нетерпеливо стал подгонять собак, часто сам впрягаясь в их упряжь, чтобы им помочь, и наведываясь иногда к Селии, чтобы лишний раз ее обнять и уверить ее еще и еще раз, что все идет как нельзя лучше и обстоит благополучно.

Наконец после целой вечности наступил рассвет. То небольшое, что должно было исполнять роль дня, последовало затем так же быстро, как и полярная ночь после сумерек. Стали быстро рассеиваться тени, точно выше поднялись берега, и безбрежный простор тундры вырисовался перед глазами, точно выплыл вдруг из целого моря рассеявшегося тумана.

В течение последней четверти часа, в которой ночь боролась с наступавшим днем и наконец признала себя побежденной окончательно, Филипп особенно настойчиво огляды-

вался назад и напрягал зрение, чтобы увидеть, нет ли за ними погони. И только одна Селия смогла наконец оторвать его глаза от того пути, по которому, как он думал, должны были гнаться за ними враги. Все время она смотрела вперед, прямо на север, и только теперь увидела нечто, что заставило ее громко вскрикнуть. Филипп вздрогнул, точно над его ухом вдруг раздался ружейный выстрел.

Он обернулся в ту сторону, куда смотрела и она, и увидел поднимавшуюся около леска струйку дыма. В следующую затем минуту перед ним обрисовалась избушка. Он перевел глаза на Селию и по ее лицу прочел все остальное. Она вдруг зарыдала и стала говорить что-то такое, чего он не мог понять, но он уже догадывался, что их бешеная скачка окончилась победой и что это было жилище ее отца Армина. И что Армин был жив. Значит, Блэк их не обманул. До сих пор Филипп еще стойко выдерживал напряжение всей этой ночи, но тут уж нервы ему изменили, и он вдруг ощутил в себе неудержимое желание плакать и смеяться. Но он был мужчиной, и у него не вышло ни того, ни другого. Он только продолжал всматриваться в избушку, не мигая, пока наконец Селия не обернулась к нему и не оказалась у него на руках. В этот момент конечного торжества силы оставили ее, а затем случилось то, что сразу вернуло Филиппу всю его бодрость.

Что-то крича и размахивая руками, к нему кто-то бежал. Филипп не мог разобрать слов, но сразу же сообразил, что это был не эскимос, а белый. Он остановил собак и, взяв ре-

вольвер, отправился навстречу. Сердце у него билось, в висках стучало. Что-то подсказывало ему, что это был не отец Селии, а кто-то другой.

Он ускорил шаг и через минуту уже стоял лицом в лицу с неизвестным.

Незнакомец оказался настоящим великаном. Его длинные светлые волосы падали ему на плечи. Голова его была обнажена, он задыхался, и все лицо у него было в крови. Казалось, что его испуганные глаза, когда он глядел ими на Филиппа, готовы были выскочить из орбит. А Филипп, чуть не выронив от изумления револьвер, стоял, разинув рот и не веря своим глазам.

– Боже мой! – воскликнул он наконец. – Да никак это вы, Олаф Андерсон?

Глава XXIV. Осада

Вслед за первым неуверенным и растерянным взглядом шведа в его глазах вдруг появилось выражение радостного признания. Не произнеся ни слова, он, как утопающий, ухватился вдруг за руку Филиппа и продолжал пристально на него смотреть, точно не был вполне уверен в том, что видел перед собой действительно Филиппа, или точно все еще не доверял своим глазам. А затем он широко улыбнулся. Только один человек во всем мире и мог так улыбаться, как Олаф Андерсон. И несмотря на кровь и на опухшие черты лица, он точно вдруг преобразился. Все любили этого белобрысого шведа за эту его улыбку. Его сослуживцы клялись, что Олаф так и умрет с этой своей улыбкой, потому что чем хуже было положение, тем шире расплывалось его лицо от этой улыбки. Но на этот раз оно расплылось еще вдвое шире, потому что положение стало лучше.

– Филипп Брант!.. – воскликнул он наконец. – Какими судьбами?..

– Но почему вы в крови? – удивился Филипп.

– Убежал! – ответил он, задыхаясь и вновь хватая за руку Филиппа. – И попал как раз вовремя, в самую точку! Все погибли, кроме меня одного, – и Калькинс, и Гаррис, и этот маленький голландец... ну, как его?.. Офлин. Все они валяются теперь окоченелые в снежных сугробах. Но я знал, что

за мною вышлют новый патруль! Ожидал его со дня на день. И вот наконец вы пришли... Сколько с вами людей?

Он посмотрел по направлению к избушке и к саням. Улыбка медленно стала сходить с его лица, и Филипп вдруг услышал, как он от разочарования вздохнул. Одного быстрого взгляда было достаточно, чтобы Олаф все понял. Он выпустил руку Филиппа из своей, сделал шаг назад и вдруг смерил его взглядом с головы до ног.

– Один! – воскликнул он. – Неужели?

– Да, один, – подтвердил Филипп. – Если не считать Селлии Армин. Я привез её к ее отцу. За нею гонится сейчас со своею шайкой Блэк, и я уверен, что через полчаса он уже будет здесь.

Улыбка опять появилась на лице у Олафа.

– С нами крестная сила! – воскликнул он. – Так что они, можно сказать, прибудут сюда со следующим поездом? А с другой стороны опушки – погоня за мной! Ну не комедия ли в том, что вас принесло сюда только в единственном числе?

И вдруг глаза его упали на револьвер.

– А заряды? – быстро спросил он. – А продовольствие?

– Есть и то и другое, – ответил Филипп. – Тридцать патронов для ружья, дюжина для револьверов и пудов восемь свежего мяса...

– Ну в таком случае засядем в эту избушку! Надо только втащить в нее и собак!

И они отправились вместе к саням, на которых все еще

терпеливо сидела Селия.

– Здравствуйте, Селия Армин!.. – весело крикнул ей Олаф.

Она вздрогнула, подняла на шведа свои лучистые глаза и вдруг его узнала.

– Олаф Андерсон!.. – воскликнула она и протянула к нему обе Руки.

И затем быстро-быстро она стала ему что-то рассказывать на непонятном для Филиппа языке. Олаф отвечал ей и широко улыбался.

Как вдруг с опушки леска раздался выстрел, и они слышали, как над их головами пролетела пуля.

– Пора!.. Пора!.. – заторопил Андерсон.

И через каких-нибудь десять секунд они уже ехали к избушке.

Со стороны хижины за это время не было видно никаких признаков жизни, если только не считать, что самый дым означал жизнь. Не успели сани остановиться, как Селия уже мчалась к двери. Дверь оказалась запертой, и она в крайнем волнении стала колотить в нее своими маленькими кулачками и выкрикивать какое-то странное слово. Стоя прямо позади нее, Филипп услышал, как за бревенчатыми стенами кто-то завозился, затем что-то спросил низким басом, на что Селия ответила нетерпеливым восклицанием, и, наконец, отодвинул засов. Дверь отворилась внутрь и Филипп увидел расprostертые объятия, в которые метнулась Селия,

и седые волосы и бороду. Он не успел увидеть более этого, так как в это время подозрительно оглянулся назад, боясь, как бы не настигла их врасплох погоня Блэка.

Затем оба они с Олафом стали втаскивать в избушку собак. Протащить их через дверь, да еще вдобавок вместе с санями, оказалось делом далеко не легким. Когда Олаф захлопнул наконец дверь и задвинул засов, он тут же подошел к Армину и протянул ему руку.

– Ну, здравствуйте, старина, – обратился он к нему податски. – Что нового?

Они стали пожимать друг другу руки и пока обменивались первыми фразами, без которых не обходится ни одна встреча на всем земном шаре, Филипп повернулся к Селии. Она подошла к нему со сверкавшими в полумраке хижины глазами и вдруг обняла его за плечи. Швед так и застыл на месте, точно вкопанный, а белобородый Армин посмотрел на Селию так, точно не верил своим глазам. Поднявшись на цыпочки, Селия поцеловала Филиппа и затем, повернув голову к старику, но все еще продолжая обнимать Филиппа, она что-то ему сказала, от чего Олаф так и прыснул себе в кулак от изумления, смешанного с восторгом. Затем она отошла от Филиппа и обняла отца.

– Что она ему сказала, Олаф? – обратился к шведу Филипп.

– Что она собирается выйти за вас замуж, если только мы когда-нибудь выберемся из этого кромешного ада, – ответил

Олаф. – Ну и подвезло же вам, Филипп! Только представить себе, что Селия Армин и вдруг выходит за такого уroda, как вы! Но этому все-таки не бывать. Не угодно ли вам, милейший, посмотреть вот сюда?

Филипп приник глазами к щели между бревнами и увидел перед собою всю тундру и черневшую вдалеке полосу леса. От этой полосы уже открыто бежали к избушке люди и уже не старались больше скрывать своих намерений.

Селия и ее отец насторожились.

– Ну, что ж, – постарался их успокоить Филипп. – Мы им покажем! У нас есть винтовка, револьвер и целых сорок патронов!

Но последние слова чуть не застряли у него в горле. С реки и вдоль тундры, простершейся между нею и видневшимся на горизонте лесом, двигались сани, за ними показались другие, потом третьи и четвертые. Рядом с санями бежало рысцой несколько закутанных в меха человек.

– Это Блэк! – воскликнул Филипп.

Андерсон отошел от стены. В глазах у него загорелся своеобразный огонек, а в лице было твердое, как железо, выражение. А в это железо была впаяна незаметно та страшная улыбка, с которой он всегда выходил на бой или встречался лицом к лицу со своим настоящим противником. Он медленно повернулся вокруг самого себя и указал своим длинным пальцем на все четыре стены избушки.

– Прошу приготовиться! – сказал он коротко и повели-

тельно. — Они будут нападать на нас со всех сторон. Только бы нам продержаться до ночи, а ночью они нападать не станут, так как очень суеверны и боятся темноты. Они не делают этого даже и в том случае, если их к этому будет принуждать сам Блэк. А за этим-то артистом я и гнался по пятам, когда вдруг наткнулся на Армина и его людей. Смелее!

В его голосе прозвучала вдруг какая-то неприятная нота, когда он вновь стал смотреть через щель в стене. Филипп отсчитал поровну снаряды и через всю избушку посмотрел на Селию и ее отца. Оба они прислушивались к тому, что говорил сейчас Олаф, но он знал, что они не поняли ни слова. Он всыпал шведу в правый карман тужурки половину патронов и затем выступил вперед, протянув к Армину обе руки для приветствия. Даже в этот напряженный момент он заметил, как вдруг просияло от удовольствия лицо у Селии. Губы ее зашевелились, она что-то быстро и тихо говорила отцу, то и дело поглядывая на Филиппа. Армин подошел к нему, и руки их встретились. В первую минуту Филипп принял его за старика. Его волосы и борода были совершенно седые, спина у него была сгорблена, и руки казались длинными и худыми. Но зато глаза у него, глубоко запавшие в орбиты, светились молодо и бодро, как у орла. Он пристально глядел ими на Филиппа, расценивая его так глубоко и всесторонне, как только мужчина может оценивать мужчину. Затем он заговорил и только по тому, как вдруг заблестали глаза у Селии, как разжались ее губы и как быстро вспыхнуло румянцем все

ее лицо, он понял, о чем говорил ему Армин.

С другого конца избушки вдруг послышался голос Олафа. Вместе с ним донеслось и металлическое шелканье ружья, которое он заряжал. Сперва он поговорил о чем-то с Селией и ее отцом на их родном языке, а затем сказал Филиппу по-английски:

– Вернее будет, если мы теперь же подготовимся к отпору. Скоро они начнут. Вы уже разделили патроны?

– Да, каждому по семнадцать, – ответил Филипп. – У вас в правом кармане.

Филипп осмотрел свое ружье и стал глядеть сквозь щель на тундру. Он слышал, как Олаф тащил к себе собак, чтобы привязать их к ножкам скамьи, слышал, как что-то говорил на своем непонятном языке Армин и как утвердительно ему ответил швед, которого быстро и тихонько переспросила Селия. В тот же самый момент у него сильно забилося сердце.

Враги соединились вместе и перешли в наступление.

– Идут! – обратился он к Олафу.

Швед спокойно подошел к своей щели и направил в нее ружье.

– Не волнуйтесь, Филипп, – сказал он. – Отсюда у нас хороший прицел, и мы можем отлично попрактиковаться сегодня в стрельбе. Вот только бы они подошли поближе!

В эти минуты напряженного ожидания Филипп впервые улучил возможность поговорить со своим соседом. Сперва он сказал:

– Думаю, Олаф, что, быть может, вы и поймете меня. Вместе с этой девушкой мы прошли целый ад, и я полюбил ее. Если нам удастся выбраться отсюда, то она будет моей женой. Она уже обещала мне это, но, к сожалению, я ровно ничего не понял из того, что она говорила мне о себе. В чем дело? Кто она такая? Почему вдруг она оказалась у Брэма Джонсона? Вы знаете их язык и к тому же некоторое время пробыли вместе с ними.

– Вот они сейчас там получают распоряжения, – перебил его Олаф, точно вовсе его и не услышал. – Они затевают что-то особенное. Это все Блэковские планы. Смотрите, как они разбились на группы!

Он глубоко вздохнул и, точно ничего и не случилось, продолжал без малейшей перемены в голосе:

– Калкинс, Гаррис и Офлин погибли в честном бою, тщетно отбиваясь. Но об этом я расскажу вам потом. Целых семь дней я убежал на запад и вдруг наткнулся на лагерь Армина, этой девушки и двух русских. От залива Коронации их вели, в качестве проводников, два эскимоса. Ну а об остальном вы можете догадаться и сами. Эти проводники дали знать о нас Блэку и его шайке два дня спустя, как я познакомился впервые с Армином и его дочерью. Затем вдруг как снег на голову откуда-то появился Брэм Джонсон со своими волками. Он остановился около нас, долго сидел на корточках и что-то бормотал. Тогда я стал за ним наблюдать. Оказалось, что он подобрал один из волосков Селии, который она сброси-

ла во время причесывания с гребешка и когда увидел меня, то зафыркал, как зверь, точно боялся, что я отниму у него этот священный волос. Я понял тогда, что этот волос ему нужен был для силка. Я предвидел, что должно было случиться. Я знал, что Блэк только и ожидал того, чтобы Брэм поскорее уехал и развязал ему этим руки. Поэтому я посоветовал Селии давать Брэму свои волосы добровольно, чтобы задержать его при нас подольше. Она стала давать их ему своими собственными руками, и с этой минуты этот сумасшедший стал следовать за нею по пятам, как собака. Я пробовал было поговорить с ним, но это оказалось невозможным. От него нельзя было добиться ни одного слова. Ну-с, а затем Брэму и его волкам понадобилось мясо, и он все-таки должен был от нас уехать. Тогда Блэк напал на нас. Оба русских были убиты, а я и Армин забились в уголок, прикрыли своими телами Селию и долго отбивались, пока наконец точно снег на голову снова не явился к нам Брэм. Он вовсе не принял никакого участия в этой драке, а просто отнял у нас девицу, посадил ее к себе в сани – и был таков со своими волками! Армин и я впоследствии кое-как добрались до этой избушки и живем в ней вот уже сорок дней и сорок ночей. Сбегал было я сегодня, чтобы достать себе пищи, да вот нарвался опять на этих разбойников и пришлось вернуться назад ни с чем...

Его голос вдруг осекся. Через какую-нибудь сотую секунды вслед за этим грянул выстрел из его ружья, и вслед затем один из эскимосов Блэка повалился на землю.

Послышалась стрельба со всех сторон. Эскимосы бежали к хижине на рысях по открытому пространству и стреляли на бегу. Филиппа удивило их количество. Сердце его замирало от отчаяния даже в тот самый момент, когда, нажав затвор, он сделал свой первый выстрел в нападавших. Что будет с Селией, когда его убьют? А что его убьют, он в этом не сомневался нисколько, так как пули уже давно стучали о бревенчатые стены избушки, точно кастаньеты.

Филипп уже видел, как в нескольких местах пули уже пробили стены и влетели в избушку, и, приставив ружье к косяку, подскочил к Селии и почти на руках отнес ее вглубь и загородил ее скамьей, стоявшею вдоль стены.

– Оставайся здесь! – приказал он ей. – Понимаешь? Здесь!

Она улыбнулась ему и утвердительно кивнула головой. Это была удивительная улыбка, полная нежности, которая говорила ему, что она поняла то, что он говорил ей, и будет ему повиноваться. Она не сделала ни малейшей попытки удержать его около себя, но в этот момент Филипп не мог осилить искушения, привлек ее к себе и поцеловал ее в губы. Армин стоял у двери, держа в руке тяжелую дубину, которая нижним своим концом касалась пола. Он спокойно ожидал заключительной сцены атаки, когда враги будут наконец ломиться в самую избу. А затем случилось то, чего так боялся Филипп. Пули стали пробивать дверь и влетать через окно. Одна из собак вдруг жалобно завизжала и повалилась на пол, начав корчиться от конвульсий.

Олаф отступил назад и посмотрел на Филиппа. Теперь на его лице уже не было улыбки. Оно застыло, как железная маска.

– Ложитесь! – скомандовал он. – Слышите? Ложитесь все!

Он опустился на колени и приказал это сделать и Армину на его родном языке.

– Растянитесь на полу! – продолжал он. – Вытяните ноги по направлению к ним и так лежите, пока они совсем не прекратят стрельбу. Вот так! – И он сам растянулся на полу параллельно полету пуль.

Вместо того, чтобы последовать примеру шведа, Филипп подскочил к Селии. На полпути к ней пуля задела его за ворот. Он опустился перед ней, забрал ее целиком к себе в руки и заслонил ее своим телом от огня. Минутой позже он уже благодарил за это судьбу, так как пули стали влетать в избушку, как крупные капли дождя. Он опять услышал команду шведа, кричавшего ему с пола:

– Нагнитесь ниже! Спрячьтесь за последнее бревно! Вы имеете в своем распоряжении еще восемь дюймов!

То же он приказал, по-датски и Армину.

И вдруг неожиданно, сама собою, пальба прекратилась.

Вместо ружейного огня до них вдруг долетел неожиданный гул голосов, и Олаф вскочил на ноги и радостно вскрикнул. Филипп тоже бросился к нему, и оба выглянули через щель наружу.

– Что такое?! – в удивлении воскликнул Олаф. – Да это

никак Брэм Джонсон? Да, да! Так и есть! Это сам Брэм Джонсон!

Даже Селия поняла потрясающее значение этих слов взволнованного Олафа. Неужели это правда? Неужели в самом деле это Брэм Джонсон? Она бросилась вслед за Филиппом и выглянула вместе с ним через щель. Оттуда, от той далекой полоски леса, сюда бежали Брэм и его волки! Вся стая была на свободе и развевалась, как громадный веер. Она мчалась с быстротою ветра! А за ними едва поспевал на своих лыжах их хозяин Брэм – дикая, чудовищная фигура, выделявшаяся на яркой белизне снега. В руках у него была тяжелая дубина. Он что-то кричал вслед волкам. Этот его вопль покрывал собою все другие звуки, как рев дикого, громадного животного, и они его услышали и повиновались. Они побежали еще скорее, а затем...

Находившиеся в избушке сразу поняли все, и сердца у них остановились.

Брэм Джонсон со своими волками повел атаку на эскимосов.

С безумца-великана, мчавшегося со своими кровожадными зверями через равнину, Филипп перевел глаза на нападавших. Охваченные суеверным страхом, они только смотрели на мчавшихся на них животных и на кричавшего во все горло человека-волка. Никто из них не поднял ружья и не выпустил ни одного заряда. А затем они вдруг пришли в себя и бросились бежать в разные стороны. Волки их уже настиг-

гали. Селия закрыла глаза руками. Швед проскользнул мимо нее, откинул засов и распахнул дверь настежь. Филипп последовал за ним.

Еще минута, и все было кончено. Последний из осаждавших скрылся в опушке леса, но волки бросились вслед за ними, а за волками побежал туда же и Брэм.

Филипп посмотрел на Олафа Андерсона. На лице у шведа была его старая улыбка. И несмотря на нее, он все-таки казался взволнованным.

– Мы не последуем за ними, – сказал он. – Брэм и его волки расправятся с ними и затем он вернется, когда все уже будет кончено. А тем временем не отправиться ли нам всем домой? Давайте запрягать собак! Я уже так устал от этой хижины! Сорок дней и сорок ночей – уф! – ведь это ад! Не найдется ли при вас табаку, Филипп? Если есть, то угостите... На чем это, бишь, я остановился, рассказывая вам историю Селии и Армина? Что это, табачок?

Филипп протянул ему свой кисет с табаком и трубкой. Олаф набил ее и закурил, сразу выпустив целое облако дыма.

– Да, на чем, бишь, я остановился? – продолжал он. – Ах да! Этот самый Армин рассказал мне, что, несмотря на то, что он был природным датчанином, его по особым проискам Распутинской партии арестовали и засадили в Петропавловскую крепость, где он протомился несколько лет. Большая часть его друзей тоже оказались кто в ссылке, кто в тюрьме. Некоторые из них, впрочем, заботились о Селии, думая,

что он умер. Как только Распутин был убит и еще прежде чем началась революция, они узнали, что Армин был жив и медленно умирал где-то в отдаленных местах Сибири. Мать Селии, тоже датчанка, умерла еще тогда, когда Селия была ребенком. Но некоторые из родных и кое-кто из русских решили вернуть Армина из Сибири, наняли пароход и отправились вместе с Селией на поиски.

Он остановился на минуту, чтобы снова зажечь трубку.

– И они нашли его, – продолжал он. – Они бежали с ним из Сибири раньше, чем узнали о революции, иначе Армин вернулся бы оттуда вместе с другими ссыльными, и ему были бы возвращены его права. По каким-то соображениям они погрузили его на американское китобойное судно, а этот китобой имел несчастье быть затертым льдами и должен был зимовать в заливе Коронации. Тогда они сошли с него на берег и отправились далее уже на собаках с проводниками. Ну, а остальные подробности вы, Филипп, узнаете, когда научитесь у Селии ее языку, а ее выучите говорить по-английски. Ведь вам придется сделать из нее американку. Не правда ли?

Селия тоже вышла из избушки и стала рядом с Филиппом. Тихая радость, которая светилась у нее в глазах и которой она не скрывала, заставила Олафа слегка засмеяться.

– А она полюбит Америку! – воскликнул он. – Да, милейший, она полюбит ее больше, чем все другие страны на всем

земном шаре! Уверяю вас!

В тот же полдень они медленно отправились к югу, держась берега Медной реки, и вдруг неожиданно услышали позади себя вой волков Брэма Джонсона. Он донесся до них только однажды, как отдаленное завывание ветра, и тем не менее, когда с наступлением темноты они расположились на отдых, Филипп был твердо уверен, что сумасшедший со своими волками находился где-нибудь поблизости от них. Совершенное изнеможение от усталости сливалось для него и для Селии эти часы в одну общую, сплошную массу в то время, как Олаф, одевшись потеплее, всю ночь просидел на страже. Два раза в тишине ночи до него доносились крики. Одним из них был голос человека другим – вой его волков.

На следующий день они расположились на ночлег на опушке леса и разожгли громадный костер. Это был такой огонь, что было видно все на расстоянии пятидесяти шагов и даже больше. И вот именно на этот огонь и явился Брэм Джонсон. Он подошел к костру так неожиданно и так неслышно, что Селия вдруг вскрикнула от испуга, а Олаф, Филипп и Армин в удивлении уставились на него большими глазами. Казалось, что Брэм позабыл обо всем на свете, кроме одной только Селии. Он подошел к ней, долго смотрел на нее, не отрывая глаз, и затем круто повернул назад и исчез во мраке. Швед бросился за ним вслед, но было уже поздно.

В конце концов, много все-таки в жизни разных происшествий и подчас таких странных, что просто разведешь руками. Случай с Брэмом Джонсоном с Крайнего Севера, этим безумным человеком-волком, несомненно, относится к их числу. Среди архивных материалов пограничной стражи в Черчилле в настоящее время хранится объемистый пакет, полный официальных и личных документов. Там имеется, между прочим, краткий и откровенный доклад капрала Олафа Андерсона, есть и более длинное и подробное изложение показаний мистера и миссис Филиппа и Селии Брант и Поля Армина. К этим бумагам приложена также и копия официального распоряжения о помиловании Брэма Джонсона. За ним уже не охотится больше никто. «Да будет Брэм Джонсон на свободе» – вот та фраза, которая объявлена всем чинам пограничной стражи, – и это несомненно разумное и гуманное постановление, так как страна Брэма пустынна и велика, и он никому там не может помешать, охотясь со своими волками при свете полярной луны и звезд.